

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ А. ДОНИША**

УДК: 902.6(575.3)

На правах рукописи

САЙФУЛЛОЕВА ШАХНОЗ ИЗАТУЛЛОЕВНА

**КУЛЬТОВАЯ ТЕМАТИКА АНТРОПОМОРФНОЙ ТЕРРАКОТЫ
БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА И СОГДА (ПО МАТЕРИАЛАМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТАДЖИКИСТАНА)**

Специальность: 5.6.1 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Ходжаева Н. Дж.

Душанбе – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ	19
АНТРОПОМОРФНЫХ СТАТУЭТОК И ТРАКТОВКА ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ОБРАЗОВ	19
1.1. Истоки традиций мелкой пластики в Бактрии-Тохаристане и Согде (по материалам Таджикистана).....	19
1.2. Семантика и иконография культовых образов.....	30
ГЛАВА 2. ТЕМАТИКА И ИКОНОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ТЕРРАКОТЫ С АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТАДЖИКИСТАНА	79
2.1. Синтез культурных традиций в бактрийско-тохаристанской терракоте.....	79
2.2. Интерпретация и иконографический анализ согдийской корошестики.....	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	167
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ .	170
ПРИЛОЖЕНИЕ. ИЛЛЮСТРАЦИИ	193

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АН	- Академия наук
АРТ	- Археологические работы в Таджикистане
ВДИ	- Вестник древней истории
ГРВЛ	- Главная редакция восточной литературы
ЗИИМК	- Записки Института истории материальной культуры Российской Академии наук
ИИМК РАН	- Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ИМКУ	- История материальной культуры Узбекистана
Изд-во	- Издательство
Ин-т	- Институт
ИРГО	- Императорское Русское географическое общество
КСИА	- Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК	- Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИЭ	- Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
МАЭ	- Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)
МИЦАИ	- Международный институт центральноазиатских исследований (Республика Узбекистан, г. Самарканд)
МПАЭ	- Материалы Пенджикентской археологической экспедиции
МТЭ	- Материалы Тохаристанской экспедиции
НМДТ	- Национальный музей древностей Таджикистана
НМТ	- Национальный музей Таджикистана
ООН АН Тадж.ССР	Отделение общественных наук Академии наук Таджикской ССР
ОНУ	- Общественные науки в Узбекистане
ПТКЛА	- Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии
СПб.	- Санкт-Петербург
СТАКЭ	- Северно-Таджикистанская археологическая комплексная экспедиция
ТХАЭЭ	- Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ЮТАКЭ	- Южно-Таджикистанская археологическая комплексная экспедиция

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В Бактрии-Тохаристане и Согде, как и в других историко-культурных областях Центральной Азии, античность и раннее средневековье были одними из периодов наивысшего расцвета культуры и искусства. Такое заключение основано на изучении обширного археологического материала, в том числе представляющего различные области художественного творчества. Наряду со скульптурой и художественной резьбой, в Бактрии-Тохаристане и Согде процветали монументальная живопись, искусство изготовления глиняных статуэток, другие области изобразительной деятельности. Изучение археологических артефактов, исторический и культурологический анализ предметов искусства того периода представляет значительный научный интерес. Это объясняется тем, что их интерпретация способствует нашему пониманию мировоззрения и верований коренного населения - предков таджикского народа, господствовавшей в античном и раннесредневековом обществе идеологии и распространенных культов.

Характерная особенность искусства рассматриваемых периодов – непрекращающийся синтез культур. Так, в начальный период эпохи античности местные бактрийско-согдийские изобразительные традиции подверглись интенсивному смешению с европейским эллинистическим (греческим) искусством. В дальнейшем искусство, сформировавшееся в результате этого культурного синтеза, пришло в соприкосновение с другими новыми, внедренными извне, направлениями – культурами кочевых племен (в частности, юэчжи в Бактрии), а также древнеиндийской, проникшей в регион с юга. Для этих регионов последняя стадия античности – период, когда в изобразительном искусстве отражались каноны разных культов – буддизма, зороастризма, христианства и прочих местных религиозных течений. Еще одна особенность местной культуры античности – параллельное существование изобразительного искусства религиозного и светского содержания.

Богатый информативный материал для изучения не только материальной, но и духовной культуры таджиков дают археологические находки с территории современного Таджикистана в период вхождения этих земель в состав Бактрии-Тохаристана и Согда, который насчитывает почти тысяча лет. Одним из таких материалов является терракота. Исследования показывают, что в эпоху раннего железа на территории Бактрии-Тохаристана и, особенно, Согда господствовали зороастрийские верования. В зороастрийском обществе, вероятно, терракоты не находили применения. Их появление наблюдается в конце IV – III вв. до н.э., очевидно, под влиянием эллинистической культуры. Образы почитавшихся богов и богинь греческого и местного пантеонов получили наглядное воплощение в различных произведениях изобразительного искусства, включая монументальную и мелкую пластику, в частности коропластику в виде терракотовых статуэток.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что:

1) позволяет пролить свет на истоки зарождения в Бактрии-Тохаристане и Согде отдельных видов изобразительного творчества, а также условия, в которых другие, более ранние, направления получали свое дальнейшее развитие.

2) терракоты отображают возможности и духовные горизонты таджикского народа - коренного населения этих регионов, и по ним можно проследить исторические этапы развития не только его материальной, но и духовной культуры.

1) историко-художественный анализ сохранившихся артефактов позволяет дополнить наши, полученные на основе материалов письменных источников, знания о традициях и ритуалах, образах почитавшихся божеств и других культовых персонажах;

4) комплексный подход в исследовании культовой тематики терракот Бактрии-Тохаристана и Согда позволяет по-новому взглянуть на уровень развития духовной культуры предков таджикского народа.

Степень изученности проблемы. Изучению художественных памятников Бактрии-Тохаристана и Согда рассматриваемого периода всегда уделялось большое внимание. При этом значительное место отводилось изучению артефактов изобразительного характера, как произведений, отражающих специфику культуры той эпохи. На основе художественного анализа этих произведений выдвинуты предложения по реконструкции сюжетов, описанию религиозных ритуалов, интерпретации представленных образов, принципов иконографии и т.д. Научные публикации, которые освещают отдельные аспекты настоящей темы, могут быть сгруппированы следующим образом:

К первой группе относятся монографические исследования, которые посвящены терракотовым изображениям (фигуркам, плакеткам) из Бактрии-Тохаристана, Согда и других конкретных областей Центральной Азии. В этих работах, число которых невелико, приводятся систематизированные сведения по классификации, описанию, иконографии и датировке находок. На сегодня это – труды В. А. Мешкерис¹, Н. Д. Двуреченской².

Ко второй группе можно отнести научные публикации, посвященные антропоморфным изображениям (глиняным, терракотовым и др.) древнейшего, древнего и раннесредневекового периодов Бактрии-Тохаристана, Согда и соседних с ними регионов. Такие труды выполнены В. М. Массоном вместе с В. И. Сарияниди³, Е. В. Антоновой¹, Н. Ф. Соловьевым², Л. Р. Кызласовым³ и др.

¹Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962; Она же. Коропластика Согда. Душанбе: Дониш, 1977; Она же. Согдийская терракота. Душанбе: Дониш, 1989.

²Двуреченская Н.Д.Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н.э. - IV в. н.э.: археологический аспект: автореферат дис. ... канд. исторических наук. М., 2008; Она же.Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н.э. – IV в. н.э. (археологический аспект). СПб.: Нестор-История, 2016; Она же, НовиковС. В. Терракотовая пластика Маргианы (по материалам Среднеазиатской археологической экспедиции 1980 - 2003 гг.)// ScriptaAntiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. 3. М., 2013. С. 481-572.

³Массон В. М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М.: ГРВЛ, 1973.

В третью группу включены научные работы, тема которых – историко-искусствоведческий анализ конкретных терракотовых статуэток, найденных в пределах Таджикистана. Авторами этих работ являются Б. И. Маршак (в соавторстве с В. И. Распоповой)⁴, Н. Н. Негматов⁵, Х. Мухитдинов⁶, Н. Т. Рахимов⁷ и др.

В четвертую группу включены статьи исследователей, которые внедряют в науку, наравне с другими найденными артефактами, отдельные находки произведений мелкой терракотовой пластики, обнаруженных во время раскопок археологов памятников (городища, поселения, замки, могильники и др.), расположенных на территории Таджикистана. В этих публикациях приводятся иллюстрации находок, даны их краткие, но точные описания с указанием размеров, а также сделана, зачастую обоснованная попытка интерпретации представленных образов. В этом аспекте можно выделить труды Б. А. Литвинского⁸ и А. В. Седова⁹, Е. В. Зеймаль¹⁰, Ю. Якубова¹¹, Т. М. Атаханова¹, Н. М. Виноградовой², Ш. Ходжаева³, С. Бобомуллоева⁴, Ш. Ф. Курбанова⁵ и др.

¹ Антонова Е. В. Антропоморфная статуэтка древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1977.

² Соловьев Н. Ф. Антропоморфные изображения Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам поселения Илгынлы-депе). СПб., 2008.

³ Кызласов Л. Р. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии // КСИИМК. Вып. 63. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 14-21

⁴ Маршак Б. И., Распопова В. И. Два терракотовых образка из Пенджикента // ЗИИМК. №. 7. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012. С. 95-102.

⁵ Негматов Н. Н. Терракотовая статуэтка воина из Регарского района // АРТ. Вып. 10 (1970 г.). Душанбе, 1973. С. 191-193.

⁶ Мухитдинов Х. Терракоты Саксанохура // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 378-382.

⁷ Рахимов Н. Т. Терракотовая статуэтка с городища Мугтепа // Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук. Душанбе, 1985. № 3. С. 24-25.

⁸ Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983. С. 146, 209.

⁹ Седов А. В. Работы на Халкаджаре в 1981 г. // АРТ. Вып. 21 (1981 г.). Душанбе: Дониш, 1988. С. 297-309.

¹⁰ Зеймаль Е. В. Археологические работы в Шахринау // АРТ. Вып. 19 (1979 г.). Душанбе: Дониш, 1986. С. 173-185.

¹¹ Якубов Ю., Курбанов Ш. Археологические раскопки на городище Нозкуль (Кайнар) и могильнике Гелот в 2007 г. // АРТ. Вып. 33. Душанбе, 2009. С. 73-100; Он же, Худжагельдиев Т.,

Следует отметить, что территория исторического формирования таджикского народа не ограничивается пределами современного Таджикистана и охватывает земли, значительно выходящие за его границы. Аналоги произведениям корoplastики, сохранившимся зачастую во фрагментированном виде, имеются в материалах памятников, расположенных в пределах Узбекистана, Туркмении, Кыргызстана, Казахстана, Афганистана и Ирана. Это обстоятельство служит весомым основанием для привлечения исследований, объектами изучения в которых выступают артефакты, обнаруженные на территории указанных государств. Данный аспект принят во внимание при составлении последующих групп исследований.

Пятую группу составляют научные публикации, посвященные искусствоведческому и культурологическому анализу (выяснению семантики представленных образов, стилистических особенностей, иконографии и др.) антропоморфных глиняных статуэток. К этой группе относятся статьи Г. А.

Курбанов Ш. О работах Кулябского отряда на городище Золи Зард в 2008 г. // АРТ. Вып. 34. Душанбе, 2010. С. 241-277; Он же, Довуди Д. Археологические раскопки на городище Золи Зард Фархорского района в 2009 г. // АРТ. Вып. 35. Душанбе, 2012. С. 235-249; Якубов Ю., Гарифулина З. Работы Верхнезерафшанского археологического отряда на Наврузшах Пв 1986 г. // АРТ. Вып. 26 (1986 г.). Душанбе – Худжанд, 2005. С. 458-471 и др.

¹ Атаханов Т. М. Работа на городище Шишихона в 1983 г. // АРТ. Вып. 22 (1983 г.). Душанбе: Дониш, 1991. С. 284-297; Он же, Радилиловский В. В. Археологическое исследование городища Калаи Шодмон в 1978 г. // АРТ. Вып. 18 (1978 г.). Душанбе: Дониш, 1984. С. 146-155; Он же. Работа на Шишихона в г. Душанбе в 1982 г. // АРТ. Вып. 22 (1982 г.). Душанбе: Дониш, 1990. С. 311-324. С. 321-322.

² Виноградова Н. М. Земледельческие памятники Южного Таджикистана в эпоху поздней бронзы // Археологические вести. № 11. СПб., 2004. С. 71-94; Она же, Пьянкова Л. Т. Работы в Гиссарской долине в 1977 г. // АРТ. Вып. 16 (1977 г.). Душанбе: Дониш, 1983. С. 56-68; Она же. Исследования на поселении эпохи бронзы Кангурттут в 1986 г. // АРТ. Вып. 26 (1986 г.). Душанбе – Худжанд, 2005. С. 364-386.

³ Ходжаев Ш. Археологические исследования в окрестностях селения Хульбак в 2006 году // АРТ. Вып. 32. Душанбе, 2008. С. 176-197.

⁴ Бобомуллоев С. Древнейшая и древняя история Гиссара. Душанбе, 2015.

⁵ Курбанов Ш. Ф. Тали Хамтуда // Археологические вести. СПб., 2004. Вып. 11. С. 156-173; Он же, Лурье П. Б., Семенов Н. В. Краткий отчет о раскопках Пенджикента и городища Хисорак в Горном Матче в 2013 г. // АРТ. Вып. 39. Душанбе, 2017. С. 112-138.

Пугаченковой¹, В. А. Мешкерис², Б. И. Маршака³, Т. И. Зеймаль⁴, Т. К. Мкртычева⁵, В. Н. Пилипко⁶, Х. Ю. Мухитдинова⁷, Э. В. Ганевской и Ф. А. Заславской⁸, Т. С. Вызго⁹, К. Абдуллаева¹⁰, И. Д. Иваницкого¹¹, Ш. Т. Адылова¹², Н. Д. Двуреченской¹, С. А. Савчук², О. И. Каландаровой³ и др.

¹ Пугаченкова Г. А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах // *Материалы по археологии и этнографии Узбекистана*. Т. 2. Ташкент, 1950. С. 8-57; Она же. *Материалы по коропластике Бактрии - Тохаристана // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран: История и филология*. М., 1967. С. 176-185; Pugachenkova G. A. *New Terracottas from North Bactria // Mesopotamia*. Vol. 42:1. Roma, 1992. P. 49-67.

² Мешкерис В. А. Терракоты из Кара-тепе // *Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе*. М., 1969. С. 126-138; Она же. *Среднеазиатские школы коропластики в кушанскую эпоху // Центральная Азия в кушанскую эпоху*. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 363-369.

³ Маршак Б. И. Согдийские терракоты // *Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.* М.: Наука, 1972. С. 276-277.

⁴ Зеймаль Т. И. Терракоты Северного Тохаристана (вопросы археологической периодизации) // *Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке*. М.: Наука, 1983. С. 42-44.

⁵ Мкртычев Т. К. Буддийская терракота Бактрии – Тохаристана: к вопросу о ее роли в искусстве и культуре // *Средняя Азия. Археология, история, культура*. М., 2000. С. 162-167; Он же. *Буддийская терракота // Буддийское искусство Средней Азии (I - Хвв.)*. М.: ИКЦ “Академкнига”, 2002. С. 172-198; Он же, Ильясов Дж. Я. Терракотовые плакетки из Тохаристана // *Центральная Азия. Источники, история, культура*. М., 2005. С. 497-523; Он же. *Терракота древней Бактрии: прототип и повторение // Оригинал и повторение. Подлинник, реплика, имитация в искусстве Востока*. М.: Гос-й институт искусствознания, 2014. С. 116-125.

⁶ Пилипко В. Н. Об одной группе “мужских” терракот из Мерва // *Проблемы истории, филологии, культуры*. М.; Магнитогорск, 2010. № 1. С. 103-115.

⁷ Мухитдинов Х. Ю. Бактрийский всадник (археологические материалы о бактрийско-скифских контактах) // *Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы I-ой Всесоюзной археологической конференции (Кемерово, декабрь 1979 г.)*. Кемерово, 1980. С. 221-227.

⁸ Ганевская Э. В., Заславская Ф. А. К атрибуции одной из терракот Сурхандарьинского краеведческого музея в г. Термезе // *Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура)*. М.: Наука, 1977. С. 87-92.

⁹ Вызго Т. С. Изображения музыкантов в коропластике Дальварзинтепе // *Дальварзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана*. Ташкент: Фан, 1978. С. 165-171.

¹⁰ Абдуллаев К. Коропластика Бактрии - Тохаристана в античную и раннесредневековую эпохи: автореф. дис. ... канд. исторических наук. М., 1985; Он же. Об одном буддийском образе в коропластике Бактрии-Тохаристана // *ИМКУ*. Вып. 24. Ташкент: Фан, 1990. С. 60-70; Он же, Раджабов С. Терракотовая плитка с изображением Диониса и Сатира из Кашкадарьи // *ИМКУ*. Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 111-114; Он же. Трансформация греческих образов в терракотовой пластике Кампыртепа // *МТЭ*. Вып. 3. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2002. С. 27-36; Abdullaev K. *Buddhist Terracotta Plastic Art in Northern Bactria // Silk Road Art and Archaeology*. Vol. 5 (1997/1998). Kamakura, 1998. P. 161-178.

¹¹ Иваницкий И. Д. Образ богини Анахиты в коропластике Согда // *ИМКУ*. Вып. 17. Ташкент: Фан, 1982. С. 78-80.

¹² Адылов Ш. Т. О коропластике Бухарского Согда // *ИМКУ*. Вып. 18. Ташкент: Фан, 1983. С. 65-76.

Шестую группу составляют научные статьи, где объектами изучения служат одна или группа терракотовых статуэток из конкретных памятников. К таковым относятся труды В. С. Соловьева⁴, Н. В. Дьяконовой⁵, Т. К. Мкртычева⁶, Ю. Д. Баруздина⁷, Е. А. Исхаковой и М. Х. Исхакова⁸, Ш. Р. Пидаева⁹, К. Абдуллаева¹⁰, С. Н. Воробьевой¹¹, М. Г. Воробьевой¹², Дж. Я. Ильясова¹³, А. В. Омельченко¹⁴ и др.

К седьмой группе мы объединили ряд публикаций, которые исследуют целый ряд вопросов, связанных с богами, чьи образы получили отражение в изобразительном искусстве. Они не имеют прямого отношения к терракотовым статуэткам, зато способствуют трактовке образов, которые на них представлены. К ним относятся труды О. И. Смирновой, глубоко

¹ Двуреченская Н.Д. Об одном типе антропоморфных статуэток Маргианы // Российская археология. - М.: Наука, 2014. Вып. 1. С. 100-112.

² Савчук С. А. Предметы малого искусства из Кампыртепа // ОНУ. Ташкент, 1984. № 7. С. 39-41; Он же, Малькеева А. А. Терракотовые статуэтки музыкантов из Кампыртепа // ОНУ. Ташкент, 1989. № 5. С. 34-38.

³ Каландарова О. И. Семантика сюжетов ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда: дис. канд. ист. наук: 07.00.06; 07.00.09. Душанбе, 2021. 240 с.

⁴ Соловьев В. С., Тихонов Р. В. Терракотовая пластика поселения Дабилькуртан в Северной Бактрии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 2. С. 121-129.

⁵ Дьяконова Н. В. Терракотовая фигурка Захака // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. 3. Л.: 1940. С. 195-208.

⁶ Мкртычев Т. К. К интерпретации терракоты из Сары-тепе II (Южный Согд) // Советская археология. 1985. № 3. С. 255-257.

⁷ Баруздин Ю. Д., Подольский А. Г. Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника // КСИА. № 85. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 127-129.

⁸ Исхакова Е. А., Исхаков М. Х. Терракоты Дальверзинтепе // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. С. 161-164.

⁹ Пидаев Ш. Р. К вопросу о появлении образа Будды в коропластике Бактрии // ИМКУ. Ташкент, 1999. Вып. 30. С. 133-137.

¹⁰ Абдуллаев К. Эллинистические мотивы в терракотовой пластике Паёнкуртана (Северная Бактрия) // ИМКУ. № 30. Самарканд, 1999. С. 126-132.

¹¹ Воробьева С. Н. Об одной группе терракот с городища Еркурган // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент: Фан, 1990. С. 116-120.

¹² Воробьева М. Г. Хорезмийские терракоты // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С. 184-194.

¹³ Ильясов Дж. Я. Терракота Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 1. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2000. С. 97-106.

¹⁴ Омельченко А. Терракотовые статуэтки лютнисток с поселения Сарайтепа // SANAT [Электронный журнал]. Вып. 3. 01.07.2000. № 2081; Он же. Омельченко А. В. Коропластика Восточной Кашкадарьи античного времени // SANAT [Электронный журнал]. 01.01.2013. Вып. 1. №. 612.

изучившей вопрос о домусульманских культах на основе материалов среднеазиатской топонимики¹.

В целом, материалы всех этих работ, за исключением трудов Н. Д. Двуреченской, освещают художественные особенности артефактов из конкретных районов и, даже, отдельных исторических памятников. В свою очередь, Н. Д. Двуреченской бактрийско-тохаристанские, согдийские и другие античные терракотовые статуэтки изучены в аспекте археологических данных, без детального рассмотрения художественного значения этих произведений. Исследователь отмечает, что для ее работы художественная составляющая указанных артефактов имеет значение второстепенное и в систематизированном виде она должна служить предметом самостоятельного изучения².

Таким образом, историографический анализ существующих публикаций по культовой тематике терракот Бактрии-Тохаристана и Согда показал, что терракота является своеобразным художественным феноменом, который служит наглядным примером синтеза культуры населения Бактрии-Тохаристана и Согда, помимо соседних регионов, как с древней Грецией, так и с Индией.

В изучении данного вопроса имеются определенные достижения и противоречивые точки зрения. Историографический анализ, показал также, что по данной теме не существует специальной монографии и диссертационного исследования. Накопленный за последние годы новый археологический материал в некоторых случаях требует пересмотреть

¹ Смирнова О. И. К вопросу о среднеазиатских культах (Из среднеазиатской топонимики) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. № 1. М.: Наука, 1970. С. 92-94; Она же. Места домусульманских культов в Средней Азии (по материалам топонимики) // Страны и народы Востока. Вып. 10. М.: Наука, 1971. С. 90-108; Она же. К вопросу о среднеазиатских культах (О культах Артавахишты и Митры по данным топонимики) // Советская этнография. № 1. М.: Наука, 1974. С. 131-138.

² Двуреченская Н.Д. Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н.э. – IV в. н.э. (археологический аспект). СПб.: Нестор-История, 2016; Она же. Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н.э. - IV в. н.э.: археологический аспект: автореферат дис. ... канд. исторических наук. М., 2008.

интерпретацию культовой тематики терракот. Следовательно, возникла необходимость в историко-искусствоведческом анализе терракот в широких хронологических и географических границах в аспекте интерпретации представленных образов, глубокого анализа символики декора и, с опорой на полученные материалы, рассмотрение антропоморфной терракоты исторического этнокультурного феномена. Данная проблема требует принципиально нового методологического подхода, который мы постарались реализовать в представленной диссертационной работе.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является изучение бактрийско-тохаристанских и согдийских антропоморфных терракотовых статуэток и плакеток из пределов Таджикистана как предметов религиозного почитания.

В число задач исследования входят:

- изучение древнейшей и древней истории формирования традиций мелкой пластики на территории современного Таджикистана;
- изучение семантики и иконографии культовых образов в произведениях изобразительного искусства;
- сбор материала и художественное описание терракотовых статуэток и плакеток, найденных на территории Республики Таджикистан;
- выявление светской и религиозной сущности персонажей, изображенных в антропоморфной терракоте, интерпретация и реконструкция традиционных образов;
- иконографический анализ антропоморфных терракотовых изображений;
- на основе терракотовых статуэток и плакеток изучение процессов синтеза культурных традиций разных народов античности и раннего средневековья в свете социально-политических и религиозных изменений в обществе.

Источниковедческая база работы. Для исследования настоящей темы привлечены археологические и письменные источники. Их можно разделить на следующие категории:

1. Основной базой для написания диссертации послужили материалы 53 археологических памятников Северного и Южного Таджикистана, в том числе бактрийских – 47 (Гиссарская долина – 25, долины Вахша и Кофарнигана – 14, Кулябский оазис – 8) и согдийских – 6 памятников. К ним относятся находки в виде изделий коропластики (терракотовые статуэтки и плакетки). Всего в работе анализируется 226 произведений терракотовой пластики, из них бактрийских – 174 и согдийских – 52 терракот. В качестве аналогий привлекались материалы из сопредельных стран и разных исторических периодов. Исследуемый материал находится в коллекции Национального музея древностей Таджикистана (НМДТ) Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана, Национального музея Таджикистана (НМТ), Историко-культурного музея-заповедника «Хульбук» и др.

2. Артефакты, имеющие отношение к другим областям изобразительного искусства (статуэтки из сырой глины, скульптура, торевтика, керамика, ювелирные украшения, настенная роспись и др.). Необходимость их привлечения обусловлено в целях идентификации антропоморфных образов, трактовок представленных сюжетов, для выполнения сравнений и обобщений.

3. Письменные источники, анализ которых дает возможность уточнить, а в некоторых случаях определить, семантику образов терракотовых фигур. Базовыми источниками для данного исследования являются письменные источники зороастрийские («Авеста»¹, пехлевийская литература: «Дадестан-

¹ В работе используются русский и таджикский переводы «Авесты». См.: Авеста в русских переводах (1861-1996). Сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И.В. Рака. СПб.: «Журнал “Нева”, «Летний Сад», 1998. 480 с.; Авесто: Куҳантарин сурудҳо ва матнҳои эронӣ. Гузориш ва паҷуҳиши Ҷ. Дусоҳ. Душанбе, 2001. 792 с.

и Меног-и храд», «Бундахишн»¹, «АрдаВиразНемаг»² и др.), античные (Геродот³), а также мусульманского периода («История пророков и царей» М. Табари⁴ и таджикско-персидский перевод этого сочинения в исполнении Балами⁵, «История Бухары» М. Наршахи⁶, «Канон врачебной науки» Авиценны⁷ и др.).

4. Лингвистический материал для настоящего исследования оказался весьма важным, так как авестийский язык нашел отражение в современных таджикском и памирских языках. Его привлечение способствовало определению семантики некоторых терракот.

5. Этнографический материал предоставил нам ценные сведения, которые позволили нам уточнить семантику некоторых терракот.

Хронологические рамки исследования охватывают эпоху среднеазиатской античности и раннего средневековья – период с конца IV в. до н.э. до начала VIII в. н.э. Выбор нижней границы обусловлен тем, что господство в регионе эллинистической культуры стало толчком для возрождения временно утерянных традиций терракотовой пластики. При установлении верхней границы исследования принято во внимание, что арабское нашествие и распространение ислама привело к запрету антропоморфных изображений, в том числе в произведениях коропластики.

Географические границы исследования охватывают отдельные области Республики Таджикистан, центральная и южная части которой

¹Зороастрийские тексты. Суждения Духа Разума (Дадастан-и Меног-и храд). Сотворение Основы (Бундахишн) и другие тексты / Издание подготовлено О.М. Чунаковой. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1997. 352 с.

² Пехлевийская «Божественная комедия»: Книга о праведном Виразе (АрдаВиразНемаг) и другие тексты / Введ., транслит. пехл. текстов, пер. и коммент. О.М. Чунаковой. М.: Изд-во Восточная литература РАН, 2001. 208 с.

³ Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.

⁴ В работе используются русский и таджикский тексты произведения. См.: Абуали Мухаммад Ибн Мухаммади Балами. История Табари (тадж.): В 2-х т. Тегеран, 2001. Т. 1. 824 с.; Т. 2. 817 с.; Ат-Табари. История посланников и царей. Ташкент: Фан, 1987. 432 с.

⁵ Абуали Мухаммад Ибн Мухаммади Балами. История Табари (тадж.): В 2-х т. Тегеран, 2001.

⁶ Наршахи М. История Бухары / Пер. с перс. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897. 124 с.

⁷ Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки: В 5 кн. / Пер. с арабского М.Е. Салье, У.И. Каримова, А. Расулова. Ташкент: Фан, 1979-1982.

входили в пределы Северной Бактрии (Тохаристана), а долины по среднему и верхнему течению р. Зерафшан – в состав Согда.

Предмет исследования составляют вопросы, связанные с тематикой и художественными показателями терракотовых изображений культового назначения.

Объектом исследования являются антропоморфные терракотовые статуэтки и плакетки.

Методологическая основа исследования. В качестве важнейшего методологического посыла предполагается выбор необходимости изучения истории и традиций в изобразительном искусстве в контексте многогранных сношений с социально-историческими обстоятельствами и культурной сферой.

Опорой исследования служит принцип объективности, предполагающий непредвзятое рассмотрение объекта как проявление канонов разных религий.

Диссертантом использованы методы сравнительно-исторического, культурно-семиотического и структурно-видового рассмотрения. Сравнительно-исторический метод изучения основывается на сравнение осмысления сути и назначения терракотовых изображений как символов культов рассматриваемые исторические периоды. Сущность культурно-семиотического метода заключается на обращении к взгляду непосредственных участников исторического процесса с целью логико-исторической реконструкции. В этом контексте наиболее весомым признается идея, которая была значимой с их точки зрения, что возможно в условиях реконструкции системы взглядов, обусловивших понимание тех или иных событий, а также реагирование на них.

В процессе работы над диссертацией опорой для автора послужили важнейшие положения и достижения современной исторической, археологической, этнографической и искусствоведческой науки.

Вместе с тем, основу исследования составляют личные разработки автора работы, которые реализованы в строгом соответствии с принципами

историзма и комплексного подхода к решению установленных задач исследования.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые:

- использован комплексный подход, основанный на сравнительном анализе археологического материала – терракот, письменных источников, а также данных лингвистики и этнографии. Это дало возможность по-новому взглянуть на определение семантики некоторых терракот.

- рассмотрена история формирования до античных традиций мелкой пластики в пределах современного Таджикистана;

- изучена семантика и иконография культовых образов, представленных на терракотовых изображениях, с привлечением произведений из других областей изобразительного искусства;

- впервые выполнено авторское описание 64 терракотовых статуэток и плакеток, найденных на территории Республики Таджикистан в постсоветский период, в том числе 63 бактрийских и один согдийский образцы;

- выполнена интерпретация светских и религиозных образов, заключенных в произведениях антропоморфной терракоты и произведена реконструкция традиционных сюжетов;

- проведен анализ иконографии антропоморфных терракотовых изображений;

- на основе терракотовых статуэток и плакеток изучены процессы синтеза культурных традиций разных народов античности и раннего средневековья в свете социально-политических и религиозных изменений в обществе.

Основные положения, выносимые на защиту:

- господствовавшие в Бактрии-Тохаристане и Согде религиозные воззрения древних греков, местных зороастрийцев и буддистов не отразились отрицательно на изобразительном искусстве, напротив, они способствовали

его широкому распространению для продвижения соответствующих культовых идеологий;

- мелкая пластика, в отличие от монументальной скульптуры, предназначенной для храмов, применялась в качестве домашнего культа и отражала образы богов – покровителей домашнего очага;

- бактрийско-тохаристанская и согдийская школы терракоты, несмотря на существование одних и тех же традиционных образов, отличались яркой стиливой и иконографической самобытностью, которая отличала их также от местных школ других сопредельных районов (Хорезм, Маргиана и др.);

- в терракотовой пластике Бактрии-Тохаристана и Согда нашли отражение, как каноны греческого, кушанского религиозного и династийного, а также местного традиционного искусства, так и элементы синтеза разных культур:

- произведениям короластики был присущ широкий круг культовых функций, в числе которых воспитательная и просветительная (образ как средство обожания), мистическая и пропагандистская (образ как средство эмоционально-психологического и интеллектуального влияния).

Теоретическая и практическая значимость работы. Содержание и основные положения работы, ее материалы могут найти применение при изучении истории материальной культуры таджикского народа; при написании обобщающих трудов по истории, истории материальной и художественной культуры и искусства; при составлении учебных пособий и методических указаний для учебных заведений соответствующего профиля.

Материалы исследования могут быть использованы в научно-исследовательской практике историков, этнографов, культурологов, археологов, в частности, в деятельности последних по интерпретации образов, представленных на отдельных находках терракотовых изображений.

Степень достоверности и апробация работы. Материалы работы изложены в виде докладов и сообщений на международных научно-практических конференциях, проходивших в Республике Таджикистан.

Отдельные части исследования были апробированы в учебном процессе и научных работах кафедры искусствоведения Государственного института изобразительного искусства и дизайна Таджикистана. Основные положения диссертации отражены в 14 публикациях автора, в том числе 3 – в ведущих научных журналах, рецензируемых в ВАК при Министерстве образования и науки РФ.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистанам (протокол № 10 от 26 декабря 2023 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, разбитых на четыре раздела, заключения, списка использованной литературы (258 наименований), а также иллюстративного приложения. Компьютерный текст (без иллюстраций) занимает 244 страниц.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ АНТРОПОМОРФНЫХ СТАТУЭТОК И ТРАКТОВКА ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ОБРАЗОВ

1.1. Истоки традиций мелкой пластики в Бактрии-Тохаристане и Согде (по материалам Таджикистана)

Бактрия-Тохаристан. Мелкая пластика в виде терракот – явление яркое и своеобразное в истории изобразительного искусства Бактрии-Тохаристана и других регионов Центральной Азии. Традиция изготовления культовой мелкой пластики богатая и имеет глубокие корни, которые следует искать в эпохе неолита и энеолита.

При изучении мелкой пластики Бактрии-Тохаристана следует опираться и на археологический материал, обнаруженный на памятниках Центрального и Южного Таджикистана. Именно изучение археологических памятников дало возможность получить знания о материальной и духовной культуре предков таджиков и провести историческую реконструкцию прошлого.

Начало археологическим изысканиям на территории современного Таджикистана было положено во второй половине XIX в., когда Россия пришла в регион. В советский период, благодаря широкомасштабным и комплексным исследованиям, на территории республики было открыто огромное количество памятников, относящихся ко всем историческим периодам.

После распада Советского Союза и гражданской войны (1992-1997 гг.) количество археологических экспедиций значительно сократилось. Экономический кризис и отток специалистов отразились на развитии науки в независимом Таджикистане. Несмотря на трудности, сотрудники отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша продолжали археологические раскопки. В последние десятилетия у археологов Таджикистана появилась возможность установить сотрудничество с научными центрами России, Франции, Германии, Италии,

Китая и Японии. С каждым годом увеличивается количество совместных археологических экспедиций, благодаря которым появились уникальные находки, в том числе и терракоты. Таким образом, археология Таджикистана вышла на качественно новый уровень.

Археологические исследования как на территории Таджикистана, так и сопредельных государств выявили достаточное количество терракот, позволяющих установить некоторые особенности духовной жизни предков таджиков в античный и раннесредневековые периоды. Так, древнейшая для пределов Таджикистана антропоморфная статуэтка происходит из могильника бронзового века Куруксай, расположенного вблизи г. Нурек. Она обнаружена внутри очага с обгоревшими костями, расположенного вблизи одной из могил. Статуэтка терракотовая, но плохого обжига, изображает сидящего человека с вытянутыми ногами. Она была покрашена, о чем свидетельствуют следы черной краски на лице и теле. Условно смоделированная головка слегка откинута назад. Нос показан защипом, брови показаны краской в виде отрезков. Глаза были показаны наклепками (сохранился лишь левый), тиснением подчеркнут его зрачок, черной краской тонкими отрезками нарисованы ресницы. Частично сохранившаяся кисть правой руки лежала на животе. Другими признаками этого произведения являются плоская грудь, выпуклые ягодицы и разомкнутые ноги¹.

Такие статуэтки характерны для Геоксюрских поселений Южного Туркменистана, обнаруженные в слое Намазга 3 (конец IV - первая половина III тысячелетий до н.э.). По иконографии эта статуэтка наиболее близка к анауским и геоксюрским образцам из Каратепа (погребение 100)² и Ялангачтепа³.

¹ Юсупов А. Х. Археологические исследования Байпазинского и Вахшского археологических отрядов в 1983 г. // АРТ. Вып. 22 (1983 г.). Душанбе: Дониш, 1991. С. 161-163.

² Массон В. М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М.: ГРВЛ, 1973. С. 19.

³ Антонова Е. В. Антропоморфная статуэтка древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1977. С. 70-71.

Четыре глиняных статуэтки конца III- начала II тыс. до н.э. сохранились в Кангуртуте (Дангаринский район, Хатлонская область Республики Таджикистан). Одна из них (из погребения 26) объемная и имеет высоту 27,5 см. Она изображает женщину. Глаза щелевидные, рот показан вырезом, нос – защипом глины. Плечи и бедра выделены отчетливо, руки опущены вдоль тела. Подчеркнуты пупок и груди. Ноги кривые, левая нога длинее правой, стопа левой ноги согнута назад. Еще три статуэтки лежали в погребении 74. Отчетливо выражен пол изображенных персонажей: мужчина, женщина и фигурка ребенка, лежавшая между ними. Высота мужской статуэтки 33 см, его голова повернута в сторону, где лежала женская фигурка. Ноги изогнутые, руки не сохранились. Глаза и рот показаны условно, однако хорошо переданы глаза. На женской фигурке высотой 27,5 см ноги опять же изогнуты, руки находятся на уровне груди, подчеркнуты брови и нос¹.

Глиняная объемная фигурка из погребения 2 могильника Тандырйул эпохи бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.) в селении Нематбача (Турсунзадевский район, Республика Таджикистан) имеет высоту 37,5 см и изображает сидящего человека. Она изготовлена из глины темно-красного цвета с добавлением большого количества песка. Голова с округлым затылком вылеплена отдельно и посажена на туловище с помощью штырка. Лицо персонажа вылеплено реалистически, это лицо молодого бородатого мужчины, овальное, с удлиненным большим носом, углубленные глаза щелевидные. Подбородок плоский, лопатообразный, борода показана вертикальными рельефными линиями. Туловище показано прямым, мышцы плеч и ягодицы тщательно смоделированы. Левая рука протянута вперед и приподнята на уровень грудной клетки, другая рука представлена лишь кистью. В кисти левой руки имеется какой-то предмет прямоугольной формы с боковым отверстием. Левая нога вытянута вперед, правая нога

¹ Виноградова Н. М. Земледельческие памятники Южного Таджикистана в эпоху поздней бронзы // Археологические вести. № 11. СПб., 2004. С. 88, рис. 13 (1, 2); Она же. Исследования на поселении эпохи бронзы Кангуртут в 1986 г. // АРТ. Вып. 26 (1986 г.). Душанбе; Худжанд, 2005. С. 369, рис. 11(1).

представлена только стопой. Пальцы ног показаны черточками. Учитывая тот факт, что правые рука и нога представлены лишь кистью и стопой, можно полагать, что статуэтку прислоняли к стене так, чтобы смотреть на нее в профиль. Просматривалась левая сторона фигурки¹.

Поиск аналогов для данной статуэтки, датируемой эпохой бронзы, уводит нас к поселениям анауской культуры из слоя Намазга 5 (Южный Туркменистан). В пределах Северной Бактрии глиняные статуэтки второй половины II тыс. до н.э., смоделированные весьма схематично, обнаружены на памятниках Сапаллитепе² и Джаркутан³ в долине Сурхандарьи в Южном Узбекистане.

Здесь же, но в погребении 4, найдено глиняное объемное изображение “сфинкса” высотой 27,5 см. Голова чуть приподнята, черты лица переданы реалистично. На глазах миндалевидной формы четко показаны зрачки, нос показан узким и длинным, подбородок треугольной формы, чуть выступающий, рот маленький. Тулово имеет прямоугольную форму, ножка кубической формы. Произведение сохранилось фрагментарно⁴.

Таким образом, глиняные и терракотовые статуэтки бронзового века входили в состав погребального инвентаря и имели культовое назначение. Ограниченное количество находок из Таджикистана не позволяет делать выводы по их иконографическим особенностям. Для этого следует вновь обратиться к материалам из близлежащего к Гиссарской долине региона – долины Сурхандарьи, которая также являлась частью Северной Бактрии. Много образцов антропоморфных глиняных фигурок второй половины II тыс. до н.э. сохранилось в могильнике Бустан-6 (Южный Узбекистан). Среди

¹ Виноградова Н. М. Новые памятники эпохи бронзы на территории Южного Таджикистана // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства (Сборник статей). М.: Наука, 1987. С. 78-79.

² Антонова Е. В., Виноградова Н. М. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. // АРТ. Вып. 14 (1974 г.). Душанбе: Дониш, 1979. С. 99-102, рис. 3; Масов Р., Ранов Ф. Гиссарская культура и ее роль на ранних этапах этногенеза таджикского народа. Душанбе, 2014. С. 47.

³ Виноградова Н. М. Новые памятники эпохи бронзы на территории Южного Таджикистана. С. 78-79.

⁴ Там же. С. 77.

них встречаются стоящие фигурки, но преобладают образцы, показывающие сидящих людей. Как правило, руки и ноги показаны условно, а черты лица иногда вовсе не обозначены. Однако на отдельных статуэтках ясно выявляются глаза и брови, нос, одежда, пуповина на животе и другие признаки. Более того, иногда можно выяснить куда – вверх или вниз – изображенный персонаж смотрит, а также его пол. Встречаются фигурки, изображающие молящихся или жертвователей, отдельные образцы показывают обнаженных мужчин. Как правило, кисти обеих рук, согнутых в локтях, прижаты к груди. Вместе с тем, большинство статуэток поломаны, возможно, намеренно, перед тем как их положить в могилу¹.

В эпоху бронзы на территории Бактрии, как и Маргианы, находили широкое применение и каменные составные статуэтки. Все они имеют культовое назначение и изображают сидящих людей. Туловище вырезали из черного стеатита, обязательно подчеркнув одежду, голову и руки делали из белого алебастра или мрамора. Невозможно выяснить, что находится на голове персонажей – головной убор или сложная прическа. Женщины наряжены в платье, мужчины частично или полностью обнажены. Есть мнение, что эти статуэтки изображают богов и богинь, другие видят в них олицетворение умерших людей. К сожалению, в результате незаконных раскопок множество статуэток было разграблено.

Каменная мужская статуэтка (высота 13,2 см, ширина 8,2 см) из могильника эпохи средней бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.) Гелот (Восейский район, Хатлонская область, Республика Таджикистан) была привязана к ноге погребенной женщины. Она не составная, ее овальная нижняя часть плоская и служила в качестве основания. У мужчины округленное лицо, прямой нос, “улыбающиеся” губы, большие миндалевидные глаза и плавно изогнутые брови. Голова плавно переходит в плечи, короткая шея, плечи широкие. Руки сомкнуты в области живота,

¹ Аванесова Н. А. Бустон VI - некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: Изд. МИЦАИ, 2013. С. 298-315.

большие пальцы обеих рук приподняты и касаются друг друга, другие пальцы каждой руки собраны в кулак. Очень красиво показаны уши и прическа, которая не закрывает уши и лоб. Волосы расчесаны прямыми прядями и в виде толстой косички собраны позади шеи. Положение рук показывает, что мужчина занят богослужением¹.

Фигурки с такой позой персонажа встречаются среди находок из Ирана и Междуречья, но для Бактрии, Согда и других историко-культурных областей Центральной Азии гелотский образец не имеет аналогов. Вместе с тем, по прическе, точности и изяществу проработки глаз и внутренней части ушей произведение из Гелота имеет близость к бактрийским составным статуэткам², изображению сидящей женщины на конце булавки из Гонура, а также фигурке богини, сидящей на льве, вырезанной на печати из Северного Афганистана³.

Согд. На территории Таджикистана фрагменты согдийских терракотовых статуэток сохранились на городище Саразм (IV–III тыс. до н.э.). Одна из них (из раскопа IV) изображает женщину, голова которой сидит на вытянутой шее и имеет форму птичьей головки. У нее прямые плечи и конические груди, выделенная талия, сомкнутые толстые ноги, рук нет. От другой статуэтки сохранились лишь сведенные вместе короткие толстые ноги⁴.

Эти фигурки имеют сходство с образцами из Геоксюрского оазиса, хотя ареал распространения таких статуэток весьма широкий – от Туркменистана до Балуджистана. Они несут образ женщины-прародительницы, женщины-матери и связаны с культом плодородия⁵.

¹Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелот и Дарнайчи). М.: ИВ РАН, 2018. С. 63-66.

²Сарианиди В. И. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад, 2005. С. 193, 274, илл. 62, 129-132.

³ Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. С. 63-66.

⁴Исаков А. И. Исследование Саразмского отряда в 1984 г // АРТ. Вып. 24 (1984 г.). Душанбе: Дониш, 1993. С. 124-125.

⁵Массон В. М., Сарианиди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. С. 43.

Символика и семантика древнейших статуэток. Исследуя вопрос о происхождении в Центральной Азии антропоморфных терракотовых изображений, следует обратиться к неолитическим памятникам Джейтунской культуры (VII – V тыс. до н.э.), где сохранились глиняные фигурки. Моделировкой фигуры они схожи с произведениями палеолитического времени, когда женское тело изображалось обнаженной и толстой. Иногда оно показано уродливой, чтобы отчетливо проявились внешние признаки, свойственные женщине-родительнице. Образ богини-матери подчеркивает культ женщины-земли, в нем отражалась идея природы-производительницы. В этом образе подчеркивался культ женщины-земли и отражалась идея природы-производительницы¹.

Из шести статуэток плохой сохранности из необожженной глины, найденных в поселениях Джейтуна, лишь два фрагмента имеют антропоморфный характер. Первый фрагмент-головка, сохранившаяся в одноименном поселении и датируемая поздним неолитом. В ней брови и нос выделены рельефом. Второй фрагмент представляет собой торс с одной конической грудью. Вторая грудь, как и голова, руки, ноги не сохранились. В изображении живота ощущается преувеличенность.

Также заслуживает внимание джейтунская каменная подделка подтреугольной формы, напоминающая изображение человека в сидячем положении. В ее верхней части имеется отверстие, очевидно, что это – амулет, который носили на шнурке².

Первые терракотовые фигурки датируются энеолитическим периодом. Эти женские фигурки Джейтуна также несут в себе священный смысл, однако теперь изображенная женщина имеет нежную талию, хотя ее ягодицы большие, а грудь – свисающая.

¹Соловьев Н. Ф. Антропоморфные изображения Туркменистана поры среднего энеолита. СПб., 2008. С. 7.

² Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. С. 37-38.

Джейтунские фигурки, изображающие обнаженную женщину, малочисленны. В них моделировка весьма упрощенная, иногда обнаружить в них человеческий образ сложно. Женское лицо плоское, только для подчеркивания носа выпукло прилеплена тонкая полоска глины¹.

Терракоты Анауской культуры (конец V – начало III тыс. до н.э.) в большинстве своем имеют вид сидящей женщины с вытянутыми ногами. Плечи и руки не показаны, наиболее подчеркнутая деталь в верхней части туловища – большие груди. Характерными примерами являются геоксюрские статуэтки из Ялангачтепе² (и Куруксая³ – Ш. С.).

На границе IV–III тысячелетий на анауских статуэтках сидячая поза женщины сохраняется, однако теперь плечи показывают широким прямоугольником, а руки – короткими отрезками и опущенными. Плечи и спина персонажей покрыты большим числом овальных налепов. Эти обстоятельства наглядно проявляются в образцах из Каратепы и Геоксюра⁴.

Каратепинские статуэтки обнаженных женщин имеют три вида:

1) реалистичное изображение женщины с тонкой талией, широкими плечами, руки до локтя в виде конических отрезков, близко сидящие конические груди. На шее и плечах сохранились следы краски;

2) упрощенное изображение женщины без подчеркивания рук и груди, ноги разделены ручейком. Лицо обозначено защипом, глаза переданы двумя вдавливаниями. Другая характерная деталь – сложная прическа;

3) изящно сомкнутые ноги женщины плавно изогнуты и разделены ручейком. Треугольник основанием вниз подчеркивает пол персонажа. Туловище обозначено недлинным отростком, оканчивающимся внизу закруглением (живот).

¹ Коробкова Г. Ф. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. С. 97.

² Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. С. 76, табл. 62,1.

³ Исаков А. И. Исследование Саразмского отряда в 1984 г. С. 124-125

⁴ Массон В. М. Восточные параллели убейдской культуры // КСИА. М.: Изд-во АН СССР, 1962. № 91. С. 8.

Что касается назначения женских фигурок первого типа, большинство исследователей склоняется к мысли, что они служили в качестве домашних идольчиков. Применительно к статуэткам второго и третьего типа выдвинуто предположение, что их использовали, для осуществления определенных ритуалов, связанных с культом плодородия и неких «интимных магических обрядов»¹.

Мастер, творивший статуэтку женщины, сосредоточил свое внимание на предмете представленного им образа – богине плодородия. Для достижения этой цели применяется также краска. Женщина обнаженная, на шее ожерелье, груди в виде крупных конических налепов, выпуклый живот, под ним треугольник – признак пола, толстые ягодицы. Нет необходимости показать некоторые другие детали изображения – черты лица, руки. Есть отдельные статуэтки с руками, которые лежат на животе и, как бы, поддерживают груди².

Уже отмечалось, что на территории Таджикистана антропоморфные терракотовые статуэтки Согда представлены лишь образцами из Саразма³. Еще один образец находится за пределами республики. Речь идет о хранящейся в фондах Государственного Эрмитажа женской головке из Афрасиаба⁴. Она получена налепом без использования матрицы. Перед обжигом головка была обработана острым предметом. Процарапыванием показаны зачесанные назад волосы, дуги глаз и бровей. На висках имеются углубления, назначения которых остаются невыясненными. Длинный прямой нос внизу ограничивается поперечной чертой, таким же образом передан рот. Лицо обрамлено головным убором, край которого идет по верхней линии

¹ Хлопин И. Н. Верхний слой поселения Кара-депе (по материалам ЮТАКЭ 1956 г.) // КСИИМК. Вып. 76. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 47-48.

² Хлопин И. Н. Ялангач-депе – поселение эпохи энеолита // КСИА. Вып. 93. М.: Наука, 1963. С. 74-79.

³ Исаков А. И. Исследование Саразмского отряда в 1984 г. С. 124-125

⁴ Кызласов Л. Р. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии // КСИИМК. Вып. 63. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 14-21.

лба. Туловище статуэтки отбито, поэтому выяснить позу персонажа невозможно.

Таким образом, выявить признаки, объединяющие саразмийские и афрасиабский образцы, не удастся. На статуэтке из Саразма лицо женщины передано максимально условно, совершенно не почеркнуты его признаки, в то время, как на головке из Самарканда эти моменты вполне “читаемы”.

Как отмечают В. М. Массон и В. И. Сарианиди, среднеазиатские терракоты эпохи бронзы, передающие образ богини-прародительницы, имеют иконографическое сходство с шумерской Инаной и Вавилонской Иштаром¹.

В ахеменидскую эпоху, как свидетельствуют художественные источники, воспроизведение женских изображений не приветствовалось, если не сказать, что они запрещались. Вместе с тем, археологической наукой доказано, что население Западного Ирана все еще придерживалось доахеменидских культов, что нашло воплощение в терракотовых и костяных фигурках Богини-Матери. Там зафиксировано два вида изображения женщины-прародительницы:

1) с жестом “Венеры стыдливой” (одна рука прикрывает грудь, другая – лоно);

2) вместе с младенцем².

Миниатюрная бактрийская костяная подвеска V–IV вв. до н.э. высотой 2,8 см в виде фигуры нагой Богини-Матери сохранилась в Халчаяне (в районе Куй-Турабектепа). Кроме того, на этом городище сохранились фрагменты трех терракотовых статуэток обнаженной богини, которые, правда, относятся к античному периоду (II– I в. до н.э.)³.

¹ Массон В. М., Сарианиди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. С. 122.

² Ghirshman R. Villages Perse-Achemenides, Memoires de la Mission Archeologique Francaise en Iran. Vol.36. Paris, 1954. P. 29-31, pl. XVI, XLII.

³ Пугаченкова Г. А. Халчаян (К проблеме художественной культуры Северной Бактрии). Ташкент: Фан, 1966. С. 218-221, рис. 103.

Сохранившаяся фрагментарно, серебрянная статуэтка из храма Окса, датируемая не позднее II в. до н.э., изображает местный образ богини плодородия и материнства. В ней ярко отражен синкретизм образа, вобравшего в себя особенности иконографии Деметры, Афродиты и Анахиты. Ее считают прототипом изображения богинь плодородия в более поздний кушанский период. Статуэтка богини найдена в том же месте, где находились бронзовая фигурка Силена Марсия¹, играющего на флейте, а также выполненные из слоновой кости и украшенные великолепной резьбой ножны акинака². Фигурка богини сначала вырезана из дерева, затем деревянная основа обтянута тонким слоем (1 мм) серебра. Проработка деталей изображения выполнена резьбой и чеканкой. Высота сохранившейся части статуэтки 7,6 см, сохранившаяся ширина – 4,6 см. Левая сторона туловища вместе с левой рукой и нижняя часть статуэтки разъедены коррозией. Толщина в наиболее широкой части 1,6 см. Голову богини венчал калаф, от которого остался небольшой выступ на затылке. Лицо персонажа округлое, форма глаз – миндалевидное, волосы, уложенные в крупные локоны, валиком обрамляют лицо и скрывают уши. Богиня наряжена в эллинистическую одежду – хитон и гиматий. Поза персонажа соответствует жесту «Венеры стыдливой» – правая рука полусогнута на локте и находится под грудью, кисть левой, не сохранившейся, руки, вероятно, находилась на уровне бедра³.

Таким образом, анализ археологического материала показал, что в Бактрии, Согде и, в целом, Центральной Азии, на территории которой происходило сложение таджикского народа, искусство антропоморфной пластики зародилось в эпоху неолита, которая характеризуется началом формирования производящего хозяйства (земледелия и скотоводства) и

¹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан): в 3т. Т. 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Вост. лит. 2010. Р. 88, cat. 44.

² Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. С. 105-135, рис. 16-17; Tadjikistanaupaysdesfleuvesd'or. Paris: Musée national des arts asiatiques. Guimet, Paris, 2021. Р. 46, cat. 12.

³ Узянов С. А. О серебряной статуэтке, найденной в Тахти-Сангине // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства (Сборник статей). М.: Наука, 1987. С. 290-296.

появлением керамики. В конце неолита началось социальное расслоение и разделение труда. Именно в этот период были заложены основы религиозных воззрений населения этого региона. Дальнейшее развитие оно получило в эпоху энеолита и достигло более развитого состояния в эпоху бронзы. Терракотовые статуэтки, как и глиняные, каменные, служили объектами культа, на что указывает их использование в качестве погребального инвентаря, представленные образы и позы персонажей. Характерные образы – богиня-мать, молящиеся и жертвователи, зачастую с прижатыми к груди руками. Основное назначение статуэток неолита и бронзового века – использование в качестве предметов культа, погребального инвентаря. Характерный признак сохранившихся произведений терракотовой пластики – намеренная поломка перед тем, как положить в могилу. Древнейшее искусство коропластики после некоторого спада в эпоху раннего железа вновь возрождается в конце I тыс. до н.э. под влиянием культуры эллинизма и получает дальнейшее развитие в последующий период вплоть до распространения ислама.

1.2. Семантика и иконография культовых образов

Культовые образы, представленные в изобразительном искусстве Бактрии-Тохаристана и Согда, имеют отношение к мировым религиям: зороастризму и буддизму, религиозным течениям: маздеизму и манихейству, религиозным формам и идеям эллинизма, кушанской династийной религии (поклонение царю), идолопоклонству.

Зороастризм в изобразительном искусстве был представлен следующими образами: Ахура-Мазда, Митра, чета божеств Вашагна (Веретрагна) и Вананч (Ванинда), Срош, Рашну, согдийский бог ветров Вешпаркар – древнеарийский бог Вайю (его атрибут – черный бык)¹, богини

¹ Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. // Средняя Азия и Дальний Восток в раннем средневековье. Средняя Азия в раннем средневековье. М.: Наука, 1999. С. 183.

Анахита и Нана. Письменные источники упоминают десятки имен богов авестийского круга. Одни лишь согдийские формы имен перечисляют около тридцати таких божеств. Их истинные иконографические особенности пока еще недостаточно раскрыты и почти все утверждения такого рода носят характер гипотез¹.

Б. И. Маршак и В. И. Распопова, основываясь на материалах настенной живописи Пенджикента, особенно из помещения 28 объекта XXV, отмечают, что согдийцы, в частности пенджикентцы, поклонялись разным богам, в том числе четырем богам собственно согдийского пантеона (чета божеств Вашагна (Веретрагна) и Вананч (Ванинда), богиня Нана и Срош), а также Будде и Деду-Земледельцу – покровителю земледелия. Таким образом, наряду с божествами из «мировых» религий, среди жителей Согда почитался и бог из народного культа².

Рассмотрим семантику и иконографию этих образов.

Ахура-Мазда (среднеперс. и фарси Ормазд) – верховный бог зороастрийского пантеона, тождественен силам Добра. В «Авесте» ему посвящен первый гимн – «Ормазд-яшт». Образ Ахура-Мазды («Господь Мудрый»³) был связан с защитой Закона Бытия, наставничества земным жрецам и светом. Х.Ю. Мухиддинов считает, что в древности и раннем средневековье одним из принципов его иконографии было изображение в образе всадника⁴.

В этом контексте заслуживают внимания терракотовые фигурки всадников, сохранившиеся в пределах Бактрии-Тохаристана, Согда и сопредельных районов. Многочисленные образцы таких статуэток

¹ Там же. С. 181.

² Маршак Б. И., Распопова В. И. Два терракотовых образка из Пенджикента // ЗИИМК. №. 7. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012. С. 100-101.

³ Boyce M. AhuraMazdā // *Encyclopaedia Iranica*. I/7. P. 684-687 [Электронный ресурс] / at <http://www.iranicaonline.org/articles/ahura-mazda> (дата доступа 22.05.2020).

⁴ Мухиддинов Х. Ю. Саксанохурские матрицы для формовки мужских статуэток // Материальная культура Таджикистана. Вып. 4. Душанбе, 1987. С. 100.

зафиксированы среди находок из бактрийских городищ Сайёда¹, Халкаджара², Саксанохура³, Калаи Хисора (Шутурхона)⁴, Чимкурмана, Мархамматтепа⁵ и др. Зачастую фигурка коня, как и руки и ноги всадника не сохранились. Иногда находят фигурки оседланных лошадок с бугорком на спине – остатком изображения человека. На некоторых статуэтках, например из Саксанохура, руки персонажа были прижаты к животу. В фигурках из Сайёда левая рука всадника вытянута вперед и на его голове – островерхий колпак. Д.Довуди, учитывая наличие островерхого колпака предполагает, что представленный образ может изображать представителя сакских племен, возможно их предводителя⁶. Ученый опирается на свидетельство Геродота о том, что “саки носили на головах высокие островерхие тюрбаны, плотные так, что стояли прямо” (Геродот VII. 64).

Свидетельством почитания Ахура-Мазды могут служить храмы в его честь, которые функционировали в разных местах Бактрии-Тохаристана, Согда, Хорезма, что отразилось в названии местностей, где они были построены. В письменных источниках упоминаются согдийские селения под названием Хурбагн в бухарском Гиждуване и в предместье Нахшаба, а также Хурмисан (“мисан” – “обитель, жилище”) в Бухарском и Самаркандском Согдах⁷.

Обратим внимание на важную деталь. Так, лингвистический анализ показал, что название древнеиранского божества Ахура-Мазда сохранилось в

¹ Тихонов Р. В. Случайные находки терракотовых статуэток из Таджикистана // ЗИИМК. Вып. 23. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 97-102.

² Седов А. В. Работы на Халкаджаре в 1981 г. // АРТ. Вып. 21 (1981 г.). Душанбе: Дониш, 1988. С. 304-306, рис. 2(6).

³ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. Душанбе: Дониш, 1985. С. 117, № 321.

⁴ Филимонова Т. Г., Абдуллаев А. Л., Самойлик П. Т., Якубов Ю Гиссарский историко-культурный заповедник. Душанбе, 2015. С. 12-15.

⁵ Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина (Гиссарский, Шахринавский и Турсунзадевский районы). Душанбе, 2015. С. 66, рис. 22(1).

⁶ Довуди Д., Шарифзода А. Кушанское городище Сайёд / Д.Довуди, (тадж., рус., англ.). Душанбе: ЭР-граф, 2017, 2019. Кн. 2. С. 40-41.

⁷ Смирнова О. И. Места домусульманских культов в Средней Азии (по материалам топонимики) // Страны и народы Востока. Вып. 10. М.: Наука, 1971. С. 98-99.

некоторых памирских языках значения «солнце» как remūzd, remuz – в ишкашимском; ōrmōzd – в сангличи; ormōzd – в йидга и мунджи. Этнографические материалы с территории Таджикистана также свидетельствуют о присутствии образа Ахура-Мазды в духовной жизни таджиков. Так, еще в начале двадцатого столетия пережитки культа солнца можно было обнаружить в верованиях жителей горного Бадахшана. В их клятве солнцу прослеживается связь Ахура-Мазды с солнцем. Так, ишкашимцы клялись головой солнца – cariremuzd, а ваханцы – cari īr, Сари Офтоб (сел. Горон и Турбат). Упоминание о клятве головы небесного светила, несомненно, указывает на антропологическое представление о нем. Данная клятва считалась очень сильной, а человека, произнесшего ее, в случае нарушения клятвы, должна была ждать расправа от солнца¹.

Заметим, что массагеты – сакские племена, жившие в Приаралье, почитали единственного бога – это солнце, о чем свидетельствует Геродот. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое животное (Геродот I. 216).

Митра (среднеперс. Михр) – божество индоиранского пантеона, почитавшийся ариями за две тысячи до н.э. Первоначально, Митра («дружба», букв. «то, что связывает»²) был богом договора и клятвы, следившим за верностью заключенных между отдельными племенами соглашений. Позднее он стал почитаться и как бог-воин, сражающийся на стороне праведного, верного договору и как бог-судья над всеми людьми³. Установлена связь Митры с Ахуро-Маздой, и что оба эти божества

¹ Андреев М. С., Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан // Сборник МАЭ. Вып. 9. СПб., 1911. С. 35.

² Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg: Verlag Von Karl J. Trübner, 1904. 2000 sp. Sp. 1183.

³ Рак И. В. Авеста в русских переводах (1861-1996) / Сост., общ. ред., прим., справ. разд. И.В. Рака. - СПб.: Журнал «Нева» – РХГИ, 1997. С. 269-270.

отождествляются с солнцем¹. В «Авесте» Митре посвящен десятый гимн – «Михр-яшт». В источнике говорится, что Митру, как и солнце, везут быстрые кони, запряженные в золотую колесницу («Яшт» 6.1, 4, 6; 10.67-68, 124-125, 131-132)². Культ Митры был широко распространен среди населения Бактрии-Тохаристана и Согда. Его культ был особенно распространен в Согде. Мугские документы рассказывают о нем как о покровителе молодоженов. В его храме вновь венчающиеся люди торжественно клялись в любви друг к другу³, в чем отражается почитание Митры как бога – блюстителя договора и верности. Его имя носил 16-й день согдийского календарного года, однако в его честь не был назван ни один месяц года⁴. Следует отметить, что в современном таджикском языке слово «михр» наряду со значением «любовь», «согласие» имеет также значение «солнце»⁵. Это свидетельствует о том, что доисламские верования и их божества сохранили свое влияние не только на духовную жизнь, но и на язык современных таджиков.

Храмы в честь Митры также стояли во многих местах Средней Азии. Так, А. М. Беленицкий, обращаясь к сведениям из «Истории Бухары», предположил, что для одних из ворот Бухары М. Наршахи приводит название «Мехр» (Митра), а не «Мухр» («печать»), как перевел его переводчик

¹ Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе: Дониш, 2017. С. 75-76.

² The Zend-Avesta. Part I. The Vendîdâd. Transl. by J. Darmesteter; Part II. The Yasna, Visperad, Sîrôzahs, Yasts, Nyâyis; РакИ. В. Авеставрусских переводах (1861-1996).

³ Мухтаров А. М. Шедевры в единственном числе // Путешествие в Согдиану. Душанбе: Ирфон, 1982. С. 17-18.

⁴ Смирнова О. И. К вопросу о среднеазиатских культах (Из среднеазиатской топонимики) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. № 1. М.: Наука, 1970. С. 137.

⁵ Стеблин-Каменский И.М. Памирские языки о мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). Труды Международного симпозиума по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). М.: ГРВЛ «Наука», 1981. С.239.

произведения Н. И. Лыкошин. Соответственно, недалеко от этих ворот должен был располагаться храм в честь указанного бога¹.

О. И. Смирнова, выполнив лексикографический анализ названия верхнезеравшанского селения Урмитан (Айнинский район, Согдийская область, Республика Таджикистан), приходит к выводу, что его составные части «ур» и «метан» означают вместе «просторное место» и что здесь стоял храм, посвященный Митре. Возможно также, – полагает она, – здесь могло находиться его святилище или изображение².

Недалеко от этого селения, к юго-востоку от него, весной 1979 г. у поселка Сарвода был найден деревянный идол высотой 1 м³. Рядом обнаружено фарро-фарн – изображение солнечных лучей. Скульптура из дерева изображает статного мужчину с богатырской шеей, аккуратной прической из черных волнистых волос, прямым носом с небольшой горбинкой и большими глазами, устремленными куда-то вверх. Черты лица проработаны тщательно и весьма реалистично. Рядом с идолом в расщелине были припрятаны разные предметы, которые к этой статуе имеют прямое отношение. Среди них имеются два железных предмета, являющихся составными частями жезла, который был в руке статуи. Головку жезла украшают фигурки трех горных козлов. Один из предметов служил в качестве головного убора изображенного персонажа. Это – латунная корона (венец) в форме неполного круга (полумесяца), по центру которого имеется лучистый (зубчатый) шар⁴.

Среди находок помимо деревянной статуэтки следует отметить деревянные ножны для меча и кинжала, сохранившийся фрагментарно панцир, десять бронзовых зеркал, несколько железных и бронзовых

¹Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда (По материалам пянджикентских храмов) // Живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 61.

² Смирнова О. И. К вопросу о среднеазиатских культах (О культах Артавахишты и Митры по данным топонимики). - С. 136.

³ Khojaeva N.J. Persistence de cultes anciens dans les religions montagneuses // Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Paris, 2021. P. 192, 193, cat. 136.

⁴ Khojaeva N. J. Persistence de cultes anciens dans les religions montagneuses. P. 194-195, cat. 137, 140.

колокольчиков, латунные серьги, инкрустированные драгоценными камнями (инкрустации не сохранились), пять серебрянных колец, каменная печать с изображением мышонка, миниатюрная обувь из кожи, два больших куса янтаря¹.

Сохранился также небольшой ларец с ажурным узором², в котором, скорее всего, были спрятаны многие из перечисленных предметов. Ларец высотой 10,5 см имеет стенки трапецеидной формы и несколько расширяется кверху. Его основание имеет стороны 15 x 12,5 см. Один и тот же ажурный узор украшает три стенки ларца, на четвертой стенке изображены три креста. Итак, всесохранившиеся здесь предметы имеют отношение к скульптуре, которая, очевидно, была одетой. Историк А. М. Мухтаров и археолог Ю. Я. Якубов сошлись во мнении, что деревянный идол олицетворяет образ Митры – авестийского божества света и Солнца³.

У предков таджиков помимо Ахура-Мазды всадник ассоциировался и с образом Митры. Так, М.И. Ростовцев полагает, что верховный бог скифов соответствует персидскому Ормазду, тому богу, которого Геродот называет Папаем (Геродот IV. 59) или Митра. Ученый пишет: «Конный бог в Иране – это Ахурамазда или Митра, в характерном для этого бога – победителя зла в сочетании с убитым или поверженным врагом. Конный бог – это Митра или связанный с ним бог-победитель»⁴.

Связь Митры с образом всадника на примере ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда проследила О. И. Каландарова⁵. Ученый выявила в «Авесте» («Яшт» 10.13,47,52, 65-66, 112, 125, 141, 143) атрибуты Митры характерные всаднику – воину-победителю и пришла к выводу о том, что «образ всадника на ювелирных украшениях Бактрии-Тохаристана и

¹ Якубов Ю. Я. Религия древнего Согда. Душанбе: Дониш, 1996. С. 39-45.

² Khojaeva N. J. Persistence de cultes anciens dans les religions montagneuses. P. 195, cat. 139.

³ Мухтаров А. М. Шедевры в единственном числе. С. 13-20; Якубов Ю.Я. Религия древнего Согда. С. 41-42.

⁴ Ростовцев М. И. Представление о монархической власти Скифии и на Боспоре // Известия Археологической комиссии. 1913. Т. 49. С. 37-45.

⁵ Каландарова О. И. Семантика сюжетов ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда: дис. канд. ист. наук: 07.00.06; 07.00.09. Душанбе, 2021. С. 101-102.

Согда появился в авестийский период и ассоциировался именно с Митрой»¹. Такое же объяснение следует применить и для терракот.

Бога Митру, возможно, изображает и бронзовая скульптура всадника высотой около 50 см, найденная в местечке Чубистан у Пенджикента (в руинах крепости Чубак недалеко от озера Алоуддин (Айнинский р-он, Согдийская обл., Республика Таджикистан)². Поза, в которой изображен герой этого произведения, заметно сближает его с описанной выше деревянной статуей этого бога³.

На наш взгляд, такое почитание бога Солнца в верховьях Зеравшана небезосновательно. В этих местах имеются подземные угольные пожары. В наши дни – их три. Два пожара возникли в прошлом столетии – на левом берегу Ягноба напротив селения Рават и на левом берегу реки Джиджикрут. Третий пожар горит уже более 2 тысяч лет. Его местонахождение – на правом берегу р. Фандарья у селения Рават. Любопытно, что Рават находится в девяти километрах от упомянутой крепости Сарвода. Не исключено, что в древности здесь на угольных месторождениях были и другие продолжительные подземные пожары. Сведения про эти пожары имеются во многих географических научных трактатах IX - XII вв. Жители этих мест, т.е. Фан-Ягноба называют своих предков огнепоклонниками («оташпараст»), а веками добываемый здесь нашатырь имел исходное название «нуш-азар» («приятный, здоровый огонь»). Объектами разработки служили их продукты возгонки – сера, квасцы ачик и, главное, нашатырь. Месторождения нашатыря были сакральными объектами, а происходящие здесь природные явления – предметами культа. Согласно китайским источникам доисламской эпохи, у Фанских пещер, откуда вырывался дым, два раза в год совершались ритуальные обряды⁴. А. Смирнов идентифицирует Фан-Ягнабский

¹Тамже. С. 102.

² Khojaeva N. J. Persistence de cultes anciens dans les religions montagneuses. P. 192, 196, cat. 141.

³ Якубов Ю., Г. Р.Каримова Случайные находки // АРТ. Душанбе, 2017. Вып. 39. С. 261-265; Tadjikistan au pays des fleuves d'or. P. 194-195, cat. 141.

⁴Иакинф (Бичурин Н. Я.). Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии вдревние времена. СПб., 1851. Т. 2. С. 242.

подземный угольный пожар с одним из трех священных огней зороастризма, который посвящен Митре и носит название «Атар Буржин Митро». «Авеста» («Яшт» 19.6) и «Бундахишн» (12.2, 18, 34; 17.8)¹ локализуют этот священный огонь с горой Раэвант, что созвучно с названием ягнобского села Рават, расположенного рядом с горой, где веками наблюдается подземный угольный пожар².

Заметим, что следы изображения бога Митры прослеживаются на чачском раннесредневековом городище Сидак недалеко от г. Туркестан (Туркестанская обл., Республика Казахстан). На, гемме, обнаруженной внутри кувшинчика вместе с другими женскими погребальными предметами, способом граффити изображен бог Митра, сидящий на горном козле³.

Имя Митры прослеживается также в названии солнца и в некоторых памирских языках. Например, в языке мунджи «солнце» отражается в слове «*miro*», в языке йидга – «*mira*»⁴, ормури – *mes, mers*⁵.

Таким образом, в иконографии терракот Бактрии-Тохаристана и Согда следы образа Митры, как и Ахура-Мазды, следует искать во второй половине II тыс. до н.э. – время начала устного сложения «Авесты»⁶.

Сроша (среднеперс. Срош, фарси Суруш). Согласно зороастрийской мифологии, Сроша («послушание», дисциплина⁷) – сын Ахура-Мазды и

¹ Зороастрийские тексты. Суждения Духа Разума (Дадестан-и Меног-и храд). Сотворение Основы (Бундахишн) и другие тексты / Изд-е. подг. О. М. Чунаковой. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1997. С. 155-312.

² Смирнов Ю. М. Священный огонь Митры и Фан-Ягнобский угольный пожар // Иднакар: Методы историко - культурной реконструкции. 2011. № 11. С. 10-44.

³ Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Пенджикентский «Бык у алтаря» и графика Сидака // МПАЭ. - Вып. 20. СПб., 2016. С. 98, рис. 4.

⁴ Стеблин-Каменский И. М. Памирские языки о мифологии древних иранцев. С. 239.

⁵ Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 426.

⁶ О времени появления «Авесты» см.: Skjærvø. The Avesta as source for the early history of the Iranians / Ed. by G. Erdosy // The Indo-Iranians of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity. Berlin-New-York: Walter de Gruyter, 1995. P. 161-166; Онже. The Achaemenids and the Avesta / Ed. by V.S. Curtis, S. Stewart // Birth of the Persian Empire. Vol. I. London, New-York, I.B. Tauris, 2005. P. 80.

⁷ Malandra W.W. Sraoša // Encyclopaedia Iranica [Электронный ресурс]: <http://www.iranicaonline.org/articles/sraosa> (дата обращения 22.05.2022).

Армайти, дух религиозного послушания и порядка («Яшт» 17.16). В «Авесте» ему посвящены одиннадцатый гимн – «Срош-яшт» и «Ясна» 57. Петух (Пародарш) – его священная птица, как и он сам, является предвестником добра и света, она рано утром бодро провозглашает наступление рассвета и нового дня («Видевдат» 18.14-19). Сроша – божество с антропоморфными чертами («Яшт» 11.21).

Образ Сроши возникает одновременно с мифом о мосте в потусторонний мир – «Чинват-перето», о котором говорится в «Авесте» («Видевдат» 13.3, 9; 19.26-32; «Ясна» 46.10; 51.12-13). Согласно «Авесте», душа покойного находится на земле три ночи, а затем по мосту Чинват, которая находится на горе Хара Березаити, она переходит в потусторонний мир («Видевдат» 19.26-32; «Яшт» 4. 9-14; 17. 2-9).

В поздней зороастрийской доктрине дается подробное описание моста Чинват. Так, в «Книге о праведном Виразе» говорится, что Вираз во сне путешествует в загробный мир в сопровождении богов Сроша и Адуря. С их помощью Вираз попадает к мосту Чинват, где он видит души усопших, которые три ночи сидят возле мертвых тел и читают «Гаты» (АВН. 4.5; 5.1)¹. О том, что Сроша сопровождает души умерших в потусторонний мир через мост Чинват отмечено в другом пехлевийском источнике «Меног-и Храд» (МХ. 2.110-126)². Согласно источнику, Сроша и Рашну – сподвижники бога Митры, наделены правом судить души умерших на мосту Чинват³.

Сроша предупреждает заблуждения и ложные помыслы верующих, защищает их от козней нечистой силы, по ночам расправляется со злыми духами. Для достижения этого, Сроша никогда не смыкает глаз, в нем

¹ Пехлевийская «Божественная комедия»: Книга о праведном Виразе (АрдаВиразНемаг) и другие тексты / Введ., транслит. пехл. текстов, пер. и коммент. О. М. Чунаковой. М.: Изд-во Восточная литература РАН, 2001. С. 110-126.

² Dînâ-î Maînôg-î Khirad, Sikand-gûmânîk Vigâr and the Sad Dar. - Oxford: Oxford Univ. Press, 1885. 372 p. Part III. Dînâ-î Maînôg-î Khirad / Transl. by E.W. West. P. 1-133 (SBE, vol. 24). P. 1-133; Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и Меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишна) и другие тексты. С. 10-138.

³ Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и Меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишна) и другие тексты. С. 110-126.

получили воплощение бодрость и бойкость. Со злыми духами (инкуббами, суккубами) он воюет булавой, копьем и боевым топором. Кроме того, Срош оберегает людей от чисто земных, физических насилий, чтимых ворами, грабителями, насильниками.

Он понимает, с какими угрозами придется столкнуться человечеству, а спасти его должны Саошьянты – будущие потомки Заратуштры. Когда они появятся на свет, именно Срошу суждено возвестит их о тайнах откровения.

Перед взором людей Сроша является в телесном облике, он своими руками построил особый дом, который служит убежищем для бедняков («Ясна» 57.2).

Согласно «Бундахишну», Сроша выступает против дракона Ажи-Дахаки / Аждахо в решающей поединке («Бундахишн» 34.23).

В эллинистической культуре с образом Сроши соотносится греческий Гермес – римский Меркурий, покровитель словесности, способный наделять ораторов даром влиять на умы людей. Подобно Меркурию, зороастрийский Сроша – вестник верховного божества, проводник его воли. И Сроша, и Меркурий бодрствуют ночами и пребывают в постоянном движении. Подобно Сроше, Гермес встречает и провожает души умерших на тот свет.

Однако в отличие от греческого Гермеса, в своих деяниях Сроша не коварен, он не проявляет двойственности. Эти качества – необъемлемая черта самого хитрого и лукавого из всех божеств греко-римского пантеона бога Меркурия. Сроша не знает страха, не ощущает преград между миром земным и миром небесным, он свободно перемещается и среди простых смертных, и в обществе небожителей¹.

Таким образом, Сроша связан с важной частью жизни предков таджиков – духовной, проявляющейся в их погребальных традициях.

Рашну (среднеперс. Рашн). В «Авесте» божеству Рашну («справедливость», «дисциплина»²) посвящен двенадцатый гимн – «Рашн-

¹ Мифологический словарь. - С. 501.

² Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. - Sp. 1516.

яшт». Как и Сроша имеет антропоморфные черты («Яшт» 11.21). В авестийской мифологии божество (язат) правосудия, хранитель равновесия и справедливости. Его атрибутом были весы. Он как Митра, Аши и Сроша – сын Ахура-Мазды («Яшт» 17.16). Вместе с Митрой и Срошем он участвует в суде над душами умерших, который проходит на мосту Чинват (МХ 119-120). Он взвешивает грехи покойников. Рашну обитает на высокой горе рядом с мировой рекой Ранха. Он всегда присутствует там, где находится Митра. Ему посвящен восемнадцатый день каждого месяца зороастрийского календаря. Он предотвращает разрушение всего материального творения, которое чинят дэвы¹.

Вэртрагна (среднеперс. Варахран, фарси Бахрам) – бог войны и победы. В «Авесте» божеству посвящен четырнадцатый гимн – «Варахран или Бахрам-яшт». Этимология слова восходит к индоиранской эпохе² и означает «сокрушающий сопротивление»³. В ведийской мифологии его образу соответствует Индра. У населения Согда Вашагн – это бог огня, войны и победы.

Официально культ Вэртрагны, также как Ардвисуры Анахиты и Митры, узаконен при ахеменидском правителе Артаксерксе II (404-359 гг. до н.э.). В «Авесте» отмечаются его перевоплощения в ветер («Яшт» 14.2), золоторогого быка («Яшт» 14.7), белого коня («Яшт» 14.9), сильного верблюда («Яшт» 14.11-12), рассвирепшего вепря (кабана) («Яшт» 10. 70-72, 127; 14.15), хищной птицы Варагн⁴ («Яшт» 14.19), горного дикого барана

¹ Мифологический словарь/Гл.ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990 г. С. 457.

² Процесс формирования индоиранцев начался в начале эпохи бронзы, закончился – в конце III тыс. до н.э. Распад индоиранцев на индийцев и иранцев происходил в конце III – конце I тыс. до н.э. (См.: Ходжаева Н. Дж. Арийская проблема в контексте изучения этнической истории // Таджики.М.: Наука, 2021. С. 167.

³Gnoli G., Jamzadeh P. Bahrām (Vərəθraγna) // Enciclopedia Iranica. Vol III/5. P. 510-514 [Электронный ресурс]: <http://www.iranicaonline.org/articles/bahram-1> (дата обращения 22.05.2022).

⁴ Предположительно Варагн – это орел, коршун, ястреб или ворон – птица бога войны у других индоевропейских народов. С. Н. Соколов предполагает, что слово «ворон» в балтийских и уральских языках заимствован из древнеиранского (см.: Рак И. В. Авеста в русских переводах (1861-1996). С. 345, сн.1).

(«Яшт» 14.23), дикого козла, великолепного красивого Мужа, держащего золотой клинок, то есть воина («Яшт» 14.27).

Заметим, что предкам таджиков кони верно служили еще несколько тысячелетий тому назад, о чем свидетельствует «Авеста» («Яшт» 5.86, 131; 6.1, 4, 6; 8.20, 26, 30; 10.11, 68, 76, 102, 113, 125, 136). Классики таджикско-персидской поэзии также прославляли сказочно сильных коней: в «Шахнаме» А. Фирдоуси (X в.) – золотисто-гнедой Рахш богатыря Рустама¹, вороной конь Сиявуша, на котором он успешно преодолел языки пламени костра², в «Гуругли» – «небесный» Зулнайкир Аваза и др. Любовь к лошадям воспета в «Кабус-наме» писателя XI в. У. Кайковуса (глава 25 «О покупке коня»), «Навруз-наме» О. Хайяма (раздел «О коне и его достоинствах и что необходимо знать о нем»)³, «Чахор макола» («Четыре беседы»), Н. А. Самарканди, который дал высокую оценку лошадям «хутталской (хатлонской) породы»⁴.

Кроме того, природные условия благоприятствуют обитанию в Таджикистане кабанов и других млекопитающих и птиц, упомянутых в «Авесте» как ипостаси Вэртрагны. Они водятся в тугаях, туранговых лесах и тамариновых зарослях. Кабан здесь имеет промысловое значение. Типичными обитателями края считаются также птицы, такие как беркут, коршун и другие хищные птицы. К особенностям природы и климата высокогорий приспособились дикие бараны (муфлоны) и винторогие козлы.

Скорее всего, в произведениях изобразительного искусства населения Бактрии-Тохаристана и Согда ипостаси Вэртрагны, отмеченные в «Авесте» также служат олицетворением этого божества. Вэртрагна-Вашагн был весьма популярен в Согде, ему посвящали двадцатый день (дать название) каждого месяца. В терракотовом искусстве этого региона Вашагн представлен в

¹ Фирдоуси. Шах-наме / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути, коммент. А. А. Старикова. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 1. С. 323-326.

² Там же. Т. 2. С. 129.

³ Омар Хайям. Трактаты / Пер. Б. А. Розенфельда. М., 1961. С. 211-213.

⁴ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы / Под ред. А. Н. Болдырева. М.: Изд-во восточной литературы. 1963. С. 70.

образе юноши, голову которого украшает корона в форме верблюда. Он сидит в царской позе на лежащем верблюде и держит в руках маленького верблюда¹.

В Варахшинских росписях Вашагн сидит на троне в виде крылатых верблюдов, кроме того на ножке алтаря этот бог представлен на лежащем верблюде и держит в руке храмовый жертвенник. Поблизости от трона показан в полете крылатый верблюд с павлиньим хвостом². Его изображение встречается и в согдийской торевтике – серебряном кувшине³. Существует точка зрения, что в искусстве Согда инкарнацией Вашагна являются фантастические существа, летящие около голов людей (дракон, крылатая дева, крылатый лев с хвостом дракона и др.)⁴.

Изображение Вашагна имеется и в росписях Афрасиаба. Он сидит на одном троне с богиней Вананч и держит в руке чашу с фигурой верблюда⁵. В нескольких вариантах бог Вашагн представлен и в живописи Пенджикента. Так, в трех произведениях Вашагн и Вананч – богиня победы, сидят на троне, опирающемся на две фигуры: верблюда (со стороны бога) и горного барана (со стороны богини)⁶.

Кстати, горный баран – одна из форм инкарнации Вашагна. Как видим, иконография Вананч (греч. Ника) предусматривает ее представление вместе с Вашагном. В пенджикентских росписях также представлен бородатый персонаж, который держит длинное древко знамени. Его головной убор имеет форму козлиных рогов и ушей. Отметим, что козел также является

¹ Маршак Б. И. Отчет о работе на объекте XII за 1955-1960 гг. // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. 4 (1954-1959 гг.). М.Л.: Наука, 1964. Рис. 26 (9).

² Шишкин В. А. Варахша. Опыт исторического исследования. М., 1963. Табл. 14-15.

³ Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971. Табл. 7.

⁴ Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. С. 182.

⁵ Беленицкий А. М., Маршак Б.И. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 г. // СГЭ. Вып. 37. Л., 1973. С. 54-58.

⁶ Беленицкий А. М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 81-82.

одной из инкарнаций Вашагна¹. В «Авесте» говорится о воплощении его души в тело кабана («Яшт» 14.15). В этом контексте заслуживает внимания фрагмент из живописи Пенджикента, где божественный воин в доспехах едет на колеснице, запряженной кабанами². Есть основания полагать, что именно это божество изображено в скульптуре всадника, найденной близ Пенджикента. Ее длина - 20 см, общая высота - 57,5 см, вес - 2,54 кг. Скульптура отлита в форме, но голова и руки всадника отлиты отдельно и затем припаяны к телу. Его уши украшали серьги, одна из которых сохранилась. Шею обхватывает большая гривна, на одной руке имеется широкий браслет с инкрустацией. Примечательна корона в виде трилистника. К верхней части среднего листа прикреплена фигурка птицы, подчеркивающая царственный статус всадника и получения им божественного благословления. Птица держит в клюве кольцо, содержащее подвеску (она не сохранилась). В правой руке всадника имеется жезл в форме бутона, левой рукой он удерживает поводья коня. Без сомнения, изображенный персонаж был богато одет. По позе эта скульптура имеет много общего с описанным выше деревянным идолом. Связь этого произведения с образом Вашагна видится в том, что грива изображенного в скульптуре коня символизирует огонь, а посередине его ушей показан огненный факел. Кроме того, в зороастрийской мифологии конь, как и верблюд, считается атрибутом Вашагна (Бахрама)³.

Примечательно изображение на бронзовых бляхах из буддийского храма согдийцев в Акбешиме обоих божеств, которые вместе держат в поднятых руках одну фигуру лежащего верблюда. У Вашагна большая борода, на его головном уборе отчетливо видно звериное ухо. Рисунки на акбешимских бляхах подтверждают существование синтеза местного и пришлого буддийского искусства, показывая, что согдийские боги были включены в

¹Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1977 г. // АРТ. Вып. 17 (1977 г.). Душанбе: Дониш, 1983. С. 198-200.

²Беленицкий А. М. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 г. С. 55-56.

³Якубов Ю., Каримова Г. Р. Случайные находки. С. 261-265.

буддийский культ¹. Вашагн и Вананч изображены сидящими и на отдельных тронах в резном фризе из Куйруктобе (близ Отрара)².

Кроме того, с образом Вашагна отождествляется изображение вооруженного мечом царя, у ног которого лежит эксцентрическая маска. Такая иконография зафиксирована в декоре оссуария из Самарканда³ и живописи второго храма Пенджикента⁴. В Иране этого бога отождествляли с персонажем греческой мифологии Гераклом, что нашло отражение в изображении на серебряной чаше VII в. с надписью на согдийском языке⁵.

Как заключает Б. И. Маршак, в идеологии раннесредневекового Согда зооморфные символы при антропоморфных изображениях представляли собой зооморфные инкарнации авестийских богов. Причем, этот аспект особенно отчетливо проявляется в иконографии бога Вашагны. Он утверждает, что по обилию изображений Вашагн в разных обличьях практически не уступает знаменитой богине на льве Нане-Анахите⁶. Самостоятельное изображение Вананч – богини Победы встречается на согдийских терракотовых фигурках, правда, найденных за пределами Таджикистана⁷.

Таким образом, образ Вашагна имеет широкий иконографический репертуар, в частности: сидит на троне в виде крылатых верблюдов; сидит на троне вместе с царицей, в руке чаша с фигуркой верблюда; едет в колеснице; царственный всадник с фигуркой птицы на короне и др.

¹ Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М., 1958. С. 182.

² Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI- начало XIII вв.). Алма-Ата, 1986. С. 54-57.

³ Веселовский Н. И. Греческие изображения на туркестанских оссуариях // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 63. 1917. С. 59-68. Рис. 5.

⁴ Маршак Б. И., Распопова В. И. Адоранты из северной капеллы второго храма Пенджикента // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. С. 151-173.

⁵ Альбаум Л. И. Балалыктепе: К истории материальной культуры и искусства Правобережного Тохаристана. Ташкент: АН УзССР, 1960. С. 177-178.

⁶ Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. С. 182-183.

⁷ Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе: Дониш, 1977. Рис. 7 (1, 3).

Ардвисура Анахита (среднеперс. Анахид, фарси Нахид) – богиня воды и плодородия, в индоиранскую эпоху олицетворявшая мировые воды¹. В «Авесте» Ардвисуре посвящен пятый гимн – «Ардвисур-» или «Абан-яшт», то есть «Гимн водам». М. Бойс считает, что это один из древнейших яштов «Авесты»². Собственно, имя богини – Ардви (букв., возможно, «влага») сопровождается постоянно двумя эпитетами – Сура (букв. «сильная») и Анахита (букв. «незапятнанная», «чистая») ³. Первые упоминания о культуре богини Анахиты относятся ко времени правления мидийского царя Фравартиша (675-653 гг. до н.э.). Культ богини расцвел при Ахеменидах, имя богини зафиксировано в надписях Артаксеркса II (404-359 гг. до н.э.).

В «Авесте» Ардвисура Анахита представлена то в образе прекрасной юной девы («Яшт» 5.78), то в виде богини-матери, покровительницы плодородия и рождения детей («Яшт» 5.2, 87). В образе Ардвисуры Анахиты также олицетворяется водная стихия – это река Ардви («Ясна» 65.1,4; «Видевдат» 2.22; 7.16; «Висперат» 1.5; «Ормузд-яшт» 1.21; «Арвисур-яшт» 5.1, 4, 5, 9, 96, 1). Несомненно, в домусульманском божественном пантеоне Центральной Азии ее образ был наиболее популярным. В «Авесте» говорится, что водный поток, связанный с Анахитой, берет начало в горах Хукарья («Яшт» 5. 3, 96, 121) и впадает в море Ворукаша («Яшт» 5.3), о чем свидетельствует и «Бундахишн» («Бундахишн» 12.5; 13. 1-5). Анахита – богиня «тысячерукая» («Яшт» 5. 101), ее руки – бесчисленные каналы и арыки, которые пополняют главное русло или распределяют его воды, орошая семь каршваров («Яшт» 5.5). Река Ардви чаще отождествляется или с Амударьей, или с Сырдарьей⁴. Существует также точка зрения о том, что у древних иранцев река Ардви ассоциируется и с Амударьей, и с Сырдарьей, и

¹ Lommel H. Anahita-Sarasvati // Asiatica. Leipzig: O. Harrassovitz, 1954. S. 405-413; Boyce M. A History of Zoroastrianism. Leiden-Köln: E.J. Brill, 1975. Vol. I.P. 41, 52, 71-74, 100-102, 107, 151-152, 170, 173b176, 267.

² Boyce M. A. History of Zoroastrianism. Leiden-Köln, 1975. Vol. I. P. 72.

³ Boyce M., Chaumont M.L., Bier C. Anāhīd // Encyclopædia Iranica. I/9. P. 1003-1011.

⁴ Об отождествлении реки см.: Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе: Дониш, 2017.С. 123-122.

с другими реками Центральной Азии¹. Так, Н.Дж. Ходжаева отмечает, что «в действительности такой реки, конечно, не было. Центральная Азия – район орошаемого земледелия, на что и указывает материал «Авесты», и вода здесь имеет особую святость. Об этом свидетельствуют также легенды народов Центральной Азии, связанные с почитанием воды, которые сохранились и в наше время. Поэтому нет ничего удивительного в том, что река Ардви ассоциируется и с Амударьей, и с Сырдарьей, и с другими реками². Именно поэтому на территории Центральной Азии обнаружено большое количество терракотовых статуэток Анахиты. Так, археологи чаще всего обнаруживают их в среднем и нижнем течении Амударьи³, а также в долине реки Зеравшан, где на одной из терракотовых плиток из Самарканда эфталитского-тюрокского периода изображена богиня в венце, с птицей в левой руке и с тюльпаном у ног⁴. Это богиня Хшутравайра, покровительница царской власти.

Терракотовые фигурки в образе Анахиты, найденные в пределах бактрийской части Таджикистана, характеризуются двумя иконографическими типами. Образцы из Хульбака, Чармгарони Поён, Сайёда, Чимкурмана, Катта Джелаила, представляют богиню в одежде и с ребенком. Отдельные статуэтки, сохранившиеся на этой территории, несут образ обнаженной Анахиты. Они представлены в материалах Калаи Шодмона, Чимкурмана, Тепай Шах, Хазрати Амира, Сайёда⁵.

Большую популярность образ богини Анахиты в Согд получил в произведениях изобразительного искусства, в том числе терракотовой пластике. Однако такие терракоты обнаружены, как правило, за пределами Таджикистана. Для памятников из Таджикистана, расположенных в долине Зеравшана, терракотовые фигурки наряженной богини плодородия и воды

¹ Ходжаева Н. Дж. Храм Окса и локализация авестийской Вахви-Датии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2013. № 1(53). С 118.

² Ходжаева Н.Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. С. 125.

³ Снесарев Г. П. По следам Анахиты // Советская этнография. М.: Наука, 1971. №. 4. С. 156.

⁴ Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 43, рис. 11(3).

⁵ Их подробное описание приводится в пар. 2.1 настоящей работы.

отсутствуют. Что касается произведений коропластики с изображением нагой богини, здесь зафиксирован лишь один образец (статуэтка из Тали Хамтуда - крепости у сел. Мазори Шариф в Пенджикенте)¹.

В древности образ богини Анахиты был широко распространен во всем Западном и Восточном Иране – территории Бактрии-Тохаристана и Согда. В различных исторических периодах иконографический образ Анахиты имел свои особенности². Так, в ахеменидский период она представлена в образе королевской регалии, в парфянский – богини-воина, в сасанидский – небесной реки. Г.А. Пугаченкова связывает её с образом древнейшей богини матери. Этот образ продолжал господствовать в духовной жизни предков таджиков в течение длительного периода, что зафиксировано учеными даже в начале XX века³.

Голову изображали на носу амударьинских судов. Когда судно поворачивалось в какую-либо сторону, казалось, что этот человек поворачивают голову. Носовую часть украшали двумя или несколькими сплетенными из конского волоса косами, а зеркала изображали глаза. По бокам прикрепляли черные материи с нашитыми монетами, амулетами и раковинами, что служили украшениями Анахиты. Носовая часть судна считалась сакральным местом, она служила объектом культа. По словам Г. П. Снесарева, до революции жители хорезмийских селений весной приносили Амударье в жертву быка. Обряд жертвоприношения быка богине водной стихии Анахите описан в “Авесте”. Согласно этнографическим данным 1950-х годов, хорезмийские женщины в стремлении преодолеть бесплодие совершали на Амударье жертвенные обряды. Они искренне верили, что для этого нужно было на лодке дважды пересечь реку и бросить в ее воды жертвенные лепешки или горсть соли. Считалось, что чем меньших размеров

¹ Курбанов Ш. Ф. Тали Хамтуда // Археологические вести. СПб., 2004. Вып. 11. С. 167, 169, рис. 8(1).

² Saadi-Nejad M. Anāhiā. A History and Reception of the Iranian Water Goddess. London: I.B. Tauris, 2021. С. 122.

³ Пугаченкова Г. А. Искусство Афганистана. Три этюда. М.: Искусство, 1963. С. 56.

лодка и чем сильнее качка на волнах, тем вероятнее последующая беременность женщины¹.

Качание на волнах, как обряд, связанный с деторождением, находит свою аналогию за тысячи километров от Хорезма, в высокогорье Памира. Согласно этнографическим материалам М. С. Андреева и А. А. Половцева от 1902-1903 гг., в Вахане и Ишкашима женщины и девушки на Новый год устраивали себе качели². Через семь десятилетий соблюдение этой традиции в Шугнанае зафиксировал этнограф И. Мухиддинов. По его словам, это не являлось праздничным развлечением, а обрядовым актом, имитирующим сексуальное действие по отношению к божеству плодородия. Он полагает, что тот же смысл изначально скрывался в качании на качелях невесты, а также других женщин и девушек во время свадебных торжеств³. Предположение И. Мухиддинова небезосновательно, если учесть, что шугнанцы живут на верховьях той же реки – Амударьи. Именно здесь находятся истоки жизни великой богини Анахиты.

На второй день Навруза ваханцы и ишкашимцы вводил в дом быка и сыпал ему между рогами муку, чтобы начало пахоты было счастливым. В этом обряде можно видеть связь с обрядом принесения хорезмийцами в жертву Амударье быка⁴. На памирском высокогорье при чрезмерном пополнении реки Пяндж (истока Амударьи) и бурлении в ней воды было принято приносить ей в жертву собаку или птицу (курицу), которых бросали в воду привязав к ним камень. В учении Зороастра собака и птица являются

¹ Снесарев Г. П. По следам Анахиты. С. 153-165.

² Андреев М. С., Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. С. 30.

³ Мухиддинов И. Обряды и обычаи, связанные с земледелием, у памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX - начале XX века (Материалы к Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана) // Советская этнография. М.: Наука, 1973. № 3. С. 103.

⁴ Мухиддинов И. Обряды и обычаи, связанные с земледелием, у памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX - начале XX века (Материалы к Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана) // Советская этнография. М.: Наука, 1973. № 3. С. 103.

священными животными, следовательно и этот обряд является реликтом зороастризма¹.

Как пишут Д. Довуди и А. Шарифзода, с образом Анахиты надежно идентифицируются статуэтки богини с ребенком. По всей видимости, в этой иконографии за основу принят принцип, что Анахита является богиней плодородия и, соответственно, олицетворением вечности жизни и природы². В «Авесте» Анахита исполняет функции богини вод и, косвенно, знахарки, однако про нее, как богини любви и плодородия речь не ведется. Ее имя встречается в текстах ахеменидских правителей, в частности Артаксеркса II (первая половина IV в. до н.э.), которые, помимо нее, вызывают еще лишь к двум богам зороастрийского пантеона – Ахура-Мазде и Митре. В то же время, имя богини не запечатлено на табличках из Персепполя.

Существует сообщение жреца Берроса из Вавилона в «Халдейских историях» о том, что при Артаксерксе II статуи этой богини можно было увидеть в таких городах древнеперсидской империи, как Сардис (Малая Азия), Дамаск, Вавилон, Сузы, Хамадан (Экбатана), Персеполь, Бактры³. Если это так, то данные статуи, очевидно, были монументальными. Однако эта историческая заметка, имеющая отношение к эпохе эллинизма, нередко подвергается сомнению в двух аспектах. Во-первых, до прихода греко-македонцев в зороастрийском обществе возведение культовых статуй не практиковалось, во-вторых, в ахеменидском искусстве, за исключением каменных печатей и амулетов, женские изображения практически не встречаются. Представленные в произведениях глиптики женские фигуры носят короны с зубцами. Кто они, богини или царицы и царевны – вопрос, который остается не выясненным. Ученые склоняются к тому, что образ богини Анахиты передан на двух древнеперсидских цилиндрических печатях, где все представленные персонажи облачены в одежду

¹ Там же. с. 107.

² Беленицкий А. М. Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье // КСИИМК. Вып. 98. М.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 196, рис. 34.

³ Фрай Р. Наследие Ирана. М., 2002. С. 167.

ахеменидского стиля. На первом из них показана сцена с тремя женскими персонажами. Две женщины, старшие по возрасту, представлены в коронах, третья, юная и ниже ростом, преподносит сидящей на троне женщине, очевидно, богине голубя.

Изображения Анахиты имеются и на отдельных предметах V-IV до н.э. из состава Амударьинского клада – на двух перстнях и двух пластинах. Так, на щитках двух золотых перстней она представлена в образе царицы, сидящей на стуле с резным орнаментом. На одном изображении у нее длинное платье с широкими и частыми поперечными складками. На голову надета корона с высокими зубцами, из-под которой на спину спускается толстая коса. Правой рукой она подносит к носу цветок, а в левой руке имеется венок. Корона и цветок на правой руке присутствуют и на изображении царицы на щитке второго перстня. Однако теперь длинное платье образует продольные складки, а на правой руке сидит птица, очевидно голубь. Корона на голове такая же, запястья рук украшают браслеты¹.

В аспекте формы короны заслуживает интерес повторяющаяся в негативе композиция на «ахеменидской» ткани из пятого кургана Пазырыка (Горный Алтай), где царица с дочерью заняты молением у алтаря². Прическа царевны (волосы уложены сзади валика) повторяет прическу женщин с цветами в руках, изображения которых оттиснуты на золотых пластинах Амударьинского клада. Образ, представленный на этих пластинах, показан в стоящем положении. На одной из пластин платье женщины образует широкие вертикальные складки на передне и горизонтальные складки на боках или всей задней части. Платье, показанное на другой пластине, образует полосы поперечных складок на участке от талии вниз, причем по линии между рядами складок проходят вертикальные швы. Общими чертами на обоих изображениях являются прическа (волосы уложены сзади на уровне плеч валиком, наличие цветка на одной руке, широкий рукав

¹Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением цариц // Советская археология. М., 1979. № 1. С. 35-46.

²Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М.: Искусство, 1968. С. 74-76.

платья). Такие костюм и прическа не характерны для иранского, греческого и переднеазиатского изобразительного искусства, в связи с чем выдвинуто предположение, что на пластинах изображена жительница Бактрии. Но и в этом случае специалисты видят в представленной женщине образ Анахиты.

Корона, цветок, венок и птица служили атрибутами именно этой богини. Декор указанных произведений из состава Амударьинского клада позволил выснить, что традиция показать Анахиту с этими атрибутами сформировалась еще в ахеменидскую эпоху. В культуре индоиранских народов богиня-мать ассоциировалась с деревом жизни с птицами на ветках. Цветок и венок, как и древо жизни, – символы растительного мира, всецело зависящего от наличия воды, а Анахита является богиней плодородия и водного потока. Голубь, как и павлин или утка, как отмечалось, является птицей этой богини. Анахита и Ахура-Мазда являлись покровителями иранских царей, они – участники инвеститурных сцен при их венчании на царство. По этой причине иранские, в том числе бактрийские, правители носили их изображения на личных штампах и перстнях. Этим они демонстрировали своим подданным, что правят от имени указанных богов¹.

В. И. Сарияниди улавливает образ Анахиты в полуобнаженной и, возможно крылатой, женской фигуре с плодом граната в руке, изображенной на золотых головных подвесках из шестого погребения Трися-тепе. По две стороны от богини расположена головой вниз пара волков с рыбьими хвостами и раскрытыми пастями. По углам в верхней части подвески представлены фигурки двух птиц, а в нижних углах – рыбьих голов. Основанием для такого вывода археолога служит представление о том, что Анахита является владычицей вод (персонифицированы в рыбах), птиц, животных (волки) и растительного мира (плод граната). Обращают внимания изменения в костюме типично иранской богини. Иконография образа, сформировавшаяся в Иране, предполагает изображение фигуры богини с непорочным закутыванием в глухие одежды. В трися-тепинских подвесках ее

¹ Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением царей. С. 35-46.

тело едва прикрыто ниспадающими одеяниями – образ женщины, соответствующий стилистике древнегреческого искусства¹.

Идея о хозяйке животного и пернатого мира заключена и в изображениях женщины (богини) на отдельных бактрийских печатях бронзового века, которая окружена птицами (орлы в геральдической позе) и хищниками из рода кошачьих (возможно пантеры). Есть печать, которая изображает женщину, по две стороны от которой расположены львы с мохнатыми гривами и хвостами, поднятыми вверх. Схожие мотивы встречаются и в искусстве ахеменидского Ирана, однако их отличие заключается в том, что богиня и животные изображены в противоборстве. Так, на одной из печатей крылатая женщина находится посередине двух поверженных львов. В этой композиции очевидна близость с изображением богини и животных на трися-тепинских головных подвесках. В целом, эти композиции отражают связь в иконографии богинь вавилоно-ирано-бактрийского пантеона – Иштара и Анахиты².

Образ обнаженной молодой женщины был распространен и в среднеазиатской торевтике. В отличие от терракоты, художественный металл более четко передает образ, черты лица, детали костюма, пластику. В произведениях торевтики ее изображали в различных позах: с грациозной походкой, с приподнятыми до уровня головы руками, с руками отведенными в две стороны, в которых лоза с кистью винограда, сосуд с фруктами, крупный плод граната и др. Атрибутом нагой богини почти всегда служит длинный кусок ткани (шарф), который обернут вокруг бедер или проходит между ногами на уровне колен. У богини пышная прическа, оформленная бантиками. Руки и ноги украшают браслеты, шею – гривна. В декоре металлических сосудов нередко рядом с обнаженной женщиной показаны ребенок и птицы. Отдельные исследователи видели в обнаженной фигуре образ танцовщицы, однако другие отождествляли ее с богиней Анахита.

¹ Сариниди В. И. Бактрийский центр златоделия // Советская археология. М., 1987. № 1. С. 75-76, рис. 3.

² Там же.

В пределах Ирана и Средней Азии не зафиксированы изображения Анахиты для периодов Селевкидов, Греко-Бактрии и Парфии, зато они нередки для сасанидского искусства. Сохранились многочисленные женские изображения эпохи Сасанидов, однако нельзя во всех этих персонажах видеть образ прославленной зороастрийской богини. Не исключено, что образ Анахиты представлен на сасанидской торевтике – позолоченных серебряных сосудах. Долгое время в обнаженных молодых женщинах, изображенных в вольной позе и грациозной походке, видели образы танцовщиц. У них на руках запечатлены сосуды, фрукты, цветы, шарфы и разные другие атрибуты. Рядом с ними показаны детские фигурки, птицы и животные. Эти женщины не носят корону (правда, у некоторых голову украшает диадема), однако во всех случаях голову окружает нимб, что тоже указывает на божественную сущность представленных персонажей.

Анахита с зубчатой короной на голове изображена, кроме того, на реверсе некоторых образцов монет сасанидского шахиншаха Хурмузда I (2-я половина III в. н.э.). О том, что представленный образ действительно принадлежит зороастрийской богине, свидетельствует изображение бога Митры в лучистой короне на реверсе других монет указанного правителя. Анахита изображена обнаженной, стоящей напротив сасанидского царя, между ними массивный алтарь с огнем. Очевидно, здесь представлена сцена коронации¹. Эта же сцена, но с другой иконографией, встречается и на реверсе монеты другого сасанидского царя – Бахрама II (конец III в. н.э.), однако теперь богиня показана в пышном наряде.

Символы Анахиты можно обнаружить и в декоре керамики. Как полагает Ю. А. Рапопорт, спираль в росписи посуды является символами воды и, соответственно, богини водной стихии². В свою очередь, сочетание

¹ Шенкарь М. А. Богиня или царица? К интерпретации женского персонажа на рельефе Нарсе из Накш-е Рустама // Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. 3. М., 2013. С. 614-632.

² Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М.: Наука, 1971. С. 51.

спирали со знаком солнца олицетворяет культ Анахиты и Митры и символизировало женское и мужское начала¹.

Образ Ардвисуры Анахиты отождествляется с образом обнаженной богини. В мировой художественной культуре данный образ имеет глубокие корни. Он связан с культом женщины – прародительницы и продолжателя рода, носительницы животворящих сил природы (плодородия и изобилия). В течение длительного периода образ богини-матери подвергается эволюции и трансформации, его носителями выступают Исида, Деметра, Кибела, Иштар, Анахита и ряд других мифологических персонажей. В Передней Азии иконография обнаженной богини показала высокую степень консерватизма. Устойчивость иконографического образа проявляется и в неподвижной позе персонажа. Данный образ проявил устойчивость даже в условиях Ирана эпохи Ахеменидов, где изобразительные традиции, связанные с женскими образами, вероятно, были под запретом. «Ахеменидские» терракотовые статуэтки интимной богини-матери из Персии имеют два типа: с жестом «Венеры Стыдливой» и с младенцем². В целом, этот образ ассоциируется с богиней Анахитой.

Как правило, статуэтки обнаженных богинь имеют три вида. В первом случае, у женщины узкие бедра, правая рука прижата к груди, левая – лежит на животе (жест «Венеры Стыдливой»). Волосы валиком частично покрывают лоб и зачесаны за уши. Шею украшает гривна с ромбовидной подвеской. Во втором случае правая рука опять же прижата к груди, а левая прикасается к левому бедру. Ноги сведены вместе, носки врозь. Нежные формы тела, округлый живот и широкие бедра как бы показывают, что женщина в расцвете своих лет. Очень четко обозначены черты лица. Волосы обрамляют лицо, их концы опущены на плечи. Третий тип таких статуэток обе руки женщины опущены вдоль тела. Плечи широкие, а длинные ноги сведены вместе.

¹ Шукуров Ш. М. К анализу принципов иконографии в изобразительном искусстве Средней Азии // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука, 1977. С. 107.

² Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. С. 218.

Статуэтки из Тепаи Шах и Хазрати Амир относятся к третьему типу - с опущенными руками, а на образце из Сайёда руки обломаны, поэтому их положение остается неизвестным. К этому же типу имеют отношение три произведения короластики из Халчаяна (две статуэтки без головки и одно погрудное изображение), причем их особенность заключается в том, что богиня имеет груди той или иной степени выпуклости, узкую талию, зато очень широкие и крутые бедра. На одном из них на участках выше талии и у бедер показаны опояски и на руках (на запястьях и у предплечья) – браслеты. Горизонтальные линии – рельефы или, так называемые, “пояса стыдливости”, призваны нарушить наготу и являются элементом эволюции иконографии богини-матери в античный период¹. Вместе с тем, халчаянская миниатюрная (высота 2,8 см) костяная подвеска представляет образ обнаженной женщины и она соответствует статуэткам второго типа. Причем на ней треугольником подчеркнуть признак пола².

Все три типа статуэток встречаются и в хорезмийской терракотовой пластике³. М. Г. Воробьева отмечает, что Анахиту изображали, как в обнаженном виде, так и в одежде. К такому заключению она приходит, принимая во внимание иконографию образа. По ее словам, оба типа статуэток имеют одни и те же разновидности⁴.

Таким образом, выявляется следующая иконография богини Анахиты: ее изображали обнаженной; полуобнаженный персонаж с плодом в руке, в окружении зверей, птиц, рыб; она одета в длинное и широкое платье с обильными складками, на голове - зубчатая корона, из-под которой на спину спускается коса или уложенные сзади в валик волосы; показана с ребенком.

Нана. Образ богини со львом не имеет прямой связи с Анахитой, скорее это деталь иконографии ее ипостасей – богинь Иштара и Наны. Нану

¹ Там же. С. 218-221, рис. 103.

² Там же. С. 218, рис. 102.

³ Двуреченская Н.Д. Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н.э. – IV в. н.э. (археологический аспект). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 189-194.

⁴ Воробьева М. Г. Хорезмийские терракоты // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С. 185-186.

признавали в качестве великой богини в Согде, Бактрии, Парфии она представлена, в частности, на кушанских монетах, где указано также ее имя – Нана / Нанайя. На монетах Кушанского государства она показана в длинном платье, сидящей на спине льва, или стоящей у алтаря и возжигающей святой огонь¹. Имя Нана значится также в надписи на булле из Кафыркалы (Самаркандская обл.), где при помощи овальной (4,2 x 3 см) геммы оттиснуто изображение в профиль нагой богини. Девушка изображена худой и высокой, с длинными ногами, вытянутым животом, приподнятыми грудями и маленькой головой. Ее правая рука согнута и поднята на уровень ушей, из сомкнутой кисти руки свешивается один конец шарфа. Другой конец шарфа торчит из кисти левой руки, который также поднят, но на уровень плеч. Этой рукой богиня держит, кроме того, рог изобилия, до верха заполненный плодами. Булла имеет отношение кушанскому периоду или раннему средневековью².

Богиня Нана изображена, по крайней мере, на двух терракотовых печатях из Дальверзинтепе. На первой печати богиня представлена сидящей на спине копытного животного – быка или горного козла. Нечеткость изображения не позволяет уловить тонкие детали в композиции. В правой руке персонажа, отведенной от тела, видна пальмовая ветвь, левая рука согнута и держит некий предмет – цветок или рог изобилия с выступающей листвой. Под мордой животного исполнена почти стершаяся надпись, которая, возможно, указывала имя богини. На композиции из второй печати атрибутами богини выступают растения. Г.А. Пугаченкова пишет, что изображения на печатях передают образ Наны как покровительницы

¹ Зеймаль Е. В. Кушанская хронология (материалы по проблеме) // Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. М.: Наука, 1968. С. 120.

² Абдуллаев К., Бердимуратов А. Античные сюжеты в раннесредневековой глиптике Согда по буллам городища Кафыркала под Самаркандом // Материалы по античной культуре Узбекистана. Самарканд, 2005. С. 28-29.

животного и растительного мира¹. Образ Наны отражен на рельефной композиции, представленной на бляхах (их всего 9) золотого пояса из четвертого погребения Трися-тепе, где изображена женщина, сидящая на льве. Одной своей рукой она властно опирается на голову льва, а ее вторая рука держит сосуд. Размеры пояса: длина в развернутом виде 27,5 см, ширина 2 см, диаметр бляшек 4 см.²

В этом же контексте заслуживает внимания бактрийская серебряная печать II тыс. до н.э., которая изображает полуобнаженную женщину, сидящую на спине хищного зверя. Из одежды на женщине лишь длинная юбка. Зверь имеет внешнее сходство со львом, однако имеет рог и бородку. Наездницу сопровождает пара козлоногих животных³. Археолог В. И. Сарианиди, исследуя параллели в изобразительных сюжетах Средней Азии и Месопотамии, акцентирует внимание на наличие у львоподобного животного, на котором сидит богиня, рога и бородки – признака, который характерен и для искусства Ближнего Востока.

Нану, как покровительницу семей, в пенджикентских домах изображали четырехрукой и сидящей на льве. Она – наиболее часто встречающееся божество, чей образ помещали в нише напротив входа в дом. Другая особенность ее иконографии заключается в том, что богиня держит в поднятых руках символы солнца и луны. К ней подъезжает на колеснице, запряженной крылатыми конями, бог с преклоненными коленями, т.е. в позе человека молящегося. Очевидно, это означает, что иерархически Нана находится выше подъезжающего бога, который приближается к Нане со стороны руки, в котором находится символ солнца. Это служит намеком на то, что данный персонаж – солнечное божество, возможно Хвара, но не Митра, который в иерархии богов не уступает указанной богине⁴.

¹ Пугаченкова Г. А. Квартал керамистов (Дт - 9) // Дальварзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. С. 141.

² Сарианиди В. И. Бактрийский центр златоделия. С. 75, рис. 2.

³ Сарианиди В. И. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н.э. // Советская археология. М., 1986. № 2. С. 38.

⁴ Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. С. 183.

Четырехрукая Нана в беседе с Тир-Тиштрией (авестийский бог дождя) рельефом представлена на стенке согдийского оссуария VII в. из Шахрисабза. В ее руках имеются символы солнца и луны, а также булава¹. Другое изображение Наны встречается на печати из Горгии (восточное побережье Черного моря). Она стоит на льве, ее голову украшает зубчатая корона. Богиня на льве представлена напротив ахеменидского царя.

Замечательным произведением культового изобразительного искусства является сцена в пенджикентской живописи из помещения 12 объекта XXV. Вся композиция вписана в высокую арку. В верхней части композиции изображены покровители дома – четырехрукая Нана, сидящая на льве, а также бог воды, шлем которого содержит протому дракона. Внизу по две стороны от этих персонажей показаны два стража в стоячей позе. На голове одного из стражей имеется колпак, поверх которого имеется корона, он держит в поднятой руке чашус фигуркой дракона. Вторым стражем является, скорее всего, бог Вашагн, его головной убор содержит козлиные рога и уши, его лицо – демоническое. О Вашагне, как страже, есть заметка в «Авесте». Его напарником является Ама или Сила. Внизу посередине композиции видны две постройки, символизирующие рай и ад. Ад показан в виде сооружения, покрытого чешуей, его защищает зверь, напоминающий свирепого льва. Над этой постройкой летит дракон, по ее сторонам видно по одной струйке дыма. Перед входом в ад бог Срош стоит напротив упавшего демона.

Рай представлен в виде арки, украшенной драгоценностями. Постройка содержит множество окон, из которых выглядывают красивые девушки в пышных головных уборах. Стражами рая являются фравашы - крылатые девы с булавами. Другими персонажами композиции являются музыканты, танцоры, люди, молящиеся перед алтарем огня². Примечательны сцены

¹ Grenet F. Zoroastrianism in Central Asia // The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism / Ed. by M. Strausberg, Y.S.-D. Vevaina. London: John Wiley & Sons, Ltd., 2015. P. 136, fig. 8.2.

² Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исакова А. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1977 г. С. 197-204.

битвы людей совместно с разными богами против демонов в росписи дворца афшинов Уструшаны и помещении 6 объекта III древнего Пенджикента. В битве участвуют Нана, Митра, а также Вашагн¹. В Пенджикенте найден документ, написанный на обеих сторонах коровьего ребра, в котором фигурируют имена Нанайи и Веретрагны. Полный текст согдийской надписи расшифровать пока не удастся, но смысл отдельных слов удалось выяснить. Среди них – «Вашагнроч» (в честь божества Вэтрагны) и «Нанайвенде» (раб богини Нанайи)².

Реликты почитания образа Наны сохранились в названии населенных пунктов с таджикским населением, расположенных в Ферганской долине и окрестностях Ташкента. Так, в предгорьях Ташкента есть селения под названиями Нанай и Юкори-Нанай³, еще одно село с названием Нанай имеется в Наманганской области⁴. Этим термином обращаются к матери в долине Рашта и в .

Ардохшо – «Дух Вахша», «Богиня Вахша», женское божество восходит к авестийскому Аша (древнеперс. Арта, среднеперс. Ард – «истина», «правда»⁵) – богине благой судьбы и счастья. Этой богине посвящен семнадцатый гимн – «Ард-яшт». Позднее Аша стала персонифицироваться с Аши / Арта-Вахишта («Лучшая Истина», среднеперс. Ордибехешт, одним из шести божеств Амэша-Спэнта (среднеперс. Амахраспанд/ы) («Яшт» 17.2) – «Бессмертных Святых», высших божеств зороастрийского пантеона.

В поздних зороастрийских источниках каждый Амэша-Спэнта ассоциируется с природными элементами. Так, Аша-Вахишта является покровительницей Огня и Света («Бундахишн» 3. 12-19). Аши посвящены второй месяц и третий день авестийского календаря. В письменных

¹ Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. С. 186.

² Лурье П. Б., Маршак Б. И. Согдийские надписи из раскопок древнего Пенджикента сезона 2001 г. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. 4. СПб., 2002. С. 84-86.

³ Кузнецов П. Е. О таджиках Ташкентского уезда (Краткий отчет) // Известия Туркестанского отдела ИРГО. Т.2, вып. 2. Ташкент, 1900. С. 33.

⁴ Кузнецов П. Е. О таджиках Наманганского уезда // Известия Туркестанского отдела ИРГО. Т. 11, вып. 2, ч. 1. Ташкент, 1915. С. 5, 23.

⁵ Schlerath B., Skjærvø P.O. Aša // Encyclopedia Iranica. II/7. P. 694-696.

источниках IX-X вв. встречается название одного из хорезмийских селений – Арсахушмисан, которое О.И. Смирнова переводит как «Храм Ардохшо» или «Обитель Лучшей праведности» и считает памятником парфянского времени. Опираясь на материалы указанных источников, она локализует это древнее селение с храмом примерно на половине пути между городами Гурганджи Хазарасп¹.

В Хорезме эту богиню называли Арсахуш, ее имя носил второй месяц местного календарного года. В Согде данный месяц назывался Хуризнич.

Кушанские монеты с надписью: «Ардохшо» показывают образ этой богини. Она наряжена в платье с широкими рукавами до локтей, длинную юбку, образующие вокруг ног широкие складки. Складки подчеркивают, что одежда сшита из шелковой ткани. Чаще она представлена сидящей на троне со спустившимися ногами. Прическа – прямой пробор со сбором волос в узел на темени. Вокруг головы показан нимб. Правая рука богини поднята до уровня лица, в ней – плод граната. Иногда эта рука согнута в локте и в ней находится венок с лентой – знак инвеституры. На других монетах она показана стоящей в трехчетвертном повороте, а голова изображена в профиль. Левая нога – опорная, она несколько оставлена. Правой согнутой в локте правой руке она держит рог изобилия, в нем – ветки растения или плоды граната. Одежда и прическа – такие же, как было описано чуть выше. Представленный образ почти полностью повторяется на каменной статуэтке IV в. из афганского Беграма. Образ Ардохшо олицетворяет изображение богини на троне с рогом изобилия².

Следует отметить, что Ф. Грене прослеживает следы легенды о названии иранского божества Оахшо (Wakhš(a)) от времени появления кушанских монет (I в. до н.э. – I в. н.э.) до сообщения Бируни о празднике Вахшангам (Wakhšangam) у хорезмийцев. Бируни описывает этот праздник по

¹ Смирнова О. И. К вопросу о среднеазиатских культах (Из среднеазиатской топонимики). С. 92-94.

² Беленицкий А.М. Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье. С. 196, рис. 34.

зороастрийскому календарю, подчеркивая, что Вахш – «имя ангела, поставленного (наблюдать) за водами, в частности над рекой Джейхун»¹, то есть Амударьей. Ученый приводит примеры имен на основе *Wakhšu*, распространенных в эллинистический период, в иранской, особенно, в бактрийской ономастике².

Известный искусствовед К. В. Тревер полагает, что именно эту богиню изображает золотая статуэтка из Хаита. Она высказала предположение, что Ардохшо, как олицетворение растительного мира, могла быть дочерью бога р. Вахш. К такому выводу она приходит, акцентируя внимание на слова, из которых складывается имя богини – Ард (как и у Ардвисуры Анахиты) – растительный мир, Охшо – Вахш. Образ бога Охшо показан на оборотной стороне золотой монеты Хувишки вместе с надписью «Вахшо». Он изображен в виде бородатого пожилого мужчины с посохом в правой руке и рыбой в левой. Кроме того, К. В. Тревер идентифицирует образ Ардохшо с рельефным изображением женщины на терракотовом медальоне из Афрасиаба. Богиня, представленная на медальоне, в одной руке держит цветок (вместо рога изобилия), в другой ее руке находится жезл. Особенностью этого изображения является пышная корона на голове богини³.

Аспандармад (авест. Спэнта-Армаити, среднеперс. спандармад, фарси исфандармад – «Святое благочестие»⁴) – богиня земли, которой был посвящен спандармад – пятый день согдийского календаря. В авестийский период – одно из Амеша-Спэнта («Бессмертные святые»), олицетворяющее благое качество Ахура-Мазды. Заратуштра называет её своей дочерью («Ясна» 45.4.). Согласно «Авесте» («Ясна» 31.4; 43.16; 48.11) и поздней зороастрийской традиции («Бундахишн», 3.17), она является хранительницей

¹ Бируни А. Избранные произведения. Памятники минувших поколений. Т. 1. С.258.

² Grenet F. L'onomastique iranienne à Aï-Khanoum. P. 377-378.

³ Тревер К. В. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан) (к вопросу о Кушанском пантеоне) // Культура и искусство античного мира и Востока. Т. 2. Л.-М.: Искусство, 1958. С. 139-140.

⁴ Boyce M. Armaiti // Encyclopaedia Iranica. Vol III. Fasc. 4. P. 413-415.

земли («Бундахишн» 3.17). Женщины находятся под защитой Армаити, которые, как и земля, дают и питают жизнь («Ясна» 38.1). Очевидно, что религиозные воззрения древних иранцев трансформировались в духовную жизнь согдийцев, у которых Аспадармад – богиня земли. Так, эта богиня пользовалась славой покровительницы г. Ургут. В ее честь был построен храм в селении Аспандиза (ныне Аспанда) Ургутского района Самаркандской области¹.

Арштат/Аштат (среднеперс. Аштад) – богиня честности и справедливости, которой в «Авесте» посвящен восемнадцатый гимн – «Аштат-яшт». В «Авесте» Арштад появляется вместе с Митрой («договор»), Рашну («справедливость») и Датой («закон»), тем самым способствуя совершенствованию мира («Михр-яшт» 10.139). «Бундахишн» представляет Аштад как помощницу Мехрдода, они вместе занимаются подсчетом добрых и злых деяний людей. Эти данные будут использованы в конце света, когда люди предстанут для Последнего суда («Бундахишн» 37. 10-14). Храм в ее честь функционировал в бухарском селении Аштадвагн («вагн» – «храм») близ Гиждувана. Этой богине был посвящен 26-й день одного из месяцев согдийского календаря, хотя конкретно какого, неизвестно².

Дед-земледелец (Бобои Дехкон). Среди культовых персонажей, как Согда, так и Бактрии-Тохаристана (а также Хорезма), были и чисто светские персонажи, наиболее известным из которых является покровитель земледелия Бобои Дехкон. Хотя утверждается, что его атрибутами (в произведениях терракотовой пластики) служат лопата и веник, на наш взгляд, правильнее вести речь о лопате и саженцах.

На одной из живописных композиций Пенджикента, украшавшей домовладение с большим зернохранилищем (на северной стене парадного помещения 28 объекта XXV), Дед-Земледелец показан сидящим на позолоченном деревянном троне, украшенного резьбой растительного

¹ Смирнова О. И. Места домусульманских культов в Средней Азии (по материалам топонимики). С. 96.

² Там же. С. 98.

характера. Его называют также Духом урожая, а сцена увоза зерна с гумна представлен как культовый обряд, если учесть, что она составляет часть живописной композиции грандиозного угощения в честь нового урожая. Роспись датируется VII-VIII вв.¹

Сцена содержит несколько участников, среди которых божество представлено в значительно большем масштабе. На одной стороне трона чуть сзади изображена большая куча зерна. С другой стороны люди заняты разбором зерна и засыпкой его в мешки. Бобои Дехкон представлен в образе старика с длинной и широкой бородой, длинными волосами, морщинистым лбом, приподнятыми бровями, на голову надета высокая шапка, на шапку надет веночек из листьев злаковых растений. Над его левым плечом развевается пара лент, возможно, ленты украшали и его правое, не сохранившееся плечо. Божественная сущность этого персонажа подчеркивает нимб, окружающий голову, а также языки пламени за спиной. Одеждой божества служит кафтан из узорчатой ткани, возможно, камки, поверх которого наброшен плащ из согдийской ткани занданачи. Ткань оформлена перлами, внутри каждого перла изображением птицы, из клюва которой свешивается ожерелье с жемчужной подвеской. Кайму по краям плаща украшают золотые бляшки².

Культе Бобои Дехкон почитался как среди согдийцев, так и в Бактрии, о чем свидетельствуют этнографические материалы. Так, Н.А. Кисляков отметил распространение представления о нем как о существе, наполовину мифическом, наполовину реальном, среди жителей Язгулема. Реальность этого образа проявляется в том, что в каждом селении был старец –шойгуни / фогынай, которому весной предоставляли право первым приступить к сельскохозяйственным работам³.

¹ Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. С. 186.

² Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийское изображение Деда-Земледельца // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1985. С. 108-116.

³ Кисляков Н. А. Язгулемцы (Этнографический очерк) // ИВГО, 1948. Т. 80, вып. 4. С. 368.

Данные, собранные М. С. Андреевым, показывают, что пережитки этого культа отчетливо проявлялись в соответствующих земледельческих обрядах даже в первой половине XX века, например, в Ишкашима и Вахане. В этих горных краях провеянное зерно (собранный урожай), собранное в кучу, считали за могилу указанного божества¹.

На его умирание указывает выражение скорби, запечатленной на пенджикентской живописи. У Бобои Дехкона есть способность воскрешения в следующую весну (кругооборот природы). Вместе с тем, с распространением мусульманства образ Деда-Земледельца стали отождествлять с Адамом².

Образ народного бога – Деда-Земледельца возник в глубокой древности. Его истоки следует искать в период, когда возникло земледелие. В Центральной Азии земледелие орошаемое и с древнейших времен от разлива рек, наступления сезонов дождей или засухи зависела жизнь земледельцев, которые наблюдали за небесными светилами и знали, что с днями равноденствия связана смена времен года. Так, возник земледельческий календарь солнечного летоисчисления. Чтобы урожай был богатым, древние земледельцы проводили различные ритуалы и обряды, в результате чего, сложился целый цикл праздников, связанный с этим видом деятельности человека. Ф. Грене, проведя анализ сообщений Бируни, китайских источников и иконографии отмечает, что у населения Согда все праздники делились на две категории. К первой категории относятся праздники, связанные с датами зороастрийского календаря. Праздники, имевшие ярко выраженный аграрно-земледельческий характер, ученый включил во вторую категорию. Они были связаны с определенным временем года, и поэтому их дата не должна была смещаться вместе с официальным календарем³.

¹ Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарья) / Подг. к печати и снабжен прим. и доп. А.К. Писарчик. Вып. 2. Сталинабад, 1958. С. 38-42.

² Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX- начале XXв. (Историко - этнографический очерк). М.: Наука, 1975. С. 50-57, рис. 10-16.

³ Грене Ф. Земледельческие и скотоводческие культы Согдианы: тексты и образы // Муаррих. Душанбе, 2016. № 1 (5). С. 45-46.

Таковыми являются самые главные зороастрийские праздники: Навруз, Тиргон, Мехргон и Сада, связанные с циклом земледельческих работ. Эти праздники продолжают отмечать в Таджикистане и в наше время.

О том, что эти праздники возникли в Центральной Азии, нет никакого сомнения. Именно на ее территории, начиная с эпохи бронзы, шел процесс сложения таджикского народа¹. «Авеста» – священная книга зороастризма, религию, которую исповедовали древние иранские народы, в том числе и таджики, является важным источником по древней истории таджикского народа. Из «Авесты» и других зороастрийских источников мы узнаем не только об истории и культуре, но и о праздниках, которые отмечали наши предки. Следует отметить, что Навруз, Тиргон, Мехргон и Сада были канонизированы зороастризмом. Так, Навруз (фарси, тадж. «новый день») знаменует собой начало сельскохозяйственных работ и совпадает с днем весеннего равноденствия – 21 марта. В доисламский период у иранских народов Навруз считался календарным Новым годом. На смену зиме приходила весна, на смену холоду – тепло. Праздник отмечали тринадцать дней большими гуляниями. Согласно «Авесте» в этот день был похоронен Сьяваршан (фарси, тадж. Сиёвуш), убитый туранцем Франхрасьяном (фарси, тадж. Афрасиёб) («Ард-яшт», 17. 38, 42). День похорон Сьяваршана был назван «Навруз» и ежегодно отмечался как праздник.

Тиргон – праздник дождя и отмечается 3-4 июля. Этот праздник выпадает на время засухи. Праздник назван в честь ангела Тира, ангела дождя. В «Авесте» ему посвящен восьмой гимн – «Тиштр-яшт», в котором излагается борьба Тиштрии с демоном засухи Апаошей («Тиштр-яшт», 8.21-28)². Древние иранские народы обращались к Тиштрии с просьбами о дожде для хорошего урожая и Тиштрия выполнял их просьбу («Тиштр-яшт», 11. 36, 42).

¹ Ходжаева Н. Дж. Арийская проблема в контексте изучения этнической истории. С. 163-170; Она же. Отражение древних этнических процессов в «Авесте» // Этногенез и этническая история таджикского народа: В 2-х томах. - Т. 1. Душанбе: Дониш, 2021. С. 123-153.

² См. TheZend-Avesta; Рак И. В. Авеста в русских переводах (1861-1996). С. 480.

Мехргон – праздник в честь Митры, бога договора, дружбы и любви, которому посвящен десятый гимн «Авесты» – «Михр-яшт». Праздник совпал с празднованием осеннего равноденствия и с периодом сбора урожая и поэтому обрел новое значение как праздник сбора урожая и солнечного света, тем самым завершает цикл земледельческих работ. Празднуется в четырнадцатый день месяца Мехр, то есть 2 октября.

Сада – праздник огня и предвестник весны и знаменует начало подготовки к пахотным работам. Его отмечают 30 января, то есть за сто дней до наступления Навруза. Праздник Сада связан со светилом и имеет непосредственное отношение к Солнцу – Хуршед и его олицетворению огню –*отаи*. М.Р. Рахимов, проводя этнографические исследования в бассейне р. Хингоу, обнаружил, что этот праздник до середины 50-х гг. XX в. отмечали в труднодоступных местах Вахио-Боло и назывался он «Хут» ... В течение трех дней в мечети по вечерам горел большой огонь, размером больше обычного... Во время праздника пели песни, играли на музыкальных инструментах, танцевали, шутники-скоморохи масхарабозы исполняли комические танцы, изображали сценки пантомимы и фарсы, пели коллективную песню, посвященную Хуту. Народная песня о Хуте повествовала о том, что этот земледельческий праздник, напоминает людям о приближении весны и необходимости подготовки орудий труда к предстоящим сельскохозяйственным работам¹.

Согласно этнографическим сведениям 1920-х годов, в Раште считали существовал один «мировой» Дед-Земледелец, который назначал своих представителей по разным местам (селениям) и те также носили такое звание. У таджиков было принято после сбора урожая отделить определенную часть для раздачи нищим. Эту милостиню называли «долей Деда-Земледельца»².

¹ Рахимов М. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк). Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957. С. 189.

² Андреев М. С. По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний (рисаля) // Этнография. 1927. № 2. С. 323-324.

В Согде пережитки культа небесного патрона земледелия, отраженного в живописи Древнего Пенджикента, в первой половине XX столетия этнографами зафиксированы для разных районов верховьев Зеравшана. Во второй половине 1920-х годов реликты этого поклонения отчетливо проявлялись в Ягнобе, где в некоторых селениях признавали местного Деда-Земледельца. Его нарекали таким именем (Бобои Дехкон) и ему доверяли ритуал освящения первой запашки. М.С. Андреев пишет, что это звание переходило по наследству, а человек, обладавший им, являлся главой рода и организатором коллективных работ¹.

Образ Деда Земледелия рассматривает И. Мухиддинов, который пишет, что, многие из традиционных верований и обрядов, возникших в глубокой древности, связаны с богом, покровителем земледелия – Бобои - Дехкон². Ученый отмечает также, что в представлении ваханцев и ишкашимцев Дед-Земледелец выступает как покровитель полеводства, создавший все виды зерновых культур. По легенде, Дед Земледелия – это образ праотца Адама, который, будучи соблазнен дьяволом («шайтаном»), отведал зерна пшеницы и был за это изгнан из рая³.

Эти представления встречаются не только у таджиков, но и у других народов Центральной Азии. Например, в мифологии узбеков и туркмен он известен как Баба-Дайхан, у киргизов – Баба-Дыйкан, у казахов – Дикан-баба или Дикан-ата, а у каракалпаков – Дийхан-баба. Это объясняется тем, что данный образ был заимствован узбеками, киргизами, казахами и каракалпаки у таджиков, автохтонного народа центрально азиатского региона.

Его образ обычно представлялся в виде крепкого старика, который в мифах имеет черты культового героя. Согласно одному из них, Дед-Земледелец изобрёл первый плуг, причём одна его деталь была подсказана

¹Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дела у ягнобцев. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 20.

²Мухиддинов И. Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX – начало XX вв.) / Отв. ред. Л.Ф. Моногарова. Душанбе: Дониш, 1989. С. 5-7.

³Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. М: Наука, 1969. С. 99.

шайтаном. По туркменскому мифу, также воспользовавшись подсказкой шайтана, Дед-Земледелец провёл первый оросительный канал. Но вода не шла в вырытый им арык, поэтому божество решило выпытать у шайтана, в чём его ошибка. Нарядившись в праздничные одежды и взяв хлеба, он с радостным видом прошёл мимо шайтана. Не обнаружив притворства, тот сказал: «Наверно, Баба-Дайхан догадался, что арык должен быть не прямым, а извилистым, как река». Так Дед Земледелия сумел воспользоваться познаниями шайтана¹.

Следует отметить, что обряд, связанный с началом посевных работ сохранился до настоящего времени. Так, в Фархорском районе Хатлонской области Республики Таджикистан, где проживают выходцы из горного Ховалинга каждый год пожилые мужчины собираются 21 марта. Самый уважаемый и почитаемый мужчина брал в руки лопату и саженцы и произнося специальные ритуальные слова напутствия, начинал сажать саженцы. Молодое поколение повторяли действия пожилого мужчины². Скорее всего, пожилой мужчина, проводящий обряд и есть прообраз Деда-Земледельца. Такое семейное исполнение земледельческого культа соответствует тому этапу общественных отношений, когда патриархальная семья выделилась уже из большего коллектива и обрела самостоятельность. Но есть основания полагать, что на более ранних стадиях аналогичные функции выполняли специальные лица – представители всей общины³.

С распространением мусульманства образ Деда-Земледельца стали отождествлять с Адамом⁴, хотя, по мнению некоторых учёных, образ Деда-Земледельца начали отождествлять с Адамом только в XIX веке. В культе и образе Деда-Земледельца элемент мусульманства весьма незначителен. Многие относятся к пласту до исламского периода. В процессе разложения общинного культа многие его элементы, видимо, были утрачены, но наиболее

¹ Там же. С. 100.

² Автордиссертации неоднократно принимала участие в данном обряде.

³ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарья). С. 61.

⁴ Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима. С. 50-57.

характерные обряды, призванные магическим или жертвенным путем способствовать плодородию, продолжали бытовать и в рамках отдельных семей-хозяйств. Пережитки этого культа сохранились до наших дней благодаря продолжительному замкнутому образу жизни труднодоступных горных районах.

Итак, проведенное нами исследование иконографических образов терракот с городища древнего Пенджикента показал, что иконография Деда-Земледедца ограничивается следующими сюжетами: стоящий персонаж в диадеме с лопатой и саженцами в руках; сидящий на троне у гумна, с короной на голове.

Сравнительный анализ археологического материала, письменных источников и этнографических данных показал также, что духовная культура населения Бактрии-Тохаристана и Согда проявлялась в различных видах искусства, в том числе и в глиняной пластике. Основными образами на всех видах искусства являются божества авестийского пантеона. Отсюда следует, что большинство образов и сюжетов возникли в эпоху средней и поздней бронзы.

Таким образом, образ Деда-Земледедца возник в ираноязычной среде на территории Центральной Азии в эпоху бронзы, период начала формирования таджикского народа.

Буддийские персонажи. Начало широкого проникновения буддизма в Центральную Азию приходится на начало нашего летоисчисления, по мере становления государства Кушан. Буддизм становится официальной религией Кушанского государства, куда вошла территория Греко-Бактрии, при Канишке I (127-147 гг. н.э.). Сначала он распространился в Бактрии-Тохаристане, затем через Маргиану проник в Согд. Многочисленные буддийские памятники открыты в пределах Северной Бактрии, особенно в долинах Сурхандарьи, Кафирнигана и Вахша. В первой половине VII в. в Согде наблюдается упадок буддизма, о чем есть свидетельство Сюань-Цзая. По его словам, два буддийских храма в Самарканде практически не

функционировали. Т.К. Мкртычев считает, что упадок буддизма возможно был обусловлен усилением влияния Сасанидов. Шесть буддийских сооружений VII-X вв. отмечены в долине Ферганы. Согласно материалам письменных источников, здесь эта религия процветала в течение II- VIII вв.¹. На наш взгляд, на образы терракот Бактрии-Тохаристана влияние буддизма не было таким большим как влияние зороастризма. Это связано с тем, что зороастризм вышел из среды местного ираноязычного населения, а буддизм был пришлой религией.

Анализ семантики образов терракот Бактрии-Тохаристана и Согда показал, что в бактрийской терракоте представлены следующие буддийские персонажи: Будда, бодхисатвы, донаторы и адоранты, природные духи якши и якшини, любовная пара (митхуна). Однако по ряду причин, в том числе вследствие фрагментарности изображений, интерпретация образов, датировка статуэток и образков, как и география находок, представляют значительные трудности.

Следует отметить, что в Согде буддийские образы на терракотах встречаются значительно меньше и позже. Местная иконография Будды изучена по большей части на основе скульптурных изображений. Что касается обнаруженных статуэток, несмотря на находки многочисленных скульптур этого персонажа, число фигурок весьма незначительно. На статуэтках Будда представлен, как правило, в сидячей позе с жестом абхайа-мудра в позе падмасана. Бодхисатвы (Авалокитешвара, Майтрея и др.) на терракотах показаны в сидячей позе с жестом дхаяна-мудра на троне и в сидячей позе со скрещенными ногами, а также в стоячей позе с расставленными ногами («кушанская» поза). Образ якшини на терракотах показан в виде обнаженного персонажа с украшениями и набедренной повязкой².

¹Мкртычев Т. К. Буддийское искусство Средней Азии (I - Xвв.). М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. С. 12-46.

²Мкртычев Т. К. Буддийская терракота // Мкртычев Т. К. Буддийское искусство Средней Азии (I - Xвв.). М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. С. 172-182.

Идолопоклонство. Терракотовая пластика Средней Азии характеризуется несколькими видами: статуэтки, маски, протомы, рельефное изображение на плитках, нелепы на сосудах. Каждому виду присуще свое функциональное значение¹.

Согласно домусульманским верованиям, авестийские боги были призваны защитить людей от дэвов (демонов). По этой причине в каждом согдийском доме напротив входа существовала реальная или нарисованная ниша, в которую помещали изображения богов – защитников семьи. Каждая семья имела в защитниках одного или двух богов, которых изображали в крупном формате. Вместе с ними показывали маленькие фигуры донаторов, на фоне которых отчетливо проявлялось величие основного бога. В качестве покровителей дома выступали такие боги и богини, как четырехрукая Нана, сидящая на льве, Вашагн (иногда вместе с богиней Вананч), Митра.

Распространение статуэток имеет неразрывную связь с идолопоклонством. На особенности этого явления, характерные для домусульманской Бактрии, в определенной степени проливает свет документ, найденный в 1995 году в местности Рабатак в Северном Афганистане, территория которого входила в состав Бактрии. Это распоряжение великого царя Кушан Канишки I, в котором сообщается о строительстве в Баглане (северо-восточный Афганистан) храма богов под названием «Баган» («Боги»)² и установлении внутри него скульптур девяти авестийских богов и некоторых кушанских царей, возведенных в ранг богов (Куджулы Кадфиза, Вими Кадфиза, самого Канишки). В тексте упоминаются девять богов, изображения которых должны были быть внутри храма: благотворящий Ахура Мазда, Сроша, Рашну, Митра, Махасен (Мохиспанд), богини Нана и Умма. Канишка называет себя Праведным, Справедливым, Автократором и достойным поклонения Богом, который получил власть от Наны. В документе богиня Умма названа “славной, занимающей первое

¹ Тихонов Р. В. Случайные находки терракотовых статуэток из Таджикистана. С. 98.

² Очевидно, от названия этого берет начало современное название провинции - Баглан (административный центр - Пули Хумри).

место”¹. Э.В. Ртвеладзе отмечает важное сообщение из этого документа о том, что власть Канишке была передана именно богиней Нана².

Тем самым, терракотовые статуэтки богов и богинь служили населению Бактрии-Тохаристана и Согда идолами для поклонения. В раннем средневековье они бытовали в храмах, жилищах, в открытых местностях. В Самаркандском и Бухарском Согдах имелись родовые идолы, чьи изображения можно было встретить на воротах замков магов и на входе жилищ. В их честь строили специальные храмы, внутри которых в наиболее почетном месте устанавливали скульптуру бога-идола. Скульптуры были разного размера и из золота, серебра, бронзы, гипса, камня, дерева, глины и др. Малые керамические образцы и были как раз терракотовыми статуэтками. Эти скульптуры наряжали в дорогую одежду, оснащали металлическими украшениями, инкрустировали драгоценными и полудрагоценными камнями.

Существование в раннесредневековом Согде традиции идолопоклонства подтверждается письменными и археологическими источниками. Немало таких сведений содержится в трудах арабских историков. М. Табари отмечает, что завоевав Самарканд, арабы увидели там пышный дворец идолов. Во дворце были скульптуры многих божеств, из которых один пользовался статусом главного идола. В результате их расплавления арабы получили 212 кг (50 тысяч мискалей) золота.

В бухарском селении Сабускат это же количество золота было получено из одного большого идола. Скульптура была очень дорогой, глаза бога были инкрустированы большими жемчугами. В числе множества предметов торевтики (золотых и серебрянных ваз), вывезен арабами из Пайкенда, значилась и серебрянная статуэтка идола. В г. Бухара функционировал рынок Бозори Мох, на котором каждый год дважды производилась распродажа

¹ Sims-Williams N. A, Cribb J. New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archaeology. 1995-1996. Issue 4. P. 75-142.

² Ртвеладзе Э. В. Айртам – династийный храм царя Хувишки // ВДИ. 2018. № 2. С. 384.

идолов. В процессе торгов принимал непосредственное участие и глава Бухарского Согда – Бухархудат.

Идолам поклонялись также в восточных районах Центральной Азии – Фергане и Чаче. М. Табари пишет, что арабский военачальник Наср ибн Сайяр по возвращении из похода в эти регионы привез в Уструшану огромное количество идолов.

Арабский литератор Ибн Надим (X в.) пишет, что он своими глазами видел в столице Мавераннахра (возможно, Самарканд) золотую статую идола, который сидел на троне. По его словам, это было изображение местного главного бога¹.

Идолам поклонялись и в горных районах Согда. Возможно, там эта традиция пустила более глубокие корни и горцы придерживались их более прочно и устойчиво. Арабский историк Белазури пишет, что большое количество золотых статуй богов арабские завоеватели собрали в Буттаме (Верхний Зеравшан). Очевидно, в этих краях существовали храмы идолов. Такие храмы были построены и в Уструшане, что следует из рассказанной М. Табари истории про судебный процесс афшина (царя) Хайдара. Из этого рассказа следует, что идолам поклонялась только часть населения Уструшаны, причем данная традиция проникла сюда из соседнего Согда².

О распространении идолопоклонства среди населения Согда упоминают и китайские письменные источники. Так, китайские пилигримы отмечают, что в самаркандском Иштихане наверху башни стояла высокая (10,5 м) статуя. Она бросалась в глаза на большом расстоянии и люди издали поклоняясь приближались к башне. Было принято ежедневно в честь этого идола заколоть пять верблюдов, десять лошадей и сто овец.

Таким образом, памятники письменности сообщают о широком распространении в Бактрии-Тохаристане и Согде скульптур местных богов

¹ Якубов Ю. Я., Каримова Г. Р. Зороастризм в древней истории таджиков // Этногенез и этническая история таджикского народа. Т. 1. С. 775.

² Абуали Мухаммад Ибн Мухаммади Балами. История Табари (тадж.): В 2-х т. Тегеран, 2001. Т. 2. С. 42-72.

авестийского пантеона, как в географическом измерении, так и в количественном. Очевидно, что в таком случае, они обязательно должны фигурировать и среди артефактов. Археологические материалы по региону предоставляют немало образцов идолов. Один из примеров – настенные лепные антропологические изображения, частично сохранившиеся в селениях Кум и Гардани Хисор Айнинского района (верховья Зеравшана).

Распространение арабами в Центральной Азии ислама и связанное с этим бескомпромиссная борьба с другими религиями привела к тому, что культура идолопоклонства постепенно прекратило существование. Наибольшую устойчивость она проявила в афганской провинции Нуристан, где ее пережитки очевидным образом проявлялись вплоть до конца XIX века. Название жителей этого района - кафиры («неверные») может быть связано, как с отношением к ним мусульман, так и с древним названием местности - Каписа. Даже в позднее средневековье здесь имелись храмы богов, где хранились скульптуры главного бога Имры и других богов, разные образцы которых были сделаны из всевозможных материалов (дерева, глины, гипса, бронзы и т.п.). Скульптуры устанавливали не только в помещениях, но и на открытой местности. Отдельные образцы изображали богинь. Примечательно, что скульптуры наряжали в золотошвейную одежду и драгоценные украшения (ожерелья, колокольчик, поясные цепочки и др.). В их головном уборе есть изображения птиц (фазан, пара павлинов). Из вооружения богов имеются кинжалы, мечи, щиты, топоры, луки со стрелами, мотыги¹.

Как видим, по основным атрибутам нуристанские скульптуры XIX века имеют много общего с раннесредневековыми идолами Бактрии, Согда и других районов Центральной Азии.

Обращая внимание на обилие образов, представленных в согдийской коропластике, Б. И. Маршак полагает, что персонажами, отраженными в терракотах, являются второстепенные боги, зачастую не запечатленные в

¹ Palwol A. History of Former Kafiristan. 1979. Vol. 3-4. P. 130-142.

произведения настенной живописи. Эти боги или, по его словам, - божки, были призваны оберегать хозяев терракотовых фигурок в повседневной жизни. Ученый считает, что определенная часть терракот и вовсе не предлагает божественные образы: это могут быть фигурками известных героев, реальных или вымышленных, или даже быть детскими игрушками. Как пример, он указывает на образ всадника с поднятой на плечо булавой¹.

Интерпретация образов в терракотовой пластике является важным культурологическим направлением. Д. Довуди и А. Шарифзода отмечают, что десятки видов терракотовых статуэток пока еще несут в себе неопознанные образы. В этих условиях точная трактовка представленных образов, выявление изображений авестийских богов, как и богов, героев и святых персонажей других, прежде распространенных в Средней Азии религий, они считают за важнейшую задачу среднеазиатской археологии².

Наши возможности в этом направлении ограничены, в числе прочего, фрагментарностью многих находок. Как правило, при изучении персонажей терракотовых статуэток и образков за основу берут образцы, сохранившиеся целиком или в разных фрагментах, позволяющих реконструировать представленные образы, увидеть фигуру во весь рост. Только в этом случае возможна трактовка произведения или сюжета. Многочисленные сохранившиеся головки персонажей в большинстве случаев имеют отношение к находкам нижних частей статуэток. Они позволяют получить представление о типах головных уборов, прическах, характерных чертах лица, которые являются, естественно, составными частями иконографии божеств и мифологических персонажей. Вместе с тем, их рассмотрение в отдельности не позволяет делать достоверные заключения о представленных персонажах.

Некоторые антропоморфные глиняные статуэтки, например, из Уструшаны, являются идольчиками. При систематизации согдийских

¹ Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. С. 191.

² Довуди Д., Шарифзода А. Кушанское городище Сайёд. Кн. 2. С. 118-119.

терракот, а Уструшана входила в состав Согда, эти находки нецелесообразно принять во внимание, так как в них не отмечаются иконографические особенности, свойственные согдийским образцам.

Другая сложность в идентификации традиционных типов - технологическая. В Бактрии и Согде, как и в целом, по всей Центральной Азии, ремесленники - керамисты пользовались ограниченным количеством моделей статуэток. Эти модели в их первоначальном виде (патрицы) являлись творчеством профессиональных художников и скульпторов. На основе этих патриц делались матрицы, служившие затем штампами для получения статуэток, и далее эти статуэтки использовались для получения новых матриц. При обжиге размеры статуэток уменьшались, некоторые черты лица, одежды, атрибутов деформировались, происходило редуцирование, каждое последующее произведение коропластики все более удалялось от первоначального образца. Сопrotивляясь этому, ремесленники вносили в матрицы и статуэтки после их оттиска некоторые исправления, также приводившие к отличиям от прототипа¹. Есть и другие барьеры.

Таким образом, культовые образы терракотовой пластики Бактрии - Тохаристана и Согда периода античности и раннего средневековья имеют отношение к разным религиям: зороастризму, буддизму, религиозным течениям маздеизму и манихейству, эллинизму, кушанской династийной религии, идолопоклонству. При этом именно зороастризм оказал большее влияние на формирование культовых образов терракоты Бактрии-Тохаристана и Согда. Установившиеся принципы иконографии, отраженные как в деталях самих образов, так и в сопутствующих атрибутах, способствуют трактовке статуэток.

Склонность культуры местного маздеистического течения к использованию изобразительного искусства способствовало распространению в рассматриваемом историко-географическом регионе произведений антропоморфной терракоты, которая представлена образцами

¹ Мкртычев Т. К. Буддийская терракота. С. 172-173.

различных богов и богинь зороастрийского пантеона, в том числе Анахиты, Наны, Вашагна, Сроша, Адбага (Ахуры Мазды).

Отдельные эллинистические образы, в частности Геракла, Лаокона, лишь подтверждают мнение о создании этой культуры в эпоху античности благоприятных условий для возрождения и развития в регионе искусства коропластики. Многочисленность изображений в сохранившихся фрагментарно артефактах персонажей в эллинистических нарядах (нательная и верхняя одежда, головной убор, прическа) указывает на значительно более широкий круг представленных образов, которые нуждаются в более основательной трактовке.

Неразрывная связь буддийской культуры с изобразительным искусством (монументальная скульптура, настенная роспись и др.) и разработанные каноны визуальной иконографии буддийских божеств и персонажей нашли свое воплощение и в антропоморфной терракоте. В коропластике Бактрии-Тохаристана и Согда эта религия представлена образами Будды, бодхисатв, в том числе Авалокитешвара и Майтрейи, донаторов и адорантов, природных духов - якш и якшин, митхуны.

В произведениях антропоморфной терракоты рассматриваемого региона нашла широкое отражение традиция кушанского династического искусства (благорасположение к царскому портрету, возведение правителя в ранг бога). Представленные в статуэтках образы Герая, Канишки, правителей местного масштаба, очевидно, являются маленькими копиями монументальных статуй, служивших предметами культа и деталями архитектурного декора.

Терракотовые статуэтки богов и богинь являются археологическим свидетельством, подтверждающим материалы письменных источников о существовании в Бактрии-Тохаристане и Согде культуры идолопоклонства, проявлениями которой являются ритуалы, совершаемые как в храмах, так и жилищах. Терракотовые фигурки представляли собой маленькие копии украшавшие храмы и устанавливаемых в открытой местности скульптур богов-идолов, которые будучи тиражированными массово хранились в домах в качестве покровителей семейного очага.

ГЛАВА 2. ТЕМАТИКА И ИКОНОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ТЕРРАКОТЫ С АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТАДЖИКИСТАНА

2.1. Синтез культурных традиций в бактрийско-тохаристанской терракоте

Территория Бактрии-Тохаристана занимала более обширную часть Центральной Азии, чем Согд и другие историко-культурные области региона. Это государство объединяло земли, составляющие ныне Центральный и Южный Таджикистан, Южный Узбекистан и Северный Афганистан. С севера и юга данную территорию ограничивают Гиссарский хребет и предгорья Гиндукуша соответственно.

Исторические условия сложились так, что на культуру Бактрии эллинистическое и буддийское искусство оказали значительно большее влияние, чем в Согде и, тем более, Хорезме.

При изучении бактрийской терракоты из Таджикистана территорию центральной и южной частей республики разделим на три района: Гиссарская долина, долины Вахша и Кафирнигана и Кулябская зона.

ГИССАРСКАЯ ДОЛИНА в виде межгорной впадины располагается на западе республики и простирается от Вахдатского района до Турсунзадевского. Здесь целые и фрагментированные терракотовые изображения найдены из 25 памятников.

Шахринау (I-IV вв.). Крупнейший в Южном Таджикистане памятник античного периода расположен на левом берегу Каратаг-дарьи¹. В пределах городища, при раскопках холма Катортепа, который представляет собой остатки буддийской ступы кушанского периода, обнаружены две терракотовые статуэтки кушанского периода, которые сохранились с

¹ Зеймаль Е. В. Раскопки на Шахринауском городище // АРТ. Вып. 16 (1976 год). Душанбе: Дониш, 1982. С. 66-68.

отломанными головками¹. Еще одна фрагментированная терракота в виде головки “кушанского аристократа” хранится в частной коллекции и опубликована².

1. Стоящий мужчина изображен в кафтане кушанского типа отворотами, который резко расширяется книзу (рис. 2.1.1,1). Грубо прочерченные бороздки показывают складки на кафтане. Левая рука опущена вдоль тела, кисть изогнутой на локте правой руки находится у живота. Данная статуэтка вылеплена от руки. Кафтан кушанского типа.

2. Статуэтка изображает мужской персонаж, сидящий на постаменте(рис. 2.1.1,3). Кисть приподнятой правой руки расположен на уровне груди, левая рука, видимо, опущена. Подогнутые ноги сидящего персонажа изображены неумело. Способ изображения (использование матрицы или лепка от руки) не определяется³.

3. Головка терракотовой статуэтки (высота 6 см, ширина 5,4 см) мужского персонажа, хранится в частной коллекции (рис. 2.1.1,2). Сохранился участок выше подбородка, нижняя часть лица, правой щеки и носа также оказались отколоты. Фигурка была окрашена в красный ангоб. Лицо округлое, высокая прическа, волосы зачесаны назад и широкими прядями охватывают лицо с двух сторон, прикрывая уши, и доходят до шеи. На лбу волосы охвачены диадемой с мыском посередине. Контуры миндалевидных глаз переданы широкими валиками. Отсутствие бороды и усов указывают на молодой возраст персонажа. Описанная прическа встречается на статуэтках Бактрии из Дальверзинтепе⁴ (в Шурчинском районе Сурхандарьинской области Узбекистана), Гаравкала⁵ (в Яванском

¹ Бобомуллоев С. Древнейшая и древняя история Гиссара. Душанбе, 2015.С. 88-89.

² Денисов Е. П. Голова терракотовой фигурки кушанского аристократа из Шахринау (Гиссарская долина, Таджикистана) в связи с представлениями, связанными с культом хварено (фарр и происхождением династийного искусства в Кушанской империи) // Археология и история Центральной Азии. Самарканд, 2004. С. 66-68.

³ Зеймаль Е. В. Археологические работы в Шахринау // АРТ. Вып. 19 (1979 г.). Душанбе: Дониш, 1986. С. 178.

⁴ Pugatchenkova G. A. Les trésors de Dalversin-tépé. Leningrad: Aurore, 1978. P. 60, fig. 40.

⁵ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 139, № 372.

районе Таджикистана), Чимкургане¹ (в 2 км северо-восточнее железнодорожной станции Чиптура Шахринауского района Таджикистана). Один образец такой терракотовой головки хранится в фондах НМТ.

Опубликовавший эту находку, Е. Денисов полагает, что статуэтка передает образ конкретного персонажа – представителя правящей кушанской династии².

4. Терракотовая фигурка богини, которая показана в сидячем положении (№ 1820054). На ней длинное платье, поверх которого надет кафтан, возможно, до колен, так как при сидячем положении его подол находится на коленях (рис. 2.1.1,4). Правая рука богини изогнута на локте и приподнята на уровень груди, в ней находится наклонно удерживаемый предмет, по форме напоминающий замковый ключ. Не исключено, что он является жезлом. Кист левой полусогнутой руки лежит на левом колене. На ней какой-то удерживаемый предмет или же это выступающий на пальцы очень длинный рукав одежды. На голову персонажа наброшена длинная чадра, Длинные волосы богини валиком охватывают лицо с трех сторон. Шею богини украшает гривна³.

Данная терракота, датированная кушанским периодом (I–III вв. н.э.), является случайной находкой и обнаружена на территории центрального кладбища района Шахринау. Произведение доставлено в НМТ в ноябре 2022 г. учеником 6-го класса частного лицея «Нур» указанного района Джасуром Хамдамовым. Объявление об этом с фотографией терракоты размещено на странице НМТ в Twitter⁴.

Карапечак (I - III вв.). Городище античного периода у одноименного селения в сельсовете Дурбат Гиссарского района, в 4 км восточнее

¹ Гулямова Э. Изучение кушанских памятников района Шахринау // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975. С. 250-252.

² Денисов Е. П. Голова терракотовой фигурки кушанского аристократа из Шахринау (Гиссарская долина, Таджикистана) в связи с представлениями, связанными с культом хварено (фарр и происхождением династийного искусства в Кушанской империи). С. 66-68.

³ Описание автора.

⁴ Бозёфти хонанда ба Осорхонаи миллӣ супорида шуд [Электронный ресурс]: [Mobile.twitter.com/of_tajikistan](https://mobile.twitter.com/of_tajikistan) (дата размещения - 04.11.2022).

Гиссарской крепости¹. Здесь сохранилась терракотовая плакетка, на которой имеется рельефное изображение божества с палицей (ЮТ № 243). Бог показан в виде царственной фигуры в короне, на плечи которого наброшена шкура (рис. 2.1.2,1). На груди верхние концы шкуры завязаны узлом. Он обут в меховые сапоги. Шею украшает гривна, на запястьях видны браслеты. Головной убор содержит длинные наушники. К поясу прикреплен какой-то предмет (возможно, колчан), висящий у правого бедра. Правой рукой он заносит над головой палицу, а левой держит за волосы маленького человека (признаки пола не отмечены), вцепившегося правой рукой за ногу мужчины. Царственная фигура изображена реалистично, однако фигура и черты лица мальчика показаны в условно-схематичной манере. Верхняя часть терракоты (по грудь главного персонажа) с обеих сторон покрыта темно-красным ангобом. Отдельные детали изображения (наличие палицы, шкура зверя, пропорции в размерах персонажей) дают основание видеть в главном герое образ Геракла, однако другие принципы (корона, присутствие младенца, сумка или колчан) указывают на значительный отход от этого образа².

Аккурганкала (III вв. до н.э. - XII в.). Остатки замка Аккурганкала расположены на юго-западе селения Обида Нуьмонова Турсунзадевского района³. Здесь найдена терракотовая плитка III-II в. до н.э. с барельефным изображением человека в длинной одежде, поверх которой привязан пояс. Одежда имеет расширение книзу⁴. Вероятно, это – воин в кольчуге, так как представленная одежда и стиль изображения приближают образ к фигуре, нарисованной на астрогали из городища Калаи Мир в Кабадиане⁵

¹ Ходжаев Ш. Реестр историко-культурных памятников Республики Таджикистан (тадж.). Душанбе: Министерство культуры РТ.

² Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т. Работы в Гиссарской долине в 1977 г. // АРТ. Вып. 16 (1977 г.). Душанбе: Дониш, 1983. С. 56-68.

³ Ходжаев Ш. Реестр историко-культурных памятников Республики Таджикистан.

⁴ Бобомуллоев С. Древнейшая и древняя история Гиссара. С. 72.

⁵ Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина. С. 12.

Даюбтепа (II-I до н.э., I-IV, V-VIII, IX-XIII вв.). Городище в джамоате Даюб района Гурсунзаде занимает площадь около 2 га¹. Найденная здесь глиняная статуэтка II-I вв. до н.э. изображает мужчину-воина. Отформована на матрице, отличается высоким качеством исполнения, соблюдением реалистичных пропорций и деталей².

Катта Джелаил (I-IV, XIV-XVI вв.). Фрагмент терракоты обнаружен на городище позднекушанского времени в районе Шахринау³. Фигурка (без головки) изображает женщину с ребенком. Ее левая рука приподнята к грудям, которые рельефно показаны выступающими округлостями с точками посередине. Правая рука лежит на голове стоящего (или сидящего - ?) ребенка. Изображение половых органов показывает, что это – мальчик⁴. Аналогом служат статуэтки из Сайёда (№ 3) и Чимкургона (№ 8), которые идентифицируют с образом Анахиты⁵.

Мавлонджар (I – IV вв.) Городище площадью около 4 га. расположено севернее селения Худжум кишлачного совета Навабад Гиссарского р-на. Находки: фрагменты терракотовой статуэтки и керамическая маска кушанского периода и раннего средневековья. Керамическая маска (рис. 2.1.2, 2) изображает лицо бородатого мужчины с высунутым языком⁶.

Калаи Шодмон (кушанский и раннесредневековые периоды, X - XI вв., XVI - XVII вв). Городище расположено в Вахдатском районе, на левом берегу р. Симиганч, в 200 м от места впадения ее в Кафирниган. Среди подъемного материала имеется фрагменты терракотовых изображений кушанской эпохи.

¹ Там же. - С. 51.

² Негматов Н. Н. Терракотовая статуэтка воина из Регарского района // АРТ. Вып. 10 (1970 г.). Душанбе, 1973. С. 191-193.

³ Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина. С. 109.

⁴ Зеймаль Е. В. Археологические работы в Шахринау. С. 184-185.

⁵ Довуди Д., Шарифзода А. Кушанское городище Сайёд. Кн. 1. С. 48, рис. 22 справа, прил. 3.

⁶ Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина. С. 113.

1. Обнаженный женский персонаж (рис. 2.1.3, 1), у статуэтки отломаны головка и ноги на уровне ниже колен¹. Прямые руки женщина опущены вдоль тела. Ноги сведены вместе. Свисающий пояс прикрывает лоно².

2. На статуэтке сохранилась лишь часть тела от низа шеи до бедер³. Обнаженная женская фигура изображена на пластинке (рис. 2.1.3,2). Между ее грудями пропущены две перекрещивающиеся тесемки⁴.

3. Сохранившаяся часть терракоты показывает часть тела женщины от низа шеи до талии⁵. В левой приподнятой руке у левой груди она держит зеркало(рис. 2.1.3, 3). На уровне ниже талии вертикальными линиями показаны вертикальные складки одежды, но это может быть и полосатый пояс⁶.

4. Головка женской статуэтки (рис. 2.1.3, 4) с островерхим головным убором⁷.

Шишихона (датировка слоев: позднекушанский (III - IV вв.); раннее средневековье (V – VIII вв.); развитое средневековье (IX - XIII вв.). Городище Шишихона расположена на западной окраине г. Душанбе (район Сино, 84 микрорайон, ул. Хаёти Нав).

1. Терракотовая статуэтка мужчины, от которой сохранилась лишь головка (рис. 2.1.4,1). Фигурка V – VIII вв., которая была покрыта красным ангобом, хранится в фондах НМДТ. Головной убор имеет вид полукруглой шапочки с каймой из точек, которую вверху украшает корона в виде двух рогов. Вокруг головы изображен зигзагообразный ободок. Т. М. Атаханов полагает, что изображенный персонаж – бог войны Веретрагна. Вместе с

¹Атаханов Т. М., Радилиловский В. В. Археологическое исследование городища КалаиШодмон в 1978 г. // АРТ. Вып. 18 (1978 г.). Душанбе: Дониш, 1984. С. 148-149, рис. 1(1).

²Описание автора.

³Атаханов Т. М., Радилиловский В. В. Археологическое исследование городища КалаиШодмон в 1978 г.Рис. 1(2).

⁴Описание автора.

⁵Атаханов Т. М., Радилиловский В. В. Археологическое исследование городища КалаиШодмон в 1978 г.Рис. 1(3).

⁶Описание автора.

⁷Атаханов Т. М., Радилиловский В. В. Археологическое исследование городища КалаиШодмон в 1978 г.Рис. 1(4).

тем, иконография произведения может быть связана с образом Александра Македонского¹. Головной убор сближает эту находку с головкой из городища Регар (Рг-1) в Турсунзадевском районе.

2. Терракотовая статуэтка из Шишихоны изображает верхнюю (до талии) часть фигуры женского божества, которая находится в арочной нише (рис. 2.1.4,2). В глаза бросается очень богатое убранство персонажа. Женщина представлена со скрещенными на участке талии руками². Другая терракота со схожим изображением сохранилась в Пенджикенте³.

3. Головка терракотовой фигурки. Участок лица стертый, из-за чего сохранившийся фрагмент неинформативен (рис. 2.1.4,3). Хранится в фондах НМДТ.

Кафиртепа (V - VIII вв.). Городище расположено к северу от селения Кузибача р-на Турсунзаде. Здесь сохранилась терракотовая пластина с изображением бородатого мужчины, сидящего на постаменте (хранится в НМДТ). Голова персонажа повернута на четверть вправо (рис. 2.1.5). Правая рука согнута на локте и приподнята до уровня груди, кисть левой руки, также согнутой на локте, лежит на бедре у самого живота. Мужчина одет в рубаху и кафтан, достигающий до колен (в сидячем положении). Он обут в сапоги с высокими голенищами. Округлые глаза персонажа широко раскрыты, клиновидная борода открывает небольшой рот. На голове – шапка с длинными наушниками⁴.

Калаи Хисор (III - II вв. до н. э.; I - IV вв., V - VIII вв.; IX - XX вв.). Историко-культурный заповедник Калаи Хисор (Гиссарская крепость) расположен западнее г. Душанбе.

¹ Атаханов Т. М. Работа на Шишихона в г. Душанбе в 1982 г. // АРТ. Вып.22 (1982 г.). Душанбе: Дониш, 1990. С. 321-322.

² Атаханов Т. М. Работа на городище Шишихона в 1983 г. // АРТ. Вып. 23(1983 г.). Душанбе: Дониш, 1991. С. 291, 297.

³ Маршак Б. И. Отчет о работе на объекте XII за 1955-1959 гг. С. 239, рис. 26,4.

⁴ Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина (Гиссарский, Шахринавский и Турсунзадевский районы). С. 46, рис. 43(1).

1. Статуэтка всадника, грубая ручная лепка (из объекта Шутурхона). Отведенные в сторону руки держали узду (рис. 2.1.6,2). Правая рука сохранилась до локтя. Рельефом показаны голова и передние ноги лошади¹.

2 – 3 . Частично сохранились две мужские терракотовые статуэтки с отломанными руками и нижней частью (рис. 2.1.6,3). Фигурки получены ручной лепкой. Нос образован защипом, глаза показаны отверстиями. Поза сохранившихся частей рук (выше локтей) придает фигуркам динамизм. Если сравнить со статуэткой № 1, эти терракоты также изображают всадников².

4. Терракотовая статуэтка стоящей богини с опущенными и сведенными у бедер руками (рис. 2.1.6,1). Получена оттиском в форме. Одета в длинное платье с широкими и длинными рукавами. Продольными и поперечными рельефными линиями показана клетчатая ткань платья, участки внутри клеток украшены кружочками. Рельефными линиями также передана прическа персонажа. Интересно, что в одних источниках происхождение этой фигурки связывается с Гиссарской крепостью³, в других – с объектом Мархаммат-тепа⁴.

Мархаматтепа 2. (I - IV вв.). Объект Мархаматтепа 2 расположен восточнее селения Лахути Турсунзадевского района. Среди находок имеются две антропоморфные статуэтки.

1. Фрагментированная статуэтка из сырой глины изображает, скорее всего, всадника (рис. 2.1.7, 1). На это указывает поза персонажа. У персонажа отбиты руки ниже локтей и ноги (одна на уровне колена, другая целиком). Особенностью фигурки является изображение длинных усов и остроконечной шапки с зубчатыми краями⁵.

¹ Филимонова Т. Г., Абдуллаев А. Л., Самойлик П. Т., Якубов Ю Гиссарский историко-культурный заповедник. С. 15, рис. 38.

² Там же. С. 12.

³ Филимонова Т. Г., Абдуллаев А. Л., Самойлик П. Т., Якубов Ю Гиссарский историко-культурный заповедник. С. 15, рис. 38.

⁴ Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина. С. 66, рис. 22(1), 43.2.

⁵ Там же. С. 66, рис. 22(1).

2. Фрагмент терракотовой статуэтки женщины (рис. 2.1.7,2)¹. Четко выделена выпуклостью правая грудь. Широкой косой полосой показан край ворота верхней одежды. Голова гордо приподнята. Сохранившийся остаток не позволяет дать более полное описание фигурки.

Яхшиабад / Самарканд (I в. до н.э. - IV в., V - VIII вв.; IX - XIII вв.; XIV - XVI вв.) Городище у селения Сешанбе Турсунзадевского района, на левом берегу р. Ширкент. В числе находок значится и терракотовая плитка, которая изображает стоящую женщину в арке (рис. 2.1.8, 1). Форма арки повторяет контуры фигуры персонажа в представленной позе. Длинная одежда неясного вида имеет расширение книзу. Руки женщины сведены вместе на уровне живота. Вероятно, правой рукой она держит зеркало, в левой руке – сосуд. Левая грудь заметна отчетливо. А. Т. Атаханов пишет, что данная фигурка изображает человека (мужчину, женщину - ?) со скрещенными руками, что неверно².

Джалтепа (II - I вв. до н.э. – I - IV вв. н.э. (раннекушанское и кушанское время)). На городище Джалтепа / Кутантепа (сел. Регар р-на Турсунзаде) найдены три статуэтки II - III вв.

1. Статуэтка изображает мужчину в мягком островерхом головном уборе. На нем подпоясанный кафтан и шаровары. Ступни ног отломаны. Крупные пряди волос обрамляют нижнюю часть лица. Левая рука прижата к телу и опущена вниз. В кисти левой руки, согнутой в локте и приподнятой к груди, имеется небольшой объемный предмет³. Определенную близость к этой статуэтке имеет терракота «воина» из района Турсунзаде⁴.

2. Эта статуэтка изображает мужчину, одежда которого передана на редкость детально. Полы короткого, до бедер, кафтана отогнуты наружу и образуют вертикальные складки. Рубаха под кафтаном перетянута поясом и

¹ Там же. С. 66, рис. 43(2).

² Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина. С. 89, рис. 22(2).

³ Зеймаль Т. И. Работы в Гиссарской долине в 1975 г. // АРТ. Вып. 15 (1975 г.). Душанбе: Дониш, 1980. С. 160.

⁴ Негматов Н. Н. Терракотовая статуэтка воина из Регарского района. С. 291-293.

не заправлена в поясную одежду. Наборный пояс содержит четыре бляшки. По низу подола идет горизонтальный ряд круглых бляшек. Перед рубахи украшает широкая вертикальная полоса, заполненная косыми штриховками. Штанины шаровар сужаются книзу, причем обе штанины также украшены полосками, которые, однако, заполнены горизонтальными и вертикальными штриховками. Возможно, полосы на рубахе и штанинах обозначают вышитый орнамент. Руки и ступни ног отломаны. Сохранившаяся высота статуэтки 10,6 см.¹

3. Статуэтка изображает сидящую фигуру в длинном плаще, головка отбита. Длинный плащ - накидка покрывает только левое плечо. Под плащом – рубаха с треугольной горловиной. В правой руке, согнутой в локте и приподнятой к груди, находится предмет, похожий на сосуд на высокой ножке (чаша или ваза). Скорее всего, это изображение женщины, но грудь показана плоско. Оригинальность этой статуэтки заключается в том, что она содержала на тыльной стороне плоскую широкую ножку в виде выступа, идущую наклонно по отношению к вертикали, ножка сломана, но сохранился скол².

Мортена 1 (V - VIII вв.). Памятник представляет собой остатки замка V - VIII вв., расположенного в пределах одноименного селения Гиссарского района, на 22 км автодороги Душанбе-Денау. Найденная здесь, оттиснутая в форме, терракотовая плитка Vв. с изображением сидящего Будды в нише, обрамленной аркой (рис. 2.1.8, 2). Поза персонажа – падмасана (поза лотоса). Ладони сомкнуты на животе в жестедхаяна-мудра. Нимб, окружающий голову, состоит из лент и кружев. На шею подвешены два ожерелья, одно короткое и другое толстое и длинное³

¹ Зеймаль Т. И. Работы в Гиссарской долине в 1975 г. - С. 162-163.

² Там же. С. 162.

³ Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина. С. 120, рис. 49(13); Филимонова Т. Г. Буддизм на территории Таджикистана // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. 3. Буддизм. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 182, рис. 13.

Чимкурган (II в. до н.э. – III в.; конец IV - начало V вв.). Городище находится в 2 км северо-восточнее железнодорожной станции Чиптура (Шахринауский район). Среди многочисленных терракотовых фигурок III в. до н.э. из этого городища наиболее интересными являются несколько изображений мужчины в остроконечной шапке. Есть портретная терракота Герая, фрагмент статуэтки, напоминающей Лаокона. Кроме того, есть терракотовые статуэтки женщин, музыканта, верблюда и антефикс (черепица с растительным элементом и человеческим лицом)¹.

1. От этой терракоты сохранилась лишь часть головы мужчины (рис. 2.1.9, 1). Форма глаз сближает этот образ с кушанскими правителями. Не исключено, что статуэтка изображала Герая.

2. Фигурка, изображающая, возможно, Лаокоона – жреца Аполлона, сохранилась без головы, также отбиты конечности, а правая рука отбита практически целиком (рис. 2.1.9, 2). На возможный образ Лаокона указывает изображение змеи, которая витками охватывает левую ногу, а ее голова с открытой пастью находится у талии персонажа. Не исключено также, что данная фигурка - часть скульптурной композиции, участниками которой могут быть Аполлон и члены семьи Лаокона.

3. Голова мужчины (рис. 2.1.9, 3). Волосы расчесаны назад крупными прядями. Голова чуть приподнята, большие миндалевидные глаза широко раскрыты. Обращают внимания большие мочки ушей, что указывает на возможную принадлежность образа к буддийской культуре. Шею украшает плотно посаженное ожерелье из больших бусин.

4. Голова мужчины (рис. 2.1.9, 4). Лицо, правая часть которой отбита, показывает спокойный по-буддистки уравновешенный образ (бодхисатва Авалокитешвар). Аналогом является произведение короластики из фондов Сурхандарьинского краеведческого музея в г. Термезе, изображающее

¹ Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина. С. 99-100, рис. 56, 57-59.

стоящего мужчину с опущенными вдоль тела руками¹. Почти целая плакетка с изображением этого персонажа сохранилась в Тепаи Шах (№ 6)².

5. Статуэтка с отбитой головкой представляет сидящую фигуру женщины, на коленях которой лежит ребенок (рис. 2.1.10, 1). Голова ребенка покоится на левой груди женщины. Правую грудь прикрывает амфоровидный сосуд. Аналогией этой статуэтке может быть изображение женщины с ребенком на стеклянном медальоне из Балалыктепе³.

6. На статуэтке мужчина в остроконечной шапке изображен в сидячем положении, но вытянутые вперед руки (отломаны у локтя) придают его состоянию динамизм, присущий всадникам (рис. 2.1.10, 2). Аналогию ему мы видим в, сохранившейся фрагментарно, терракоте из Сайёда. Возможно, она изображает всадника, но есть признаки, приближающие этот образ к чимкурганскому образцу⁴. Не исключено, что эти статуэтки изображают саков в остроконечных шапках, Согласно А.Н. Бернштаму и Б.А. Литвинскому, зоной распределения саков с остроконечными шапками были районы Центрального Таджикистана (кочевые саки-хаомаварга обитали на Восточном Памире)⁵, на что указывают приведенные материалы из Чимкургона и Сайёда.

На наш взгляд, вполне приемлемо объяснение образа всадника О.И. Каландаровой. Проведя анализ образа всадника на ювелирных украшениях Бактрии-Тохаристана и Согда, ученый приходит к следующему выводу: «Всадник на ювелирных украшениях – несомненно, воин... Образ всадника у населения Бактрии-Тохаристана и Согда полисемантичен. Он включал в себя космогоническое и медиативное значение. Образ всадника в Средней Азии

¹ Ганевская Э. В., Заславская Ф. А. К атрибуции одной из терракот Сурхандарьинского краеведческого музея в г. Термезе// Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). М.: Наука, 1977. С. 87-92.

² Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983. С. 150, табл. XXVI, рис. 3.

³ Там же. С. 233.

⁴ Довуди Д., Шарифзода А. Кушанское городище Сайёд. Кн. 2. С. 115-120, 122.

⁵ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.-Л., 1952. С. 303-306.

возник еще в каменном веке, о чем свидетельствуют наскальные рисунки. Тогда же сложились некоторые иконографические типы и композиции... Окончательно образ всадника сложился в период сложения «Авесты», то есть в конце II – начале I тыс. до н.э.»¹.

7. Одна из статуэток высотой 11 см показывает сидящую фигуру старца в остроконечном колпаке, наушники которого опускаются на плечи (рис. 2.1.11, 1). Обе руки на уровне живота удерживают предмет, похожий на рукоять короткого кинжала. Правую руку на участке выше локтя украшают браслеты. На старце надета рубаха до колен, поверх которого на плечи накинут халат. Отвороты халата доходят до земли. Широкие носки обуви загнуты вверх. А. Д. Бабаев идентифицирует в представленном образе одного из правителей кочевых племен. Аналогии этой статуэтке он находит в целом ряде бактрийских, согдийских и хорезмийских артефактах, которые, правда, представляют другие образы, в том числе юношей².

8. Изготовленная от руки, статуэтка изображает мужчину с вытянутыми вперед и немного вверх руками (рис. 2.1.11, 2), у него плоская голова, прямой нос, прочерченные острым предметом глаза и рот. Ног нет. На персонаже короткий кафтан куашского типа с широкими полами. Голову покрывает дисковидная корона³. Выдвинуто предположение, что статуэтка изображает музыканта, возможно певца. Также говорится о его отношении к сакам⁴.

9. Статуэтка женщины с ребенком (рис. 2.1.11, 3). Общая высота статуэтки составляла примерно 6,5 см, высота ребенка - 3 см.⁵ Копии такой статуэтки, опять же с отбитыми головками, найдены также на Сайёде и Катта Джелаиле.

¹ Каландарова О. И. Семантика сюжетов ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда. С. 103.

² Бабаев А. Д. Коропластика Чим-Кургана (Северный Таджикистан) // Советская археология. № 4. М.: Наука, 1982. С. 234, рис. 2.

³ Там же. С. 233-234.

⁴ Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина. С. 100, рис. 59(3).

⁵ Там же. С. 232-235.

10. Фигурка стоящей женщины (рис. 2.1.11, 4). Обращают внимания вертикальные оборки по периметру круглой горловины платья. Густыми поперечными складками оформлены края бортов верхней одежды.

11. Женская головка (рис. 2.1.12, 1). Прическа удерживается налобным шнуром, волосы расчесаны назад и валиком обрамляют лицо. Черты лица оформлены реалистично и напоминают образы египетских фараонов.

12. Женская головка IV в. (рис. 2.1.12, 2). Прическа прямым пробором, она удерживается налобным повязкой. Часть волос под повязкой обрамляют лицо, закрывая уши. Миндалевидные глаза расположены наклонно - их внешние края находятся выше, чем у переносицы. Верхняя одежда с глубоким запахом, ее левая пола покрывает другую почти сразу под подбородком. Особенностью статуэтки является наличие треугольных выемок на лице и груди

13. Фрагмент статуэтки обнаженной женщины (рис. 2.1.12, 3)¹. В своих основных чертах (узкая талия, очень широкие бедра, припухлость живота, наличие пояса и др.) она подобна статуэтке женщины из Тепай Шах (образец № 1).

Многочисленные женские терракотовые фигурки и статуэтки с ребенком, скорее всего, свидетельствуют о персонификации образа всеобщей богини-матери, хранительницы домашнего очага, прародительницы и защитницы всего живого. Их назначение объясняется как атрибут обрядовой практики, связанной с идеями плодородия, воплощенные в образе Ардвисуры Анахиты – богини авестийского пантеона.

14. Фигура Будды, сидящего в позе падмасана². Нижняя часть (от колен) отбита. Прическа П -образно обрамляет широкое лицо. Шею украшает короткое ожерелье. Миндалевидные глаза идут от центра вверх, параллельно им направлены дуги бровей. Выделены курносость и маленький рот с узкими губами.

¹ Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина. С. 227, рис. 59(2).

² Там же. Рис. 56(3-4), 57(5).

Верхнюю одежду составляет короткий (нет горизонтальных складок) до бедер кафтан. Руки опущены с двух сторон вдоль туловища, кисти рук лежат на бедрах. Края полубортов кафтана оторочены широкими полосами, правый полуборт заходит на левый. Вся поза персонажа передает состояние полного успокоения. Круглый элемент на груди – возможно, медальон.

Другой образец такой статуэтки, но без головки, найден в селении Хульбак (№ 4). Там хорошо сохранилась нижняя часть, показывающая, что персонаж сидит в позе падмасана – левая нога заходит под выступающую правую¹.

Чептуратена (VI - VIII вв.). Кладбище, расположенное в 300 м к северу от одноименной железнодорожной станции. Территория относится к сельсовету им. Хасанова р-на Шахринау. Здесь сохранилась статуэтка² стоящей богини (хранится в НМДТ). Ее правая рука прижата к груди, кисть левой руки находится у живота и опирается на какую-то подставку, ножки которой опираются на землю (рис. 2.1.13, 1). Ступни ног закрыты под подолом длинного платья. Распашная верхняя одежда по длине незначительно уступает платью. Густые волосы на голове с двух сторон обрамляют лицо. Лицо округлое, нос и рот отбиты. Шею украшает ожерелье или гривна³.

Кулобод (I - III вв. н.э.). Памятник расположен в Гиссарской долине. Отсюда происходит головка женской статуэтки⁴. Лицо округлое, с трех сторон охваченное прической (рис. 2.1.13, 2). Концы волос сзади на уровне плеч собраны валиком. Черты лица пропорциональные, брови дугообразные, глаза широкие, прямой нос. В глаза бросается замечательное исполнение статуэтки в форме, ее плотная и гладкая формовка. Терракота окрашена в светло-коричневый цвет⁵.

¹ Описание автора.

² Бобомуллов С. Древнейшая и древняя история Гиссара. С. 209.

³ Описание автора.

⁴ Бобомуллов С. Древнейшая и древняя история Гиссара. С. 209.

⁵ Описание автора.

Симиганч (кушанский период (I - III вв.)). От плакетки, найденной в этом селении Вахдатского района, сохранилась лишь верхний край с погрудным изображением персонажа¹. Нижняя часть лица отбита, от него остались, по сути, лишь глаза (рис. 2.1.13, 3). Выснить показанную штриховкой верхнюю часть – прическа или головной убор, не удастся. Шею украшает широкая гривна².

Регар (I - IV вв.; V - VIII вв.; X - XIX вв.). Место расположения крепости Регар – одноименный сельский джамоат, селение Гарав.

1. Головка персонажа в короне (рис. 2.1.14, 1)³. Пропорциональные черты вытянутого лица. Широкие глаза, дугообразные брови на переносице плавно переходят в прямой нос. Маленький рот с выделенными губами. Волосы плавно обрамляют лицо. На голове корона с зигзагообразной линией. В передней части короны полумесяц концами вверх, на нем дисковидная фигура⁴. Головной убор сближает эту головку с фрагментированными терракотами из Шишиханы (№ 1) и Чоргултепа.

2. Терракотовая фигурка (высота 13,5 см, ширина 4 см), отформованная на матрице и изображающая мужчину-воина (рис. 2.1.14, 2), значитесь как случайная находка из Турсунзадевского района, на территории бывшего участка Тельмана колхоза имени Калинина. На голове персонажа высокий ребристый шлем с острым верхом и длинными наушниками. Из-под шлема на лоб выступают волосы. Верхней одеждой является кафтан длиной до ребер. Поверх него завязан пояс, к которому подвешен кинжал. Рукоятка кинжала находится в левой согнутой руке воина. Правая рука опущена вдоль тела. Персонаж опирается по большей части на левую выпрямленную ногу, левая нога полусогнута и пяткой придвинута к левой ноге⁵.

¹ Бобомуллоев С. Древнейшая и древняя история Гиссара. С. 209.

² Описание автора.

³ Бобомуллоев С. Древнейшая и древняя история Гиссара. С. 209.

⁴ Описание автора.

⁵ Негматов Н. Н. Терракотовая статуэтка воина из Регарского района. С. 291-293, табл. 38.

Аналогии этой терракоте в Бактрийско-Согдийском регионе не встречаются, поэтому их приходится искать в образцах, имеющих хоть какое-то сходство, в том числе в фрагментированных статуэтках. Таковыми являются фигурка II - I вв. до н.э. из фондов Музея истории Академии наук Республики Узбекистан в Ташкенте, несколько самаркандских мужских фигурок с остроконечными шапками первых столетий нашего летоисчисления, головка эллинистического типа II вв. до н.э. из Афрасиаба и статуэтка последних веков до н.э. из Музея истории Академии наук Республики Узбекистан в Ташкенте¹. Иконография воина имеет отношение к сако-юэчжийскому или раннекушанскому периоду. Опубликовавший находку Н.Н. Негматов видит в изображенном персонаже образ представителя тохарской или кушанской армии². В ней отчетливо проявляется стиль изобразительного искусства данного периода – героический реализм с подчеркнутой идеализацией образов³.

Закоттепа (V - VIII вв). Памятник располагается в сельском джамоате Навабад, на 62 км автодороги Душанбе-Денау. Отсюда происходит часть терракотовой статуэтки в виде головы мужского персонажа (рис. 2.1.15, 1). Четко обозначены черты лица. Дуги бровей сходятся на переносице, где имеется знак в виде круглого выступа. Прямой нос с горбинкой. Усы наподобие императорских кончиками сливаются с короткой бородой. Завитки волос оставляют свободными высокий лоб. Четкая обозначенная вертикальная канавка, проходящая посередине лба и подбородка, показывает что правая и левая части лица сформированы самостоятельно и прилеплены друг к другу. Эта находка сильно напоминает головку, которую изображает крышка терракотового оссуария из фондов Государственного Эрмитажа. Узкие глаза тюркского типа⁴.

¹ Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. С. 26, рис. 6(1).

² Негматов Н. Н. Терракотовая статуэтка воина из Регарского района. С. 291-293, табл. 38.

³ Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М.: Искусство, 1971. С. 99.

⁴ Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Musée national des arts asiatiques. P. 131, № 92.

Чиртак 2 (ранний слой - X - XIII в.в.; поздний слой - X - XIII вв.). Поселение расположено в пределах селсовета Навабад р-на Турсунзаде, на 61 км автодороги Душанбе-Денау. Фрагмент найденной здесь терракоты относится к числу случайных находок. Она сохранилась в виде части фигурки от головы до груди (рис. 2.1.15, 2). Более того, даже от этой части сохранилась лишь левая сторона изображения. Внешние признаки показывают четкость оттиска. Прекрасно были выделены черты лица (миндалевидный глаз с приподнятым внешним краем, параллельная ему дуга брови, нос с подчеркнутой ноздрей, узкие губы рта. Прическа образует жгутовой валик низко надо лбом. По направлению к вискам жгут расширяется. Гофрированная деталь с прорезью посередине, очевидно, показывает обрамление краев горловины одежды. На голове персонажа высокий головной убор, особенности которого не определяются¹.

Узбеконтёпа (II - IV вв.; VII - VIII вв.; XI - XII вв.; XVII – XIX вв.). Многослойное городище площадью около 10 га на правом берегу Ширкентдарьи на окраине села Ширкент Турсунзадевского района. Археологический материал, в том числе терракотовые статуэтки, включает предметы от II до XIX вв.²

1. Статуэтка изображает сидящего музыканта, играющего на лютне (рис. 2.1.16, 1). Музыкальный инструмент приподнят на уровень груди у левого плеча, его верхний край доходит почти до уровня макушки персонажа. Длинные волосы, расчесанные на прямой пробор, обрамляют лицо с трех сторон. Прическа указывает на то, что представленный персонаж – женщина. Она сидит, выдвинув ноги вперед³. Другой образец такой статуэтки найден на одном из городищ Яванского района. В археологической карте указанного

¹ Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина. С. 44, рис. 43(3).

² Там же. С. 55-56.

³ Там же. С. 56, рис. 7(1,3,4)

района, изданного в 2016 г., эта находка представлена как изображение обезьяны, играющей на музыкальном инструменте¹.

2. Хранящаяся в фондах НМДТ, головка терракотовой фигурки изображает богиню в пышном головном уборе (рис. 2.1.16, 2). Не исключено, что головным убором является корона, а само произведение - плакеткой. У богини лицо овальной формы и широкие глаза².

Курганча (VI - VIII вв.; XIV - XV вв.). Поселение первых веков н.э. к юго-западу от сел. Пахтакор р-на Турсунзаде, на левом берегу р. Каратаг. Найденная терракотовая фигурка (хранится в НМДТ, № 335) изображает персонаж (головка отбита), сидящий на постаменте (рис. 2.1.16, 3). Кисть приподнятой правой руки расположен на уровне груди, левая рука, видимо, опущена³. Аналог - статуэтка из Шахринау (№ 2).

Гаравкала (III - V вв.). Раскопками, проведенными на Гаравкале (Яванское городище)⁴, помимо керамики и монет получены костяные изделия, терракотовые фигурки животных и людей, в том числе головки двух образков⁵.

1. Головка терракотового образка (ЮТ № 127). Волосы расчесаны ото лба в сторону макушки (рис. 2.1.17, 1). Прическа или головной убор П-образной формы. Миндалевидные глаза посажены косо, зрачки обозначены. Рот приоткрыт в полуулыбке. Подбородок овальной формы⁶.

2. Терракотовая плакетка рельефом изображает стоящего мужчину (ЮТ № 125). Оттиснута штампом (рис. 2.1.17, 2). Участок головы отбит. Полусогнутые руки направлены к животу, кисти отбиты. Горловина одежды округлая, отмечен выступающей полосой с вдавливаниями. Воротник,

¹ Филимонова Т. Г., Юсупов А. Х., Абдуллаев А. Л. Археологическая карта Таджикистана. Яванский район. Душанбе, 2016. С. 34, рис. 26(2).

² Описание автора.

³ Там же. С. 62, рис. 7(2)

⁴ В 1963 г. исследовано Э. А. Юрчевичом, в 1963 - 1966 гг. раскопки проводили Т. Э. Зеймаль и Е. В. Зеймаль.

⁵ Литвинский Б.А. Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы) // АРТ. - Вып. 10 (1970 г.). М.: ГРВЛ, 1973. С. 15.

⁶ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 139, № 372.

возможно, стоячий (его складки показаны вертикальными бороздками). Одежанием нижней части туловища и ног является дхоти, его складки показаны горизонтальными (вверху) и веерообразно расходящимися вертикальными (внизу) бороздками. Верхний край дхоти огибает левое плечо и намотан на левую руку. Кисть этой руки согнутая в локте прижата к бедру. Также согнута в локте правая рука, кисть которой прижата к плечу. Жгутовой линией показана длинная нашейная тесьма с крупным медальоном, расположенным в области груди¹. Ноги расставлены. Вероятно, статуэтка изображает кушанского правителя. В качестве аналога, учитывая представленную позу, укажем на фигурку персонажа в плаще из Калаи Кафирнигана (№ 3), от которой сохранился только участок ниже бедер.

3. Терракотовая статуэтка мужчины (НМДТ, КВП-38309). Отчетливое нарушение пропорций в изображении головы и туловища (рис. 2.1.17, 3). Волосы П-образно обрамляют лицо. Глаза показаны миндалевидными и широкими, зрачки - вертикальными черточками. Дуги бровей идет параллельно глазам. Нос прямой, сильно выступающий. Маленький рот и узкий подбородок, покатые плечи. Короткие тонкие руки согнуты в локтях и прижаты к телу чуть выше талии. Персонаж одет в халат, запахнутый на левую сторону, длина верхней одежды - до ступней².

4. Терракотовая пластина (НМДТ, № Я-63). Отбит по косой линии низ пластины (рис. 2.1.17, 4), из-за чего не сохранилось изображение стопы левой ноги. Контуры тела показывают, что персонаж представлен обнаженным. Изображение сильно стерто. Головной убор имеет вид чадры, концы которой спускаются по спине.

5. Богиня с сосудом изобилия, хранится в НМДТ под № Я64(380). Непропорциональные размеры, голова слишком крупная и составляет более трети всего роста (рис. 2.1.17, 5). Обе руки персонажа держат на уровне

¹ Там же. С. 138, № 371.

² Там же. С. 137, № 366.

груди плоский сосуд, границы которой достигают от одного плеча до другого. Волосы обрамляют лицо с трех сторон. Глаза круглые, большой нос.

6. Богиня с сосудом (кубком) и венком в руках (рис. 2.1.17, 6). Является почти точной копией образца № 2 из Саксанохура и, соответственно, датируется I - III вв. В отличие от указанного аналога, на данной фигурке помимо головки не сохранилась шея, а также нижний правый край. Кроме того, есть и исполнительские отличия. Во-первых, на одежде имеется лишь одна поперечная складка (на саксанохурском образце - две) и, во-вторых, терракота окрашена в более темный цвет.

7. Бюст мужчины - сохранившийся фрагмент статуэтки в полный рост (рис. 2.1.17, 7), отбитой ниже талии¹. Разрез ворота одежды треугольной формы. Обе руки, отломанные на локте, отведены от туловища наподобие всадника. Лицо округлое, обрамленное с двух сторон длинными прямыми волосами. Интересна форма головного убора в виде широкого овала неправильной формы².

8. Мужская голова, оттиснутая штампом на фрагменте чаши (рис. 2.1.18, 1). Поверхность чаши, как и оттиснутое изображение, покрыты ангобом темно-красного цвета³. Чаша имела, очевидно, ритуальное назначение.

9. Погрудное изображение мужчины (рис. 2.1.18, 2). Оттиск штампом на фрагменте ритуальной чаши. Отчетливо выражены признаки лица иранского типа. Длинные и узкие горизонтальные усы, концы которых чуть приподняты. Короткая широкая борода лопатообразной формы. Высокий головной убор украшает изображение львиной морды. Такой головной убор встречается на монетах сасанидского кушаншаха Хурмуза, правившего в 381-384 гг. Какие-то предметы показаны над плечами шаха. Чаша покрыта темно-красным ангобом⁴.

¹Филимонова Т. Г., Юсупов А. Х., Абдуллаев А. Л. Археологическая карта Таджикистана. Яванский район. рис. 127(1).

² Описание автора.

³ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 139, № 374.

⁴ Там же. С. 139, № 375.

Чоргултепа (верхние слои - XII вв.; нижние – VI - VII в.). На этом городище, расположенном в пос. Куктош района Рудаки, обнаружен фрагмент терракотового изображения, показывающий голову персонажа в короне (хранится в фондах НМДТ). Пропорциональные черты вытянутого лица с плавными очертаниями (рис. 2.1.19). Широко открытые глаза, дугообразные брови, на переносице плавно переходящие в прямой нос. Маленький рот с выделенными губами. Волосы плавно обрамляют лицо. На голове корона, в передней части украшенная полумесяцем концами вверх¹. Эта находка внешне сильно напоминает образец из Регара (№ 1), отличие наблюдается лишь в толщине линий зигзага, которым украшена корона².

Калаи Сангин (I - X вв.; II - XV вв.). Крепость Калаи Сангин (“Каменная крепость”) расположена на городище Вашгирд - Старый Файзабад³. В северной части этой крепости школьниками была найдена головка терракоты кушанского периода. Опубликовавший находку Ю. Якубов никаких конкретных сведений о ней не приводит⁴. Учитывая признаки лица, аналогом для этого произведения может служить бюст бородатого мужчины под ручкой кувшина из Актепа 2 (Ат-1)⁵.

Таким образом, анализ семантики терракотовой пластики Гиссарской долины показал, что она представлена следующими иконографическими образами: кушанский правитель (Шахринау, Яван); божество с палицей (Карапечак); сидящий мужчина (Кафиртепа, Чимкурган); сидящий Будда (Мортепа 1); мужчина, сидящий на постаменте, с сосудом и барсомом (Шахринау, Курганча); всадник (Калаи Хисор, Мархаматтепа 2, Чимкурган); стоящий воин (Регар, Джалтепа, Чимкурган); воин в кольчуге (Аккурганкала, Даюбтепе); обнаженный мужчина (Чимкурган); стоящая богиня с ребенком

¹ Описание автора.

² Описание автора.

³ Городище впервые было обследовано А. М. Беленицким в 1947 г. В 1982 археологическим изучением памятника занимался отряд под руководством Ю. Якубова.

⁴ Якубов Ю. Археологические памятники древнего Рашта и Дарваза (работы 1982 г.) // АРТ. Вып. 22. Душанбе: Дониш, 1990. С. 291-300. С. 292.

⁵ Седов А. В. Бактрийско-сасанидские параллели в коропластике // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979. С. 68-70.

(Катта Джелаил, Чимкурган); сидящая богиня с ребенком (Чимкурган); богиня с прижатыми к груди и животу руками (Чиптура); обнаженная богиня (Калаи Шодмон, Чимкурган); богиня со скрещенными на талии руками (Шишихона); богиня с зеркалом и сосудом (Яхшиабад); стоящая богиня со сведенными внизу руками (Калаи Хисор, Чимкурган); сидящая богиня с сосудом (Джалтепа); музыкант с лютней (Узбеконтепа).

Сравнительный анализ 62 терракот и письменных источников позволил нам прийти к заключению, что на формирование перечисленных иконографических образов с памятников Гиссарской долины большое внимание оказали две религии зороастризм и буддизм.

ДОЛИНЫ ВАХША И КАФИРНИГАНА. Известны находки терракотовых фигур из 14 археологических памятников, расположенных на территории этих долиню

Калаи Кафирниган (VII - начало VIII вв.)¹. Памятник представляет собой развалины буддийского храма и расположен в 80 км к юго-востоку от г. Душанбе, близ сел. Эсанбай на границе Таджикистана с Узбекистаном. Обнаруженные здесь терракоты изображают мужчин и женщин, в том числе представлены музыканты, есть персонажи стоящие и сидящие.

1. Стоящий мужчина со сведенными вместе руками (рис. 2.1.20, 1). Из одежды на нем кафтан до колен и длинная рубаха. Волосы расчесаны назад и охвачены налобной повязкой. У висков концы волос опускаются из-под повязки и обрамляют лицо. Кисти согнутых рук сходятся на уровне живота. Края верхней и нижней одежды оторочены широкой полосой. Нижняя одежда достигает земли и имеет обильные вертикальные складки. Полуборта и рукава кафтана покрыты горизонтальными складками².

¹ Раскопан в 1974-1978 годах Б. А. Литвинским.

² Бобомуллоев С., Тошитака Х. КалаиКафирниган (Каталог находок 2007-2013). Душанбе, 2013. С. 29.

2. Статуэтка мужчины во весь рост с набедренной повязкой и полусогнутыми ногами (рис. 2.1.20, 2). Заслуживает внимания шишки на голове, у левой груди и под пуповиной (узел на поясе - ?)¹.

3. Фрагмент статуэтки изображает нижнюю часть фигуры стоящего мужчины с разведенными ногами (рис. 2.1.20, 3). Длинная одежда образует широкие косые складки². Иконографически поза напоминает изображения кушанских персонажей. Окрашена в темно-коричневый цвет. В качестве аналога, учитывая представленную позу, укажем на фигурку персонажа в плаще из Яванского городища (образец № 2), сохранившуюся без головки³.

4. Плакетка изображает мужчину с повязкой на голове и согнутой правой рукой (рис. 2.1.21, 1). Участок ниже пояса отбит⁴. По прическе фигурка близка калаи-кафирниганскому образцу № 1.

5. Фрагментированная статуэтка предлагает образ молодого мужчины с длинными волосами (рис. 2.1.21, 2). Сохранилась верхняя часть до пояса. В правой согнутой руке - сосуд (чаша), поднятый до уровня груди⁵. Волосы полукольцом обрамляют лицо. Глаза округлые, дуги бровей сходятся на переносице.

6. Музыкант с лютней, признаки пола персонажа не выделены (рис. 2.1.21, 3). Мужчина играет на трехструнной лютне в положении сидя. Голова, руки и ноги отломаны. Терракотовая статуэтка окрашена красным ангобом, датируется III – IV вв. Она получена лепкой, окрашена красным ангобом. Размеры - 10,2 x 3,4 x 3,7 см.⁶ Если сравнить с согдийскими статуэтками II в. до н.э. - I в. н.э. из Сарайтепе, которые хранятся в Историческом музее г. Шахрисабза, калаи-кафирниганский персонаж – мужчина, так как в его

¹ Там же. С. 30.

² Там же. С. 33.

³ Мкртычев Т. К. Буддийская терракота. С. 178.

⁴ Бобомуллоев С., Тошитака Х. КалаиКафирниган (Каталог находок 2007-2013). С. 30.

⁵ Там же. - С. 30.

⁶ Бобомуллоев С. Древнейшая и древняя история Гиссара. С. 219.

одежде отчетливо выделяются штанины поясной одежды (женщин изображали в длинном платье, доходящем до ступней ног).¹

7. Сидящий мужчина (рис. 2.1.21, 4). У статуэтки отломаны руки и передняя часть головы. Терракота получена лепкой, окрашена коричневым ангобом. Размеры - 10 x 2,9 x 2,2 см.² Представленная поза характерна для статуэток, изображающих музыкантов.

8. Статуэтка с отбитой головкой, монументально показывает мужчину, сидящего на троне (рис. 2.1.22, 1). В левой руке держит сосуд, а в правой находится пучок барсома³. Колени разведены.

9. Нижняя часть статуэтки, изображающей сидящего человека в длинной одежде. Возможно, это копия вышеописанной терракоты (№ 8).

10. Неокрашенная терракота показывает фигуру женщины в полный рост, которая облачена в длинную опоясанную одежду, с головы спускается накидка, достигающая до земли (рис. 2.1.22, 2). Правая согнутая рука держит сосуд, какой-то предмет неясной формы имеется и на левой руке⁴.

11. Матрица предназначена для штамповки статуэтки богини в полный рост, у которой в правой руке сосуд, в левой – прутья, вероятно, барсома (рис. 2.1.22, 3). Головной убор выделен вертикальными линиями⁵.

12. Женский персонаж в одежде, показанный в полный рост, голова отбита (рис. 2.1.23, 1). Верхняя одежда до колен, платье достигает земли. Оба элемента одежды широкие, образуют густые вертикальные складки, их края оформлены широкими полосками. В области талии складки верхней одежды сломлены (пояс –?), ниже этой линии полуборта сходятся. Разрез ворота платья – горизонтальный, от него до груди идет вертикальный разрез⁶.

13. Терракота изображает стоящую женщину, голова отбита (рис. 2.1.23, 2). Статуэтка оттиснута на матрице, без ангоба. Имеет верхнюю одежду,

¹ Пилипко В. Н. Терракотовые статуэтки музыкантов из Мерва // ВДИ. - 1969. № 2 (108). Рис. 12.

² Бобомуллоев С., Тошитака Х. Калаи Кафирниган (Каталог находок 2007-2013). С. 14.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

подол которой достигает участка ниже бедер и длинное платье с вертикальными складками¹. На кафтане видны горизонтальные складки.

14. Фрагмент статуэтки изображает часть женской фигурки от плеча до талии (рис. 2.1.23, 3). Верхняя одежда, возможно накидка, спускается с плеча, образуя густые вертикальные складки. Правая рука приподнята к груди и держит предмет, похожий на плод. Кисть левой руки выступает из-под накидки и прижата к животу. Ткань рукава нижней одежды оформлена продольными рядами кружочков².

Тепай Шах (I - VIII вв до н.э.). Городище на левом берегу реки Кафирниган, недалеко от места впадения ее в Амударью³. Основано во II - I вв. до н.э. В последующем здесь функционировали буддийские святилища. Обнаруженные здесь терракотовые статуэтки имеют отношение к буддизму⁴.

1. Женская терракотовая статуэтка - образок имеет вид рельефа на пластинке (НМДТ, № 350)⁵. На лицевой стороне изображена обнаженная женщина (рис. 2.1.24, 1). Голова статуэтки отбита. Она представлена строго фронтально, руки опущены, ладони обращены к зрителю. Хорошо выполнена моделировка фигуры: узкая талия, очень широкие бедра, выпуклые груди, припухлость живота. Моделировка ног произведена хуже. Слегка расставленные ноги, нет ощущения наличия колен, создается впечатление непропорциональности в длине бедер (укорочены), невозможно определить вид обуви. Шею украшают два ожерелья из бус, причем более длинное проходит между грудями. На плечевой части рук, запястьях и щиколотках изображены браслеты. Такие украшения имеются и на запястьях, а также на

¹ Там же.

² Там же. С. 15.

³ Расположен на обрыве левого берега Кафирнигана, недалеко от впадения этой реки в Амударью (Кобаданский район). Археологическое изучение памятника выполнено в 1972 г. под руководством Б. А. Литвинского.

⁴ Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана. Материалы Южно-Таджикской археологической экспедиции. Каталог выставки / Ред. Б. А. Литвинский. М.: Советский художник, 1983. С. 35-36.

⁵ Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепай Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. С. 146, 209, табл. IV, рис. 1.

ногах выше ступней. На бедрах низко привязан пояс, от которого свешивается листок, прикрывающий лобок. Статуэтка выполнена из красной глины, лицевая сторона и частично изнанка пластинки покрашена красно-коричневым ангобом. Она штампована в форме без дополнительной подработки. Общая высота статуэтки – 9 см, ширина на уровне плеч – 4 см, на уровне бедер – 5 см, на уровне ног – 2,3 см.

Исследователи Тепаи Шах Б.А. Литвинский и А.В. Седов, как и Т. К. Мкртычев попытались вскрыть в представленной статуэтке олицетворение образа якшини¹. Источником образа - индийские народные верования, в которых якшини воспринимались в качестве богинь здоровья, достатка, благоденствия, разума. В Северную Бактрию он проник вместе с буддизмом².

Подобная бактрийская фигурка женщины с опояской вокруг бедер и браслетами в позе с сомкнутыми ногами и разведенными руками найдена и на городище Зартепе. Г.А. Пугаченкова отвергает идею, что данный образ можно истолковать как танцовщицу. По ее мнению, такая статуэтка представляет собой трансформированный образ Богини-Матери, в котором наготу прикрывают уже не кисти рук, а «пояс стыдливости». Терракотовые фигурки обнаженных женщин сохранились также в Халчаяне (фрагменты 3 статуэток II-I вв. до н.э.). Одна из них содержит «пояс стыдливости», во второй, как опояски, так и жеста «Венеры стыдливой», нет. На третьем образце, где грудь персонажа открыта, наличие или отсутствие пояса не выявляется, так как участок ниже талии не сохранилась. Здесь же найдена миниатюрная костяная подвеска V - IV вв. до н.э. в виде фигуры нагой богини³.

2. Головка терракотовой статуэтки, изображающей женщину(рис. 2.1.24, 2). На голове – высокий головной убор – тиара. Вытянутый и мягкий овал лица, нет ощущения выпуклости лица. Крупные черты лица, глаза

¹ Мкртычев Т. К. Буддийская терракота. С. 179, 182.

² Филимонова Т. Г. Буддизм на территории Таджикистана. С. 191, рис. 22.

³ Пугаченкова Г. А. Халчаян (К проблеме художественной культуры Северной Бактрии). С. 218-221, рис. 103.

приострены к внешней стороне. Брови крутые, есть разрушение внизу носа. Маленький рот, массивный и мягко-округлый подбородок. В основание тиары есть горизонтальная полоса, слабо выделенная рельефно, верхняя часть сужена и оформлена радиально-вертикальными линиями. По бокам головной убор опускается до уровня ушей. Головка из красной глины и хорошо оттиснута в форме, с лицевой стороны и частично с обратной покрыта ангобом¹.

3. Головка терракотовой статуэтки, изображающей женщину (ЮТ № 141). Широкое лицо, высокий и широкий лоб, очень широкие округлые глаза, кончик носа оттянут вперед, есть ощущение курносости (рис. 2.1.25, 1). Очень маленький рот, массивный подбородок, прическа или головной убор охватывает лицо сверху и по бокам, причем под ушами заходит вперед. Глина серая².

4. Головка, оттиснутая в форме, которая была предназначена в качестве налепа к ручке или верхней части сосуда (рис. 2.1.25, 2). В технике глубокого рельефа изображено широкое и округлое лицо улыбающегося персонажа. Слабо изогнутые брови сходятся на переносице. К правой ноздре, возможно, подвешена серьга. Волосы над лбом зачесаны назад, на них надет венец – гладкий ободок, поверх которого имеются два трапецевидных зубца. От ободка опускаются два плоских наушника. Шею украшает ожерелье. Головка окрашена коричневым ангобом³.

5. Нижняя часть терракотовой статуэтки сидящего персонажа (рис. 2.1.26, 1). Представляет собой пластину, оштампованную глубоким рельефом. Возможно, левая рука была положена на колено. Колени широко расставлены, ноги опираются на выступ. Длина верхней одежды достигает земли. Складки на одежде между ногами идут косо. Длинная одежда

¹ Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепай Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. С. 146-147, 226.

² Там же. С. 147, табл. XXI, рис. 1.

³ Там же. С. 159, табл. XXVI, рис. 1.

достигала ступней. Из-под верхней одежды выступают складки нижней одежды. Лицевая сторона статуэтки окрашена оранжево-красной краской¹.

6. Терракотовая плакетка с изображением стоящего обнаженного мужчины, целиком покрытая черным ангобом (НМДТ, № 349). Опущенные руки прижаты к бедрам (рис. 2.1.26, 2). Ладонь правой руки обращена к зрителю, возможно, такое положение было и у левой руки (ладонь отбита). В передаче головы, непропорционально крупной по отношению к туловищу, а также чертах лица ощущается влияние буддийско-индийской иконографии. Гладкие пряди волос забраны наверх и на макушке собраны в узел (ушниша). В ушах видны серьги. Плечи показаны широкими, талия узкой, ноги тонкими. Шею украшают гривна и ожерелье, запястья - браслеты. Подчеркнутые генеталии указывают на мужской пол персонажа. Б.А. Литвинский и А.В. Седов полагают, что изображенный персонаж – буддийский бог Авалокитешвара².

Другой образец такой терракоты сохранился на городище Хатынрабад (в долине Сурхандарьи)³. Фрагмент еще одной плакетки с изображением обнаженного мужчины обнаружен на городище Тахти Сангин ((НМДТ, № 1091-11011).

Кызыл-кала (I - II вв., XII - нач. XIII вв.). Городище расположено на территории Хуросонского района Хатлонской области Таджикистана. Обнаруженная здесь терракотовая статуэтка изображает стоящую богиню, головной убор которой сзади ниспадает на плечи (рис. 2.1.27, 1). Приподнятая часть головного убора вверху указывает на то, что под ним расположена высокая прическа или какая-то другая деталь. Лицо округлое, на нем были хорошо смоделированы основные детали, что видно по левому глазу и брови над ним. Вместе с тем, другие черты лица стерлись или отбиты. На шее широкое ожерелье или гривна с крупными бусами. Руки согнуты на локте, кисти руки находятся на уровне живота. Богиня наряжена в платье и

¹ Там же. С. 147, табл. XXII, рис. 2.

² Там же. С. 150, табл. XXVI, рис. 3.

³ Мкртычев Т. К. Буддийская терракота. С. 183-185.

верхнюю одежду, края бортов которой оторочены, вероятно мехом. Горловина верхней одежды имеет треугольную форму. Одежда от талии вниз образует многочисленные складки¹.

Хазрати Амир (IV - VIII вв.). Крепость Хазрати Амир / Амир Бобо расположена в Кабодианском районе, в 6 км севернее Амударьи и 1 км восточнее р. Кафирниган. Ее остатки находятся в оазисе Шах, вблизи памятников Тепаи Шах и Уштурмулло. Терракотовая пластина кушанского периода из этой крепости (рис. 2.1.27, 2), в целом, повторяет изображение обнаженной женщины, найденной в Тепаи Шах (образец № 1). В образце из Тепаи Шах отбита головка, в фигурке же из Хазрати Амира отбит участок, изображающая часть тела ниже колен².

Тахти-Сангин (нач. IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Городище³, расположенное на правом берегу р. Вахш, у места слияния этой реки в Пяндж, откуда берет начало Амударья. Терракотовая статуэтка из этого городища, найденная в 1982 г. (НМДТ, № КП-1091-2985) изображает мужчину, окутанного в гиматий (рис. 2.1.28, 1). Головка отбита. Обнаруживший ее, И. Р. Пичикян описание и трактовку статуэтки не представил⁴.

В 1999 г. здесь был обнаружен фрагмент терракотового образка (рис. 2.1.28, 2) с отбитыми участками, изображающими голову и ноги персонажа от колен вниз (НМДТ, №1091-11011). Произведение имеет явное сходство с находкой из Тепаи Шах, которая изображает обнаженного мужчину (НМДТ, № 349)⁵.

Халкаджар (I – IV вв.). Четыре терракотовые статуэтки кушанского времени найдены на городище Халкаджар, расположенного в долине Вахша

¹ Описание автора.

² Зеймаль Т. И. Раскопки замка Хазрати Амир в 1983 г. // АРТ. Вып. 22 (1983 г.). Душанбе: Дониш, 1991. С. 194.

³ Исследования на городище проводили Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян (1976-1997), А.П. Дружинина при участии японского Музея Михо (1998 - 2009 гг.), а также М. Желан (2013, 2014 и 2017).

⁴ Пичикян И. Р. Раскопки Тахти-Сангина в 1982 г. // АРТ. Вып.22 (82). Душанбе: Дониш, 1990. С. 247-248.

⁵ Заключение автора

(в 1,5 км к северо-западу от сел. Сарбанд сельского джамоата Айни р-на А. Джами). Одна из них изображает женщину, другие – мужчин, причем две мужские статуэтки оттиснуты на одном и том же штампе.

1. Фигура стоящей женщины в длинной одежде (рис. 2.1.29, 1). Вытянутое лицо, широкие миндаловидные глаза, крупный тонкий нос, толстые губы, округлый подбородок. На щеках наклеены два кружочка. Высокий и массивный головной убор, по бокам от которого опускаются серьги или височные подвески. На груди показано двойное ожерелье или горловина одежды. Правая рука прижата к правому плечу. Кисть левой руки, возможно, прижата к животу. Платье широкое и длинное, подол доходит до щиколоток, платье на участке от талии вниз образует многочисленные складки. Размеры статуэтки: длина 10,2 см, ширина 2,8 см, толщина 2,3 см. А. В. Седов отмечает, что с учетом положения рук прямых аналогий этой терракоте в кушанских статуэтках не обнаруживается¹, однако экземпляр такой статуэтки сохранился также в Сайёде (см. далее).

2. Две мужские плакетки оттиснуты на одном и том же штампе. У обеих плакеток отбита верхняя часть, где была размещена головка (рис. 2.1.29, 2). Мужчина одет в перехваченную поясом верхнюю одежду длиной до колен. Без повторения описания укажем, что другой образец такой плакетки, но уже почти целый (нет только участка со ступнями ног, найден в селении Хульбак (№ 3). Размеры плакетки: длина без головки 8,8 см, ширина 3,7 см (у плеч), толщина 2,4 см. Тыльная сторона закруглена и подрезана ножом. Глина красная, покрыта красно-коричневым ангобом².

3. Третья мужская статуэтка, скорее всего, отражает тот же образ. Сохранилась лишь нижняя часть изображения – от пояса вниз (рис. 2.1.29, 3). Кафтан и штаны имеют те же особенности. На талии – наборный пояс,

¹ Седов А. В. Работы на Халкаджаре в 1981 г. // АРТ. Вып. 21 (1981 г.). Душанбе: Дониш, 1988. С. 301-303, рис. 1(1).

² Там же. С. 303-304, рис. 1(2-3).

показанный цепочкой из пяти колец. Терракота из светлой глины, покрыта красным ангобом. Фрагменты подобных терракот сохранились в Халчаяне¹.

Сайёд (I в. до н.э. – II в. н.э.). Городище находится на окраине одноименного селения района Джоми Хатлонской области, на склоне горы Ходжа Мастон. Четыре из пяти найденных здесь терракотовых статуэток изображают женщин, причем все они представлены в стоячем положении.

1. Правая рука изображенного женского (?) персонажа прижата к груди, кисть левой руки находится у живота и опирается на какой-то длинный предмет, достигающий до ступни ноги (рис. 2.1.30, 1). Длинное платье образует обильные складки. Густые волосы на голове спускаются с двух сторон лица на плечи. На голове корона, инкрустированная драгоценными камнями. Шею украшают два ожерелья. Лицо округлое, нос узкий и с горбинкой, рот маленький, брови дугообразные, глаза узкие миндалевидные. На лбу и щеках видны три родинки². Фигурка хранится в фондах НМТ.

2. Изображенная женщина двумя руками приподнимает к груди какой-то предмет неясной формы и вида (рис. 2.130, 2). На шее – два ожерелья. Небольшое выпуклое лицо, миндалевидные глаза, прямые брови, кончики которых приподнимаются вверх. Высокий головной убор, видимо келаф³.

3. У этой статуэтки отломана головка (рис. 2.1.30, 3)⁴. Аналогичная терракота, опять же с отбитой верхней частью обнаружена на городищах Чимкурган (№ 8)⁵ и Катта Джелаил⁶. Следовательно, при кушанах существовал канонизированный образ богини с ребенком, распространившийся в долинах Вахша и Гиссара и, скорее всего, по всей Северной Бактрии⁷.

¹ Там же. С. 304-306, рис. 2(6).

² Довуди Д., Шарифзода А. Кушанское городище Сайёд. Кн. 1. С. 47-48, прил. 1.

³ Там же. С. 48, рис. 22 слева, прил. 2.

⁴ Там же. С. 48, рис. 22 справа, прил. 3.

⁵ Атаханов Т. М. Археологическая Таджикистана. Гиссарская долина (Гиссарский, Шахринавский и Турсунзадевский районы). С. 225.

⁶ Зеймаль Е. В. Археологические работы в Шахринау. С. 184-185.

⁷ Довуди Д., Шарифзода А. Кушанское городище Сайёд. Кн. 1. С. 47-50.

4. Изображение богини, видимо, обнаженной, сохранилось фрагментарно, без головки и рук (рис. 2.1.30, 4). Терракота плоская. Груды показаны небольшими круглыми выпуклостями. Между грудей – перекрещивающиеся ленты. Талия охвачена шнуром. На участке бедер рельефом выделен аркообразный рисунок из двух полос, между полосами показаны фигуры овальной формы. Возможно, это изображение полосы ткани¹.

5. Статуэтка из Сайёда изображает мужчину в островерхом головном уборе (рис. 2.1.31, 1). Обломанная у локтя левая рука протянута вперед. Правая рука и ноги полностью отбиты. Поза персонажа дает основание полагать, что героем произведения является всадник². Терракоты, изображающие всадника, сохранились также в Саксонохуре, Халкаджаре, Кампиртепе, Ак-Кургане, Халчаяне, Тали Барзу и многих других бактрийских памятниках³. Г.А. Пугаченкова интерпретирует такой тип как образ обобщенного бога – покровителя степного всадничества.

Кейкобадшах (II в. до н.э. - III вв. н.э.). Городище расположено в 1,5 км к северо-востоку от райцентра имени Насира Хисрава. Здесь найдены две терракотовые фигурки⁴.

1. Статуэтка изображает сидящую на постаменте женщину, ноги которой согнуты на коленях (рис. 2.1.31, 2). Одета в глухую рубаху с глубоким разрезом ворота. Верхней одеждой служит кафтан кушанского типа, в котором правая пола халата перекрывает левую. Левая рука полусогнута в локте, ее кисть лежит на животе, под правой полкой халата. Правая рука приподнята к груди. Этой рукой женщина держит сосуд в форме стакана. На голове персонажа шарф или платок, концы которой охватывая с

¹ Там же. Кн. 2. С. 122, прил. 1.

² Там же. С. 115, 122, прил. 1а.

³ Тихонов Р. В. Случайные находки терракотовых статуэток из Таджикистана. С. 97-102.

⁴ В 1950 - 1953 гг. исследовано археологическими экспедициями Кафирниганского отряда под руководством М. М. Дьяконова и А. М. Мандельштама.

двух сторон контуры лица, огибают плечи и свисают вниз по бокам фигуры. Лицо округлое, в реалистической манере показаны глаза, брови, нос и рот¹.

2. Терракотовая головка показывает лицо, обрамленное прической (рис. 2.1.31, 3). На голове - плоская шапочка. Высокий воротник одежды полностью закрывает шею. Четко выделены большие глаза, брови, прямой нос, чуть приоткрытый рот.

Аджинатепа (VII – начало VIII вв.). Буддийский монастырь, остатки которого сохранились в 12 км к востоку от г. Бохтар (бывш. Курган-Тюбе). Среди найденных здесь артефактов имеется несколько терракотовых плакеток с изображением Будды². Их особенность заключается в том, что сделаны из глины двух цветов. Оттиск фигуры Будды выполнен по глине зеленого цвета, для фоновых деталей (арочная ниша, постамент, ступа) использована красная глина.

1. От образков (5 шт.) сохранились лишь головки Будды (рис. 2.1.32,1). Представленный образ выявляется благодаря чертам лица, ушам с оттянутыми мочками, прическе (волнистые волосы собраны на макушке в узел - ушниша). Образок получен из глины двух цветов³. Технологические показатели плакетки соответствуют местному образцу № 3.

2. Голова деваты (рис. 2.1.32, 2). Глина с подкраской. Лицо желтое, волосы черные, поверх лба проведена красная линия⁴.

3. Плакетки (2 шт.) с изображением Будды, сложившего ноги в позе падмасана, руки показывают жест дхьяна-мудра (рис. 2.1.32, 3). По отношению с аджинатепинскими образцами № 1 использована другая моделировка лица. Размеры: 15,5 x 13 x 6 см. Особенности технологии такие же, как и на образце № 2 из Аджина-тепа.

¹ Дьяконов М. М. Древняя Бактрия // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М.: Гос. изд-во культурно-просветительской литературы, 1954. С. 329.

² Филимонова Т. Г. Буддизм на территории Таджикистана. С. 208, рис. 42.

³ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 180, № 460.

⁴ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 179, № 458.

4. Поза Будды такая же, как на аджинатепинских образцах № 3, но теперь он изображен рядом со ступой (рис. 2.1.32, 4)¹ или смоделированной колонкой – основанием арки, в котором персонаж сидит. Возможно, аналогичная колонка была и по другую сторону персонажа (эта часть плакетки отбита).

Кафиркала (вторая половина VI – первая половина VIII вв.). Остатки городища² находятся в 50 км южнее Аджинатепы, на окраине районного центра Дж. Балхи. При раскопках здесь обнаружены и терракотовые плакетки (VII в.). Два тематически связанных друг с другом керамических рельефа, по всей видимости, украшали стену святилища в жилом доме, откуда были найдены. Они изобразительно повествуют буддийскую джатаку о царе-охотнике³. Композиции на рельефах рассказывают о царе-охотнике, который под воздействием заветов Будды раскаивается в своем развлечении и решает далее не убивать живые существа. В благодарность он явился в храм с подношениями Будде, который наставил его на путь благообразной жизни. Слуга принес оружие, уже ненужное царю, которым он дальше не намерен использовать⁴.

1. Первая терракотовая плакетка показывает сцену охоты царя (рис. 2.1.33, 1). Он скачет галопом, догоняя горного барана, почти достиг жертву и натянул тетиву лука. Верхнюю одежду царя составит кафтан, к поясу слева подвешен меч. Сцена происходит на фоне дерева с крупными плодами⁵.

2. Вторая керамическая плитка квадратная (рис. 2.1.33, 2). На лицевой стороне плитки штампом оттиснута сцена с тремя донаторами. Процессию возглавляет царь, наряженный в двубортный кафтан,

¹Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Буддийский монастырь Аджина-Тепа (Таджикистан). Раскопки. Архитектура. Искусство. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 193-195.

²Городище обнаружено в 1947 г. А. М. Беленицким. Системные раскопки были выполнены под руководством Т. И. Зеймаль (1956 - 1957 гг.), Б. А. Литвинского (1968 - 1969), Е. П. Денисова (1970) и В. С. Соловьёва (1973 - 1982).

³Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана. Материалы Южно-Таджикской археологической экспедиции. Каталог выставки. С. 46-47.

⁴Филимонова Т. Г. Буддизм на территории Таджикистана. С. 213-214, рис. 46.

⁵Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 162, № 432.

края которого оторочены мехом и расшиты. Из под него выглядывают прямые штанины набедренной одежды. Борта кафтана сведены вместе с помощью пояса, к которому подвешен кинжал. Корону царя венчают полумесяц и диск. В его левой руке на уровне плеча находится, возможно, чаша, правой рукой он держит за нижний конец связку ветвей священного растения. Эти предметы предназначены для подношения Будде. За царем идет второй персонаж, которым является мальчик – возможно, сын. В его приподнятой левой руке также находится подношение. Затем следует персонаж, в руках которого находятся зачехленный лук и колчан со стрелами. Очевидно, это - слуга. Кафтаны всех трех донаторов одинакового покроя, однако в их костюмах наблюдаются и отличия. В частности, у мальчика и слуги нет головного убора. Их движение передано через позы, а также ноги, слегка согнутые в коленях, что передает движение фигур. Размеры плакетки 19,5×19,5 см, толщина 1,5-2 см, глубина рельефа 0,5-1,3 см. По периметру идет бортик шириной 1,2-1,5 см, украшенный примыкающими друг к другу перлами¹.

3. Терракотовая плакетка с изображением сцены охоты на льва (рис. 2.1.33, 3). Оттиск штампом. Сохранившийся фрагмент являлась частью более крупного, скорее всего круглого, произведения (медальон). Основное поле картины обрамлено по кругу пунсонами. В верхнем крае фрагмента имеются желобок и рельефным жгутом с пережимами. Лев в прыжке забрался на спину коня, и терзает всадника. Голова и грудь охотника обращена в сторону хищника. Обращает внимания четкость в проработке деталей изображения – одежды и доспехов всадника, сбруи и гривы коня, львиной морды и лап, вихревой розетки на его левом плече².

Место неизвестно. Один из женских образков имеет отношение к случайным находкам из Вахшской долины (в источнике точное место находки не указано). Она оттиснута штампом по хорошей глине и покрыта

¹ Соловьев В. С. Керамическая плитка из Кафыркалы // Советская археология. М., 1991. № 3. С. 270-272.

² Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 162, № 433.

светлым ангобом (рис. 2.1.34, 1). Женский персонаж стоит во весь рост, правая рука приподнята и прижата к груди, левая – в полусогнутом положении и кисть находится на уровне живота. Головка статуэтки отбита. Женщина одета в длинную широкую одежду с многочисленными складками, на шее – ожерелье или веночек из побега с листьями¹.

Бохтар (бывш. г. Курган-тюбе). Здесь найдена терракотовая плакетка с рельефным изображением мужского божества с трезубцем (ЮТ № 425). Оттиснута в матрице и имеет овальную форму (рис. 2.1.34, 2). Обрамление по контуру изображает арку. Божество стоит, широко расставив ноги, ступни разведены в стороны (“кушанская поза”). Лицо и левое плечо отбиты. Шею украшает ожерелье из крупных бусин. На голове сложный убор, возможно корона. Одежду составляют рубаха и кафтан длиной до колен. Правая рука согнута в локте и держит длинный трезубец, кисть левой, тоже согнутой, руки опирается на талию. В нижней части плакетки есть схематические изображения растений, верх которых располагается выше колен персонажа (их вид не определяется)².

Актепа 2. Поселение Актепа 2 расположено в Шахритузском районе, в 2-х км южнее могильника Тульхар. Здесь сохранились артефакты IV- V вв. Налеп под ручкой одноручного кувшина с изображением бюста бородатого мужчины (рис. 2.1.34, 3). Оттиснуто штампом. Поверхность сосуда покрыта коричневым ангобом. На голове шапка с округлым тульем. Волосы зачесаны с пробором посередине. Лицо вытянутое, лоб высокий покатый, щеки впалые. Овальные глаза, посажены глубоко, сильно сужаются к краям. Кончик высокого прямого носа отбит. Борода широкая лопатообразная. Локонь борода показаны тремя рядами. Концы узких усов изогнуты вверх. Уши украшают шаровидные серьги. Плечи и грудь мужчины показаны посредством трех округлых выпуклостей, складки одежды обозначены

¹Тихонов Р. В. Случайные находки терракотовых статуэток из Таджикистана. С. 97-102.

² Денисов Е. П. Терракотовая плитка из Курган-Тюбе // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. Душанбе, 1981. С. 40-46; Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 135, № 360.

радиально расходящимися бороздками. Полукруглый валик под шеей изображает горловину одежды. По низу бюста стилизовано изображены распахнутые крылья с завитыми концами¹. Обрамление бюста внизу распахнутыми крыльями указывает на небесную (божественную) суть персонажа. Детали лица сближают изображенный персонаж к образу сасанидского кушаншаха, налипное изображение которого сохранилось на городище Гаравкала².

Хан-Газа (I – IV вв. н.э.). Небольшое городище расположено на севере Бешкентской долины, поблизости от Коккумского и Аруктауского могильников. Раскопки дали возможность обнаружить здесь большое количество артефактов, среди которых значится и терракотовая статуэтка стоящей женщины с отбитой головой³.

Итак, исследование показало, что из пределов долины Вахша и низовьев Кафирнигана происходит много обломков антропоморфных статуэток, восстановить тип которых на основе сохранившихся деталей невозможно. Терракотовые статуэтки, сохранившиеся целиком или частично на этой территории, изображают следующие образы: стоящий мужчина со сведенными вместе руками (Калаи Кафирниган); стоящий мужчина в набедренной повязке и полусогнутыми ногами (Калаи Кафирниган); божество с трезубцем (Бохтар); кушанский правитель (Калаи Кафирниган, Халкаджар); мужчина с сосудом (Калаи Кафирниган); правитель на троне, с сосудом и барсомом (Калаи Кафирниган); сидящий музыкант с лютней (Калаи Кафирниган); обнаженный мужчина (Тепай Шах); мужчина в эллинистической одежде (Тахти-Сангин); всадник (Сайёд); сцена охоты (Кафиркала); донаторы (Кафиркала); богиня в накидке с плодом в руке (Калаи Кафирниган); богиня с сосудом (Халкаджар); богиня с сосудом и барсомом (Калаи Кафирниган); богиня в полный рост (Калаи Кафирниган,

¹ Седов А. В. Бактрийско-сасанидские параллели в коропластике. С. 68-70, рис. 24-26.

² Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 139, № 375.

³ Мандельштам А. М. Хан-Газа (из результатов работ Кафирниганского отряда ТАЭ в 1958-1959 гг.) // АРТ. Вып. 7 (1959 год). Душанбе, 1961. С. 68.

Хан-Газа); обнаженная богиня (Тепай Шах, Хазрати Амир, Сайёд); богиня с короной, руки прижаты к груди и животу (Халкаджар, Сайёд, место неизвестно); богиня с ребенком (Сайёд); сидящая богиня с кубком в руке (Кейкобадшах); сидящий Будда (Аджинатепа).

Таким образом, анализ 45 терракотовых статуэток и плакеток, обнаруженных в пределах долины Вахша и низовьев Кафирнигана, показал, что почитаемые в период античности и раннего средневековья на этой территории культовые образы имели отношение к разным религиям: в первую очередь к зороастризму, буддизму, кушанской династийной религии, идолопоклонству и восточному эллинизму.

КУЛЯБСКАЯ ЗОНА. Число историко-культурных памятников, расположенных в этой географической зоне, где найдены целые и фрагментированные терракотовые скульптуры, составляет восемь.

Саксанохур / Тепай Шафтолубог (II в. до н.э. - IV в. н.э.). Античное городище расположено в 7 км севернее пос. Фархор, у подножия горы Уртабаз¹. В Саксанохуре обнаружено большое количество разных видов терракотовых статуэток, среди которых преобладают женские фигурки:

1. Богиня с зеркалом около груди (НМДТ, КП №111). Сохранились терракота и матрицы для ее получения). Персонаж держит ручку зеркала у талии двумя руками (рис. 2.1.35, 1). Длинное широкое платье на участке от талии вниз широко расходится в две стороны, образуя густые вертикальные складки. Шею украшает большая толстая гривна. Волосы на голове спускаются на лоб и доходят почти до бровей. Головной убор толстым слоем охватывают лицо почти по всему контуру². Культ бактрийской богини с зеркалом в обеих руках возник в греко-бактрийский период и сохранился в

¹ В 1965-1967 и 1973-1977 гг. памятник изучен Х. Ю. Мухиддиновым совместно с Л. Т. Пьянковой и Б. А. Литвинским. К сожалению, вся площадь городища выравнена до линии горизонта и вспахана.

² Описание автора.

эпоху Кушан. Терракотовые изображения богини с зеркалом зафиксированы также в Северной Парфии, Маргиане, Хорезме (Кой-Крылган-кала)¹.

2. Богиня с сосудом (кубком) и венком в руках (ЮТ № 109). Образ имеет отношение к кушанскому периоду (рис. 2.1.35, 2). Изображена с округлым лицом, выпуклыми глазами, прямым носом и выступающим подбородком. Волосы зачесаны ото лба в направлении макушки, рельефом показаны волны прически. В правой руке, поднятой к груди, находится сосуд. В левой полусогнутой руке имеется венок. Кисть этой руки расположена на уровне живота. Полосой на запястьях показаны браслеты или манжеты рукавов. Богиня одета, вероятно, только в платье, которое на участке ниже колен имеет горизонтальную сборку. С другой стороны, возможно, поверх платья надета верхняя одежда. На одежде на участке выше талии имеются по две боковые складки, ниже талии число складок увеличивается. Число складок значительно больше на участке ниже колен (от горизонтальной оборки). Подол одежды доходит до земли².

3. Богиня с сосудом. Сохранился фрагмент статуэтки без головки (ЮТ № 110), а также две матрицы для формования такой терракоты (ЮТ №№ 111 - 112). Относится к кушанскому периоду. Шею украшает широкая гривна с разомкнутыми концами. Руки сведены вместе у живота и держат сосуд (или зеркало). Подол длинного платья на участке ниже бедер расширяется, образуя густые складки³. Х. Ю. Мухиддинов полагает, что разные типы женских статуэток (с зеркалом, сосудом или плодами у груди) несут в себе образы трех разных богинь. Аналогии саксанохурским богиням с кубком найдены также в Хорезмеи Согде⁴.

4. Статуэтки воинов (ЮТ № 113) представлены тремя матрицами для их формования. На оттисках образуются фронтальные изображения мужчин,

¹ Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана. Материалы Южно-Таджикской археологической экспедиции. Каталог выставки. С. 31.

² Мухиддинов Х. Ю. Терракоты Саксанохура. - С. 378 -382.

³ Там же. С. 378 -382.

⁴ См., например: Мешкерис В. А. Согдийская терракота. Душанбе: Дониш, 1989. С. 134, рис. 39.

одетых в короткий опоясанный кафтан, широкие манжеты украшены насечками. Плотные шаровары заправлены в сапоги. Персонажи характеризуются одинаковой одеждой, но разными предметами вооружения. Они не имеют отношения к религии, а являются именно воинами¹. На одной из статуэток ноги персонажа широко расставлены, а ступни разведены в стороны (“кушанская” поза). Признаки круглого лица отмечены прямым носом, выступающими круглыми глазами. Не удастся определить сущность широкой полосы на шее – гривна или воротник. Руки сложены на поясе. Качество моделировки фигуры, в частности головы и рук, плохое². Сохранилось несколько лепных мужских статуэток, несущих образы всадника на лошади. Персонажи имеют одинаковую позу, носят короткий кафтан, декорированный зигзагообразными линиями и косыми насечками. Руки находятся у живота, ноги раздвинуты. В большинстве случаев головы всадников отсутствуют.

5. Статуэтка всадника на лошади (ЮТ № 114). Всадник вылеплен от руки весьма схематично (рис. 2.1.36, 1). Маленькая голова посажена на массивную шею, крупный нос имеет горбинку. На всаднике островерхий головной убор, по низу которого идет жгутовая полоса, возможно отворот или шнур для привязывания. Признаки лица отмечены выступающим носом, крупными глазами и приоткрытым ртом, все это показано налепами. Также налепами указаны детали короткой одежды (кафтана). Руки прижаты к телу, кулаки расположены у живота. Тем самым подчеркивается, что персонаж держит повод. Вытянутые ноги прижаты к передним ногам коня. Конь представлен сильным и горячим, его голова вылеплена реалистично. У коня маленькая морда и высокая сильная шея, маленькие уши торчком, широко раскрытый рот. Глаза показаны налепом, зрачки - углублениями. Хвост

¹ Мухитдинов Х. Ю. Терракоты Саксанохура // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 378-382.

² Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 116, № 320.

прижат к телу, красивая грива на лбу образует козырек. Хвост и грива украшены насечками¹.

6. На одной из статуэток, вероятно всадника, сохранилась голова и часть тела почти до бедер (рис. 2.1.36, 1). Нижняя часть отбита. Глаза переданы небольшими углублениями, брови не подчеркнуты. Островерхий колпак надвинут на лоб, спереди колпак обтянут шнуром. Отметим, что отдельные статуэтки всадников выполнены тщательно, с указанием мелких деталей. Примером служит терракотовое изображение из фондов НМДТ (№ КП 669-1314), на котором показаны вертикальная оторочка края полубортакафтана и пуговицы застежки, а также по три горизонтальных складок на каждом рукаве. К сожалению, и эта статуэтка сохранилась фрагментарно, на ней отбиты участки, изображающие голову всадника, а ее нижняя часть, показывающая ноги всадника и туловище лошади, сохранилась частично.

Нозкуль/ Кайнар (III в. до н.э. - II в. н.э.). Остатки памятника, включающего пять объектов, расположены по периметру озера Нозкуль у селения Кайнар вблизи г. Куляба. На двух из них найдены антропоморфные статуэтки².

1. У одной терракоты из Нозкуль 2, покрытой серым ангобом, сохранилась лишь нижняя часть фигурки, составляющая по высоте 6 см. Она изображает женщину в длинном складчатом одеянии (рис. 2.1.37, 1).

2. У статуэтки обломана голова, сохранившаяся высота 8 см. Женщина сложила руки в области груди и держит их под накидкой. Она одета в длинное, до пят, складчатое платье, поверх которого на талии привязан пояс. К шее подвешен круглый медальон большого диаметра.

3. находка из Нозкуль 5 показывает голову демона, его тело и нос не сохранились (рис. 2.1.37, 2). У него характерные для животных глубокие круглые глаза и уши. На голову надета корона, спереди украшенная

¹ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 117, № 321.

² Якубов Ю., Курбанов Ш. Археологические раскопки на городище Нозкуль (Кайнар) и могильнике Гелот в 2007 г. // АРТ. Вып. 33. Душанбе, 2009. С. 76-80.

цветочными листками. На шее гривна с изображением черепа. Вероятно, эта статуэтка изображала ангел смерти, который, согласно Видевдату, появляется у ложе умирающего человека¹.

Хульбак (IX - XII вв.). Селение кушанского периода в Восейском районе, в 10 км от известного средневекового дворца. Здесь найдено несколько терракотовых шахматных фигур и две женские статуэтки².

1. Статуэтка (основание 3х3,5 см, высота 9 см) изображает фигурку женщины, которая держит в сложенных на груди руках круглый предмет (рис. 2.1.38, 1). Верхняя часть головы и ноги отбиты. Из сохранившейся нижней части прически видно, что волосы образуют завитки у ушей и охвачены двумя лентами, концы которых сходятся на затылке. Пышный воротник и боковые стороны рукавов на участке от плеч до локтей оформлены двумя рядами кружков. Участок рукавов ниже локтей украшены вертикальными линиями. Поверхность терракоты покрыта желтовато-зеленоватым ангобом. Фигурку женщины, как и шахматные фигуры, Ш. Ходжаев предположительно относит к IX - X вв.³, хотя мы полагаем, что, учитывая практически одинаковое оформление одежды с местной терракотой № 2, можно вести речь об их одинаковой датировке – I - III вв. Такие же глиняные женские статуэтки с богатым и пестрым оформлением одежды встречаются и среди маргианских терракот. А. Мартынов утверждает, что круглый предмет в руках женщины – плод граната, а персонаж олицетворяет богиню плодородия, образ которой имеет связь с греческим богом Дионисом⁴.

2. Терракота кушанского периода имеет вид плитки, на которой матрицей нанесено изображение женщины (рис. 2.1.38, 2). Она сохранилась в виде обломка, на котором представлена нижняя часть женской фигурки в

¹ Там же. С. 77, 81-82.

² Ходжаев Ш. Археологические исследования в окрестностях селения Хульбак в 2006 году // АРТ. Вып. 32. Душанбе, 2008. С. 181-183.

³ Мартынов А. И. Археология: Учебник. 5-е изд., перераб. М.: Высшая школа, 2005. С. 320.

⁴ Там же.

длинной одежде. Плитка покрыта красным ангобом, поперечное сечение – клинообразное: толщина в верхней сохранившейся части – 0,7 см и она уменьшается к нижней части, пока не сходит на нет. Одежда имеет богатое оформление, посередине передней части идет вертикальный ряд кружочков. По обе стороны этого ряда имеются широкие вертикальные полосы, внутренняя часть которых заполнена зигзагообразной линией, образующей ряд треугольников¹. Описавший эту находку, Ш. Ходжаев полагает, что терракота изображает богиню Анахиту. Обращает внимание тот факт, что эта одежда сильно напоминает платье чакан, которое украшается неповторимой пестрой вышивкой. С этой точки зрения, указанные терракоты нужно рассматривать в связке с сохранившимся фрагментом вышитой одежды из могильника «Иттифок» (Фархорский район). В таком случае можно вести речь о местном происхождении этих терракотовых фигурок².

3. Плакетка рельефом изображает фигуру мужчины в длинной, до колен, верхней одежде, которая перехвачена поясом (рис. 2.1.38, 3). Размеры плакетки: длина без головки 9 см, ширина 3,7 см, толщина 2,4 см.³ Два фрагментированных образца такой же плакетки сохранились в долине Вахша, на городище Халкаджар (№ 2 и 3). По ним выясняется, что ступни ног персонажа разведены в сторону – характерная черта кушанских антропоморфных изображений⁴.

4. Статуэтка Будды, сидящего в позе падмасана (рис. 2.1.39, 1). Другой образец такой статуэтки сохранился в Чимкургане (№ 14). Там имеется и головка, однако отбита нижняя часть⁵.

5. Терракотовая плакетка с изображением кушанского правителя (рис. 2.1.39, 2). По ее краям идет выступающий бортик. Верхнюю одежду

¹ Ходжаев Ш. Археологические исследования в окрестностях селения Хульбак в 2006 году. С. 181-183.

² Майтдинова Г. М., Ёлкина А. К. Реставрация, реконструкция и исследование древних тканей // АРТ. Душанбе: Дониш, 1994. Вып. 25. С. 74-83.

³ Хранится в фондах Историко-культурного музея-заповедника «Хульбак».

⁴ Седов А. В. Работы на Халкаджаре в 1981 г. С. 303-304, рис. 1(2-3).

⁵ Описание автора.

составляет распашной кафтан длиной до колен, поверх которого завязан пояс. Голова приподнята, на ней овальной формы толстый головной убор, тип которого не выявляется. Рельефом и насечками показаны отороченные полосы на краях бортов кафтана. Кафтан содержит на левой поле большой треугольный отворот из другой ткани. Концы длинных рукавов верхней одежды оформлены манжетами. Полусогнутая в локте левая рука персонажа опирается на бедро¹.

Терракотовая пластинка из селения Хульбак² датируется археологами I - III вв. – временем существования государства Кушан. Персонаж, представленный на рассматриваемой плакетке, показан в позе, характерной для кушанских царей. Так, у него широко расставленные ноги, концы ступней отведены в стороны. На это же указывает очень широкий нижний край подола. Исходя из этого, напрашивается вывод про образ кушанского правителя. Вместе с тем, обратим внимание на наличие большого отворота треугольной формы на левой поле кафтана. Такая деталь верхней одежды был характерной чертой тохаристанской мужской и женской моды в раннем средневековье.

Такая мода, которую Г. Майтдинова называет эфталитской, получила широкое отражение в настенной живописи Балалыктепе. Однако, одежда подобного покроя существовала и в античности. Она представлена в костюме персонажа со скипетром на скульптурной композиции из летней резиденции Герая в Халчаяне (I в. до н.э.)³. Другими словами, эта черта одежды на датировку плакетки влиять не может.

6. Терракотовая плакетка, изображающая персонаж в арке (рис. 2.1.39, 3). Форма плакетки подтреугольная, с тупым верхним углом, ее края охвачены рельефными бортиками. Персонаж, вероятно, мужчина сидит,

¹ Описание автора.

²Хранится в фондах Историко-культурного музея-заповедника «Хульбак». Фотоснимок сделан автором.

³ Майтдинова Г. История таджикского костюма. Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. Душанбе, 2004. С. 189, 209.

выступив вперед босые ступни ног. Округлая голова с выделенными признаками приподнятого лица. На голову низко надо лбом посажена корона средней высоты. По низу короны идет ободок, от него вверх идут декоративные вертикальные столбики. Возможно, корона были украшена аркадой. Шею украшает длинное ожерелье из крупных бус прямоугольной и трапециевидной формы с круглым медальоном - подвеской. Кисти обеих рук находятся друг против друга на уровне живота. В каждой из них находится какой-то предмет. Длинный предмет в правой руке может быть скипетром, он оканчивается наверху полудугой такой же толщины, которая частично заходит за бортик плакетки. По форме этот предмет напоминает рабочий инструмент – кирку. Предмет на левой руке также вытянутый, но оканчивается на уровне груди. Чуть выше его верхнего конца с некоторым отклонением от него за левым плечом показан еще один предмет неясных очертаний¹.

7. Статуэтка стоящей женщины, головка отбита (рис. 2.1.39, 4). Кисти обеих рук, полусогнутых в локтях, находятся в области живота. Левая кисть расположена выше правой. Такая поза характерна для женщин, кормящих ребенка грудью. Вероятно, она двумя руками поддерживала сосуд. Узкие манжеты на длинных рукавах показывают наличие одежды. Талию охватывает пояс. Ниже него одежда образует густые складки, которые показаны косыми полосками по обе стороны от центральной вертикальной линии. Грудь показаны круглыми выступами².

Чармгарони Поён (II в. до н.э.-VIII в.; XVI - XIX вв.). Крепость на холме Калаи Мир в Кулябе, где располагалась резиденция Кулябского бека.

1. Терракотовая фигурка стоящего мужчины (божества) с обломанной головкой (рис. 2.1.40, 1). Высота сохранившейся части 9,5 см, ширина на участках 5,3-6,5 см, толщина 2,5 см. Персонаж одет в длинный кафтан, достигающий до пят. Разрез ворота открывает шею, которую украшает гривна.

¹ Описание автора.

² Описание автора.

Руки скрыты под одеждой. Изнанка и низ фигурки являются плоскими. Представленный образ исходя из позы не имеет аналогов и относится к кушанскому периоду¹.

2. Фигурка богини² с обломанной нижней частью из раскопа 106. Статуэтка изготовлена из глины с использованием формы и обжига. Тыльная часть плоская. Высокая прическа, точками на лбу показано украшение, на шею подвешено ожерелье. Брови соединены на переносице, нос с горбинкой, маленький рот, узкий подбородок. Распашное одеяние без воротника, полуборта плотно сведены вместе пуговицами посередине переда. Одежду украшает ёлочный рисунок. Большие груди, руки согнуты, кисти руки находятся на уровне живота, в правой руке ветка растения, возможно, хаомы. Терракота передает образ зороастрийской богини – Шахревара или Ардвисуры Анахиты. Имеет отношение к раннесредневековью, но не исключены и более ранние датировки.

Золи Зард (II - III вв., VII - VIII вв.). Городище кушанского и раннесредневекового периодов Золи Зард (или Лагман) расположено на границе районов Фархор и Хамадони, в 20 км восточнее райцентра Фархор. Из цитадели городища происходят фрагменты двух терракотовых фигурок³.

1. Статуэтка из помещения 2 сохранилась примерно в треть исходного размера (рис. 2.1.40, 2). Ее трактовка затруднительна. Датируется IV в.⁴

2. У статуэтки из помещения с хумами, покрытой коричневым ангобом, отломана головка (рис. 2.1.40, 3). Она изображает персонаж в длинной широкой одежде со сложенными на груди руками⁵.

¹Довуди Д., Якубов Ю., Курбанов Ш., Сафаров Х. Археологические раскопки на Калаи Чармгарони Поён г. Кулябе осенью 2005 г. // АРТ. Вып. 31. Душанбе, 2007. С. 61.

² Там же. С. 78.

³ Якубов Ю., Худжагельдиев Т., Курбанов Ш. О работах Кулябского отряда на городище Золи Зард в 2008 г. // АРТ. Вып. 34. Душанбе, 2010. С. 241-277; Якубов Ю., Довуди Д. Археологические раскопки на городище Золи Зард Фархорского района в 2009 г. // АРТ. Вып. 35. Душанбе, 2012. С. 241, рис. 5(2).

⁴ Якубов Ю., Худжагельдиев Т., Курбанов Ш. О работах Кулябского отряда на городище Золи Зард в 2008 г. С. 246, рис. 9(4)

⁵ Якубов Ю., Довуди Д. Археологические раскопки на городище Золи Зард Фархорского района в 2009 г. С. 241, рис. 5(2).

Учкун (IV - II вв.; VII - VIII вв.; XIII - XVI вв.). На памятнике Учкун 2 (селение с одноименным названием находится в Восейском районе в 1 км южнее Гелота), как сообщили местные жители, в районе источника ими были найдены терракотовые фигурки. Слой, откуда были извлечены эти предметы, датируется переходным периодом от ахеменидского к эллинистическому. Однако дальнейшая судьба этих находок неизвестна¹.

Пушинг (I - III вв.). Городище кушанского периода у одноименного селения в Дангаринском районе. Здесь сохранилась терракотовая плакетка с рельефным изображением мужчины персонажа с жезлом (ЮТ № 244). Оттиснута в форме (рис. 2.1.40, 4). Овальная плитка, сверху обрамленная узкой выступающей кромкой, изображающую арку, книзу постепенно идущую на нет. На голове – “сасанидский” головной убор. Мужчина стоит, широко расставив ноги. На нем короткий распашной кафтан, охваченный узким ремнем. Ворот кафтана растегнут. Опущенной левой рукой он приподнимает жезл со сферическим навершием. Кисть согнутой в локте правой руки опирается на пояс. Над жезлом показана семилучевая звезда. По бокам от персонажа изображены ёлочные деревья и изогнутые линии².

Итак, анализ 22 терракот с памятников кулябского оазиса показал, что здесь имеются статуэтки и образки следующих видов: богиня с зеркалом около груди (Саксанохур); богиня с сосудом (кубком) и венком в руках (Саксанохур); богиня с сосудом (Саксанохур, Хульбак, Чармгарони Поён); всадник (Саксанохур, Хульбак); воин (Саксанохур); богиня с руками на груди (Нозкуль, Золи Зард); женщина с сосудом на двух руках (Хульбак); стоящая женщина с опущенными руками (Хульбак); кушанский правитель (Хульбак); божество с жезлом (Пушинг); сидящий Будда (Хульбак); сидящий персонаж с предметами в руках.

В целом, образы, представленные в терракотах из Кулябского оазиса, аналогичны встречающимся в образцах из долин Гиссара, Вахша,

¹ Тойфер М. Археологические исследования в Гелоте, Учкуне и Кудуке в 2009 г. // АРТ. Вып. 35. Душанбе, 2012. С. 193.

² Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 134-135, № 360.

Кафирнигана. На формирование этих образов в основном оказала влияние зороастрийская идеология. Имеются также образы из других религиозных верований, господствовавших в регионе в древности и раннем средневековье.

Другие музейные терракоты. В фондах НМТ и НМДТ хранятся еще ряд терракотовых фигурок и плакеток, а также их фрагментов, места находки которых остаются неизвестными¹. Терракоты анализируются впервые.

Терракоты из Национального музея древностей Таджикистана (НМДТ):

1. Голова богини (НМДТ, № КП-1159-48). На голову наброшена вуаль, передний край которой оформлен фестонами (рис. 2.1.41, 1). Полуоткрытые глаза смотрят вниз.

2. Голова, вероятно, мужчины (НМДТ, № КП-1060-1619). Сохранился правый глаз, часть носа (рис. 2.1.41, 2). Другие части лица отбиты и стерты.

3. Неизвестный персонаж (НМДТ, № 186). На частично сохранившемся изображении туловища отбиты оба края, поэтому поза персонажа не определяются (рис. 2.1.42, 1). Возможно, он сидит и показан в профиль, а голова повернута к зрителю. На округлом лице глаза широко раскрыты.

4. Персонаж с сосудом в руках (НМДТ, № КП-669-1398). Головка статуэтки отбита (рис. 2.1.42, 2). Одежда имеет широкую расклешенность книзу. Талия обернута поясом, от которого вниз спускаются длинные петли. Это может быть поясом кушти для зороастрийских обрядов.

5. Стоящий персонаж (НМДТ, б/н). Головка отбита (рис. 2.1.42, 3). Фигурка изображает слегка сутулого человека со свободно опущенными руками вдоль тела. Вырез ворота одежды - треугольный.

6. Фрагмент терракотового образка с отбитой верхней частью (НМДТ, № КП 647-1756). Изображение сильно стерто, видны лишь контуры тела, ног и, частично, рук (рис. 2.1.43, 1). Очевидно, персонаж представлен обнаженным и в положении стоя.

7. Головка терракотовой фигурки (НМДТ, № 546-402). Отбита на участке низа шеи (рис. 2.1.43, 2). Длинные волосы на голове расчесаны

¹ Описания всех этих артефактов составлены автором.

прямо и П-образно охватывают лицо. Четко видны линии расчеса волос. Большие глаза широко раскрыты. Низ носа и рот стерты.

8. Стоящий мужчина с расставленными ногами (НМДТ, № К13 669-383). Верхняя одежда в виде кафтана плотно охватывает тело и в талии стянута поясом (рис. 2.1.44, 1). Низ кафтана отторочена широкой полосой меха. Кисть полусогнутой правой руки лежит на поясе. Положение левой, также полусогнутой руки, определить сложно, так как ее изображение ниже локтя стерто. Грудь украшает широкая гривна, надетая на шею.

9. Персонаж с расставленными ногами, возможно, всадник (НМДТ, № КП 669-1379). Особенность фигурки заключается в том, что левое плечо персонажа заметно приподнято над правым, из-за чего голова оказалась несколько наклоненной вправо (рис. 2.1.44, 2). Кисти рук, сжатые в кулаки и расположенные на уровне живота, - признак, показывающий, что перед нами, возможно, фигурка всадника.

10. Головка терракотовой статуэтки, покрашенной светло-коричневым ангобом (НМДТ, № КП 495-486). Округлой формы, прическа почти П-образная (рис. 2.1.45, 1). Отчетливо показаны миндалевидные глаза, нос.

11. Головка терракотовой статуэтки (НМДТ, № КП 495-486). Числится в фондах под тем же номером, что и предыдущий артефакт (рис. 2.1.45, 2). Такими же являются и черты лица, однако волосы охватывают лицо дугообразно. Фигурка была окрашена черным ангобом.

12. Головка терракотовой фигурки (НМДТ, б/н). Широко открытые глаза с четко выделенными зрачками устремлены вверх (рис. 2.1.45, 3). Брови в виде крутых дуг сходятся на переносице. Нос прямой, небольшой рот.

13. Богиня с сосудом (НМДТ, № Я64(380)). Сохранилась целиком. Прическа охватывает широкое лицо П-образно, на лбу линия концов волос располагается параллельно бровям. Одежда на участке от талии вниз имеет существенное расширение. На руках сосуд лодкообразной формы.

14. Фрагмент головкитерракотовой фигурки (НМДТ, № Л-121(38393 КВП)). Головным убором может быть корона с вертикальными рельефными

полосками (рис. 2.1.45, 4). С другой стороны, это может быть высокая прическа, когда локоны зачесаны ото лба вверх и охвачены начельной тесьмой. На лице смоделированы брови, глаза, нос, рот.

15. Персонаж в накидке (НМДТ, № Я64(Ш-III ор)). Наряд персонажа показан после формования фигурки (рис. 2.1.46, 1). Острым предметом по еще сырой глине показаны края полубортов накидки, которые перескаются на талии, причем ниже талии обе линии продолжают. Соответственно, накидка может быть из прозрачной ткани или же это упрощение изображения. Головка статуэтки отбита.

16. Богиня (НМДТ, № КП 588-1956). Фигурка сохранилась целой и изображает героиню в положении стоя (рис. 2.1.46, 2). Примечательна прическа персонажа с локонами волос, впереди выступающих из-под чадры. Поверх волос и чадры на правой стороне головы имеется шишка в форме правильного овала.

17. Богиня со сложенными у живота руками. НМДТ, б/н). На голове показаны волосы, поверх которых наброшена чадра (рис. 2.1.46, 3). Волосы расчесаны на прямой пробор. Шею украшает гривна. На бедра намотана широкая полоса ткани, которая образует свисающие складки.

Терракоты из Национального музея Таджикистана (НМТ):

1. Фрагмент терракотовой пластины II в. до н.э. – IV в. с изображением богини (НМТ, б/н). Отбита нижняя часть до талии (рис. 2.1.47, 1). Персонаж представлен в 1/4 оборота направо, что для терракот нехарактерно. Удлиненное лицо, показаны глаза, брови, нос и рот. Лицо охвачено с трех сторон прической или головным убором, на лбу показана широкая лента, возможно диадема. В верхней части груди имеется полудуга, которая может быть низом горловины одежды или широким нашейным украшением.

2. Терракотовая фигурка обнаженной богини, в которой отбита стопа правой ноги и левая нога выше колена (рис. 2.1.47, 2). Условно смоделирована голова, которой придана подтреугольная форма основанием вниз. Глаза исполнены углубленными, показаны зрачки. Кисть правой руки

лежит на животе, левая рука, круто согнутая на локте, поддерживает левую грудь. Груды показаны округлыми выступами, по центру которых нанесены точки, выражающие соски.

3. Богиня с сосудом (кубком) и венком в руках (рис. 2.1.47, 3). Головка отбита. Одета в длинное широкое платье с большим числом вертикальных складок. Исходя из позы персонажа и атрибутов, имеет сходство с фигуркой № 3 из Саксанохура. Однако на данной терракоте не выделена талия, что связано с тем, что в данном случае мы имеем дело с плакеткой. Соответственно, ее можно датировать кушанским периодом (I - III вв.).

4. Терракотовая фигурка богини (рис. 2.1.48, 1). Волосы расчесаны прямыми рельефными прядями. На ушах крупные серьги-кольца. Четко видны основные детали лица: несомкнутые брови, вытянутые овалами глаза. На богине платье с вертикальным разрезом ворота - символ материнства. Тело богини смоделировано условно, имеет вид подпрямоугольника, края которого сформованы в виде более толстой полосы.

5. Терракотовая фигурка стоящей богини, на которой отбита головка (рис. 2.1.48, 2). Нижний край ограничен широкой полосой. Данная терракота по основным признакам дублирует образец № 13 из Калаи Кафирнигана. Исходя из этого, произведение можно датировать VII- началом VIII вв.

6. Терракотовое изображение богини (рис. 2.1.48, 3). Фрагмент фигурки, отбитой ниже участка грудей. Из-под головного убора или чадры выступает валик волос, почти полностью прикрывающий лоб. На правом ухе - серьги с длинными подвесками. Груды показаны округлыми выступами.

7. Мужская голова (рис. 2.1.49, 1). Может быть частью терракотовой фигурки или пластины, или же штампованным наклепом на сосуде. Глаза широко раскрыты, показаны также зрачки. Брови круто изогнуты. Длинный нос с горбинкой, четко видны усы и борода, а также морщины на лице. В глаза бросается рука виртуозного мастера, которому удалось отчетливо показать внутреннее состояние героя. Перед нами экспрессивный образ скорбящего человека. Произведение относится к античному искусству.

8. Головка терракотовой фигурки, отбитая по кривой линии на участке подбородка (рис. 2.1.49, 2). Изображение характеризуется большой условностью. Лицо удлиненное. На голове полосой с круглыми углублениями показан головной убор. Глаза выполнены округлыми налепами с отверстиями посередине, которые обозначают зрачки. Нижняя часть носа и рот стерты.

9. Головка терракотовой фигурки (рис. 2.1.49, 3). Нижняя часть отбита на уровне низа шеи. Черты лица стерты. Толстые пряди волос охватывают лицо с трех сторон.

10. Сидящий персонаж представлен внутри арки (рис. 2.1.50, 1). Удлиненное лицо с заметными чертами (брови, глаза, нос, рот). Головным убором служит чадра, под которой толстой полосой показана прическа. В правой руке имеет предмет округлой формы, левой рукой персонаж удерживает наклонно длинный предмет, похожий на кинжал в ножнах.

11. Сидящий персонаж в драпированной одежде (рис. 2.1.50, 2). Прическа высокая, но не исключено наличие на голове короны в виде широкого ободка с рельефными полосками, расходящихся по вертикали в две стороны. На ушах серьги, шею украшает гривна или ожерелье. Драпированная ткань образует густые складки, четко заметные на участках тела, рукавах, ног. Кисть правой руки, полусогнутой на локте, лежит на животе, а левая рука прикрывает левую грудь. По основным признакам, терракота несет образ богини и имеет отношение к античности.

12. Терракотовая фигурка, в которой отбита правая нога на уровне бедра и кисть правой руки (рис. 2.1.50, 3). Широко раставленные ноги и поза рук (правая приподнята на уровень головы, а левая круто согнута на локте и находится на уровне живота) указывают на образ всадника. На голове островерхая шапочка, декор которой показан отверстиями. Не исключено, что фигурка слеплена от руки, причем достаточно качественно. Верхняя часть терракоты покрашена светло-коричневым ангобом.

13. Фрагмент головы терракоты (рис. 2.1.50, 4). Сохранился лишь участок, изображающий часть правой стороны лица. На фрагменте можно видеть большой глаз, выступающий резкий нос и относительно толстые губы. Естественно, особой информативностью данная находка не отличается.

14. Стоящий персонаж с руками у груди (рис. 2.1.51, 1). У фигурки отбита головка. Герой произведения облачен в длинную широкую одежду, которая, по всей видимости, драпированная. Обе руки согнуты на локтях и подведены к грудям так, что кисти рук расположены на некотором расстоянии друг от друга. Шаровидная форма на участках кистей рук может обозначать сосуды.

15. Сидящий буддийский персонаж с левой рукой на груди (рис. 2.1.51, 2). Головка отбита, также отбиты оба края в нижней части, очевидно, изображавшие колени. Кисть правой руки лежит на правом бедре. Одежда имеет горизонтальную горловину, по краям которого нашита фигурная отделочная ткань в виде цветка лотоса. Рядами точек показан декор одежды. На участке между ног острым предметом нарисован прямоугольный знак с проработанной внутренней частью. По всему видно, что фигурка имеет отношение к буддийской культуре.

16. Фрагмент терракотовой пластины I - III вв., изображающей кушанского правителя (рис. 2.1.52, 1). На ней отбит участок, где была изображена голова персонажа. Целый экземпляр такой терракоты сохранился в селении Хульбак (образец № 3). Сравнивая эти два произведения, невольно обращаешь внимание на несколько отверстий, имеющих в разных местах на обоих образцах.

17. Терракотовая фигурка, изображающая беременную богиню (рис. 2.1.52, 2). Тело показано в 1/4 оборота вправо, но голова обращена к зрителю. Богиня изображена обнаженной, на ней из одежды фигурирует только чадра, два конца которой связаны на участке груди. Выпуклый живот обнажен. Длинная чадра, спускающаяся с головы, достигает до земли. Кучерявые волосы охватывают лицо с двух сторон. Ниже ушей показаны два шара.

Глаза прикрыты, нос длинный и большой. На шее имеется ожерелье или гривна.

18. Терракотовая фигурка, изображающая персонаж со сведенными на груди руками (рис. 2.1.52, 3). Головка фигурки отбита. По верхнему краю одежды идет широкая полоса с вертикальным разрезом посередине, изображающая или гривну или стоячий воротник. Длинные рукава на участке от плеч до локтей образуют густые поперечные складки. Пальцы рук показаны углублениями. Ниже бедер одежда сильно раскашивается, увеличиваясь в ширину почти в два раза. После формования фигурки производилась ее ручная доделка расчерчиванием. Так, вертикальная рельефная полоса показывает, что одежда распашная. Отделка показана широкими полосками, внутреннее поле которых заполнено штрихами.

19. От терракотовой фигурки или пластины сохранились головка и участок до груди (рис. 2.1.53, 1). Сохранившаяся часть, по сути, составляет бюст. Идентифицировать персонаж сложно, хотя очень качественно изображены черты лица, что обеспечило глубокую выразительность образа.

20. Терракотовая фигурка, изображающая персонаж в высокой короне, сохранившая в верхней части, причем она отбита по кривой от плеч до талии (рис. 2.1.53, 2). На ушах серьги с длинными подвесками. Образ представлен в 1/2 оборота вправо. Участок с изображением носа, рта и подбородка стерт.

21. Терракотовая головка, на которой стерт рот (рис. 2.1.53, 1). Отбита по наклонной кривой на участке шеи. Голова чуть приподнята. Лицо округлое. Концы прямых бровей изогнуты, глаза несколько вытянуты. Прическа с косым пробором.

22. Фрагмент головки терракотовой фигурки, сохранившаяся по линии низа шеи (рис. 2.1.54, 1). Отбита также макушка головы до середины лба, а также нос. Узкие глаза, под которыми показаны складки. Линии бровей от краевк переносице приподняты.

23. От терракотовой фигурки сохранилась лишь головка (рис. 2.1.54, 2). По прическе данный артефакт является копией образца № 3 из городища

Шахринау. Разница заключается в форме начальной повязки, которая в находке из Шахринау имеет фигурную форму.

24. Богиня, кормящая младенца грудью (НМТ, № КВ-15565). Изображена в сидячем положении (рис. 2.1.54, 3). Головка статуэтки отбита. У нее на коленях сидит ребенок, которого она поддерживает левой рукой за спину. Богиня одета в платье с широким дугообразным разрезом ворота, внизу достигающего до талии. Грудь обнажена. Кисть правой руки богини лежит на левом колене. В конструкции платья интерес вызывает вертикальная полоса, показанная на участке между грудями.

25. Женщина, держащая в руке плод (НМТ, № КВ-15896). Головка отбита (рис. 2.1.55, 1). На уровне верха бедер рельефом показана горизонтальная линия, ниже которой одежда украшена вертикальными полосами. Широкие полосы заполнены ёлочным узором. Широкие полосы разделены узкими полосками, внутреннее поле которых заполняет ряд перлов. В верхней части тела поверх одежды рельефом показана тесьма, идущая по диагонали от правого плеча до левого бедра. Кисть правой руки лежит на животе, в левой полусогнутой руке имеется плод. Вырез ворота верхней одежды прямоугольный, наружное поле которого декорировано.

26. Мужской персонаж с круглым предметом в руке (НМТ, КВ - 17155/1). Головка отбита (рис. 2.1.55, 2). На шее толстая гривна. Треугольником показана горловина верхней одежды - кафтана до бедер. Талия опоясана. Пропорции тела, подтянутость фигуры и особенности одежды указывают на мужского пол персонажа. Правая рука свободно опущена вдоль тела, в правой согнутой на локте левой руке имеется некий предмет круглой формы. Запястья обеих рук украшают браслеты.

27. Сохранившаяся целиком статуэтка богини (рис. 2.1.55, 3). Поза персонажа, состояние рук и его наряд напоминают статуэтку богини с зеркалом в обеих руках из Саксанохура (образец № 1). Однако в данном случае наклон изогнутых рук более крутой, к тому же, находящийся в них округлый предмет выглядит не цельным, а раздробленным.

Таким образом, неизвестные до настоящего времени терракоты, а также терракоты, обнаруженные во время раскопок последних лет, были впервые подвержены научному анализу. Исследование образов на 17 терракотах из НМДТ и 27 терракотах из НМТ показало следующую тематику: образ мужчины; образ мужчины с кафтаном; образ мужчины с предметом на руках; мужская голова; герой с ножом; кушанский правитель; мужчина с сосудом; всадник; богиня; стоящая богиня; беременная богиня; кормящая богиня; богиня с плодом; голова женщины; неизвесный персонаж; фигура с короной; богиня с сосудом; богиня в полный рост; богиня у которой руки в области живота; обнаженная богиня; сидящий Будда. Как и ожидалось основной мотив сюжетов и образов связан с зороастризмом. Имеются также кушанская и буддистская атрибутика.

Конечно, наши знания еще не позволяют точно выявить все образы, заключенные в сохранившихся произведениях изобразительного искусства, в том числе короластики, античности и раннего средневековья. К тому же большинство терракотовых статуэток и образков сохранились фрагментарно, на многих образцах отдельные признаки лица и туловища, или же атрибуты, стерты. Следует также подчеркнуть, что ряд утверждений по идентификации представленных образов носят гипотетический характер. Нередко предположения одних исследователей оспариваются другими учеными, при этом как те, так и другие представляют соответствующие аргументы.

Наблюдается и другой аспект разногласий, связанный с “районным” признаком. Дело в том, что один и тот же традиционный образ из Бактрии, Согда или Хорезме интерпретируется по-разному, на что есть определенные основания. В частности, найденные из пределов Бактрии фигурки, несущие образ женского божества, иконографически и по стилю значительно отличаются от образцов, сохранившихся в Согде и Хорезме¹. Это означает,

¹ Пугаченкова Г. А. Материалы по короластике Бактрии - Тохаристана // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран: История и филология. М., 1967. С. 184.

что местная (бактрийско-тохаристанская) школа терракотовой пластики не была лишена определенной самобытности.

В целом, отличительная черта бактрийской школы терракотовой пластики - яркое выражение восточного эллинизма. Она вобрала в себя элементы зороастризма, буддизма, кушанского религиозного и династического искусства, а также местной традиционной культуры. Анализ терракот Бактрии-Тохаристана привел нас к выводу, что несмотря на синтез элементов всех существующих религиозных воззрений на территории Бактрии-Тохаристана, зороастризм, все-таки преобладает.

2.2. Интерпретация и иконографический анализ согдийской короластики

Значение терракотовых статуэток для изучения материальной и духовной культуры доарабского Согда трудно переоценить. Так, еще в 1930-х годах они являлись одним из двух (наряду с декором оссуариев) источников, на основе которых судили о согдийском искусстве античности и раннего средневековья. Более того, их историческое и религиозное значение было правильно воспринято и оценено еще раньше – уже в первом десятилетии XX века¹.

В настоящее время музейные коллекции согдийской терракотовой пластики охватывают сотни произведений, сохранившихся целыми или отдельными фрагментами. Как заключает В. А. Мешкерис, согдийская короластика в своей сути отражает местные культы, связанные с распространенным на этой территории маздеизмом. В них олицетворялись образы божеств – покровителей рода и семейного очага. Идолы изготавливались многочисленно и серийно, так как их принято было иметь в каждом доме. И, по мере возможности, домашние идолы должны были быть неповрежденными. По этой причине запросы согдийцев на такие

¹Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. С. 175.

культовые произведения были высокими. Их продавали в специально организованных торгово-ремесленных точках – базарах. Один такой базар под названием Мох, расположенный в доарабский период в юго-восточной части г. Бухары, подробно описан историком М. Наршахи.¹

Рассмотрим вкратце образцы, обнаруженные на согдийских памятниках в пределах Таджикистана с разбивкой их по местам обнаружения – памятникам истории и культуры.

Древний Пенджикент (V - VIII вв.). В числе многочисленных находок из этого городища значатся также терракотовые фигурки и образки².

1. Терракотовые пластины (2 шт.)³ имеют штампованный рельеф с изображением бога земледелия – Бобои Дехкон (рис. 2.2.1, 1). Одна из них найдена на Пенджикентском городище. Мужская фигура помещена внутри арочной ниши, края которой по всему периметру украшают розетки, расположенные в один ряд. Бобои Дехкон представлен фронтально, расставивший ноги, носками врозь. Он облачен в рубаху, распашной кафтан, сапоги с высокими голенищами, на голове коническая шапка, охваченная диадемой. Посередине диадемы имеется бляшка, на которую сверху прикреплена эмблема в виде полумесяца с шаром. От диадемы в стороны развеваются ленты. Низ полубортов кафтана подобран и заткнут за пояс. Образ бога передан через молодого мужчину без бороды и усов. В его правой руке находится веник (утверждение Б.И. Маршака), левой рукой он опирается на лопату, уткнутую в землю. На наш взгляд, логичнее считать предмет в правой руке персонажа саженьцами, а не веником.

Вторая такая терракота была обнаружена случайно при рытье ямы для очага в одном из дворов г. Пенджикента (2.2.1, 2). Изображение персонажа на этой терракотовой пластине в отличие от первой полностью сохранилось. Б.И. Маршак отмечает, что обе терракоты исходят с одного оригинала и приводит только отличие изображения на второй пластине. Так, голова

¹ Наршахи М. История Бухары / Пер. с перс. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897. С. 30-31.

² Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 189-192.

³ Маршак Б. И., Распопова В. И. Два терракотовых образка из Пенджикента. С. 95-102.

персонажа представляет треть всего персонажа. Лицо мужчины имеет резкие черты, огромные слегка скошенные глаза и широкий рот. Усы и борода отсутствуют. Головной убор состоит из конической шапки, вокруг которой повязана диадема, переданная толстым валиком. Посередине диадемы изображена круглая бляшка, над которой прикреплена эмблема в виде полумесяца с шаром. Левая рука персонажа опирается на лопату, и веник у пояса, которого касается согнутая в локте правая рука.

Фрагмент еще одного образца такой терракотовой плакетки хранится в фондах НМТ (2.2.1, 3). Ее верхняя часть отбита, соответственно, изображение персонажа сохранилось от талии вниз¹.

Б. И. Маршак и В. И. Распопова полагают, что этот персонаж – «образ крестьянского божка, с орудиями, символизирующими начало и конец сельскохозяйственного года: лопата, предназначенная для прокладки оросительных борозд, и веник, которым подметали гумно после того, как обмолоченное зерно было увезено»².

2. Сохранившиеся фрагментарно несколько образков³ реалистично изображают в арке человека, восседающего на троне, имеющего вид опустившегося на колени верблюда (рис. 2.2.2). Приподнятая голова верблюда выполнена на левой стороне трона. Бог сидит лицом к зрителю, его левая нога согнута в направлении к правой. Правой рукой персонаж опирается на бедро, его левая поднятая рука держит не то птицу, не то маленькую фигурку верблюда⁴. Верхнюю одежду персонажа составляет застегнутый наглухо опоясанный кафтан длиной до колен. Борта и полы кафтана оторочены тесьмой. Рубаха глухая, с горизонтальной горловиной. Лицо персонажа круглое, нос прямой и сливается со ртом, подбородок выдающийся. Пряди волос прямые. На шее украшение с большой треугольной подвеской. В.А. Мешкерис видит в этом персонаже светского

¹ Идентификация образа осуществлено автором.

² Маршак Б. И., Распопова В. И. Два терракотовых образка из Пенджикента. С. 97.

³ Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 252-253.

⁴ Беленицкий А. М., Маршак Б.И. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 г. С. 61-62.

правителя, а Б.И. Маршак говорит о религиозном образе – боге Вашагне, одним из реанкарниций которого является верблюд¹.

3. Фрагменты нескольких терракотовых плакеток² изображают фигуру бога, завязывающего пояс (рис. 2.2.3). На некоторых из них изображенная фигурка обрезана по контуру. Среди сохранившихся фрагментов представлены все части фигуры персонажа. Длинные волосы расчесаны прямыми прядями от макушки во все стороны, впереди они почти полностью закрывают лоб. Большие глаза овальной формы широко раскрыты. Приоткрыт треугольником также и рот. Брови толстые и длинные. Кафтан, скорее всего, закрытый, без полубортов. Руки находятся на уровне пояса, отстоят друг от друга на некоторое расстояние и держат концы пояса. Эти концы длинные и с двух сторон опускаются вниз волнистыми линиями. Выше и ниже завязываемого узла рельефом показаны по три дуги, суть которых непонятна.

Другой образец в виде образка-плакетки³, в фрагментированном виде найден в западной части храма 2 городища.

Иконографически такие фигурки несут образ Сроша – сына Ахура Мазды, авестийского духа зороастрийского религиозного послушания и порядка. Помимо Пенджикента, подобная статуэтка в фрагментированном виде (головка) найдена в Южном Согде (у сел. Тупчак вблизи пос. Китаб Кашкадарьинской обл)⁴.

4. Фрагментарно сохранившиеся несколько статуэток (три из цитадели) отштампованы в одной матрице. Одна из них изображала всадника и была отбита от фигуры верхового животного (рис. 2.2.4). Другая изображала

¹ Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. С. 177, 274.

² Там же.

³ Курбанов Ш. Ф., Лурье П. Б., Семенов Н. В. Краткий отчет о раскопках Пенджикента и городища Хисорак в Горном Матчев 2013 г. // АРТ. Вып. 39. Душанбе, 2017. С. 116, рис. 11(15); Семенов Н. В. Раскопки объекта Кайнар в 2013 г. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. 17. СПб., 2014. С. 29, рис. 108(3).

⁴ Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 220-221.

человека во весь рост¹. В научных кругах персонаж идентифицируется как барабанщик. Один из образцов (9,5 x 5 см) хорошо сохранился на участке от бедер вверх. Персонаж в островерхом головном уборе, лицо слегка выпуклое, подбородок овальный. На ушах подвески, напоминающие серьги. Кафтан распашной, его полуборта на участке воротника показаны полосками, расширяющимися кверху (отвороты). Длинные рукава образуют широкие складки. Руки сведены вместе на уровне пояса и держат предмет, напоминающий барабан. Музыкальный инструмент со суженной серединой по форме близок к песочным часам. Данный образ находит аналогию в некоторых образцах из Самаркандского музея истории искусств Узбекистана².

На другом образце отбита головка, также уничтожено изображение участка ниже талии. Хорошо проработаны отвороты кафтана и ворот рубахи под ним, руки, двусторонний барабанчик на поясе, драпировки в нижней части выполнены условно. С обратной стороны – орнамент елочкой в три полосы³.

5. Фрагменты терракотовых плакеток VI в. с изображением богини со звериными лапами в храмовой нише со сложенными на груди руками⁴. Арка ниши украшена цепочкой медальонов (рис. 2.2.5). Заслуживает внимания высокая прическа, пышная корона и богатый декор одежды в области груди. На наиболее крупном фрагменте фигура богини сохранилась до талии. Руки сложены на груди, кисти рук напоминают звериные лапы. Вместо ступней ног также звериные (львиные) лапы⁵. Богиня представлена в короне, украшенной лопастями или пальметтами, основание короны составлено из перлов. Из-под короны опускаются кудри, обрамляющие лицо. Шею

¹ Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И. Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1973 г. // АРТ. Вып. 13. Душанбе, 1977. С. 160.

² Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе: Дониш, 1977. С. 99-100, рис. 26; Тереножкин А. И. Раскопки в кухендизе Пенджикента // Труды СТАЭ. Т. 1. 1946-1947 гг. С. 92.

³ Пулатов А. Г. Раскопки объекта VI-C в 2019 г. // МПАЭ. Вып. 24. СПб., 2020. С. 9, ил. 37(7); Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 197, № 486.

⁴ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 200-201, № 498.

⁵ Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. С. 185.

украшает ожерелье, собранное из крупных колечек, нанизанных на нить. В ушах серьги. Вырез горловины платья округлое. Поверх него надета верхняя одежда с треугольным воротом, по краям которого идет толстое жгутовое обрамление. На груди имеется большая круглая брошь.

Два других найденных фрагмента имеют меньшие размеры: одна от шеи вниз до живота, вторая – от шеи до колен¹. Последний образец позволяет выяснить, что верхней одеждой является распашной кафтан до бедер, полуборта которого удлиняются от середины к краям.

Брови прямые и сходятся на переносице, большой нос касается верхней губы. Глаза большие, зрачки углубленные. В.А. Мешкерис в представленном персонаже видит образ сверхестественного мифологического существа².

Данный образ налепом украшает стенку пенджикентского оссуария, однако там она крылатая (крылья изображены процарапыванием по сырой глине)³.

6. Терракотовая матрица овальной формы для оттиска плакетки с изображением Будды, сидящего в позе падмасана⁴. Кисть левой руки лежит на груди (рис. 2.2.6, 1). Голову Будды в короне окружает нимб виде обруча, украшенного перлами.

Аналогом этому произведению служит печать из Самарканда⁵, на рабочей поверхности которой вырезано точно такая же мужская фигура. Однако Т.К. Мкртычев видит в этом персонаже образ бодхисатвы, а не Будды.

7. Терракотовый образец изображает в храмовой нише, обрамленной медальонами, богиню, восседающую на оседланном стоящем хищнике,

¹ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 200-201, № 499.

² Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 258-259, рис. 152.

³ Там же. С. 304-305, рис. 196.

⁴ Мкртычев Т. К. Буддийская терракота. С. 194-195.

⁵ Abdullaev K. Buddhist Terracotta Plastic Art in Northern Bactria // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 5 (1997/1998). Kamakura, 1998. Fig. 1.

вероятно льве¹. Верхний край плакетки отбит, а нижняя часть львиных лап стерта (рис. 2.2.6, 2). Одежда богини образует сложные по форме складки, к обуви привязаны декоративные ленты. Это признаки характерны для согдийской иконографии изображения богинь. Б. И. Маршак отождествляет персонаж с богиней Наной. Данная иконография получила отражение и в настенной живописи этого городища.

8. Пенджикентская терракота, фрагмент которой найден во дворе храма I (объект VII)², изображает женщину, сидящую в обычной для богов позе (рис. 2.2.7, 1). Она держит в руках веретено и кудель. Очевидно, это – богиня, покровительствующая прядению. В таджикской этнографии данный образ особо широко известен как Биби-Сешанбе (например, в Верхнем и Центральном Зеравшане), хотя у него есть и другие имена (Биби-Чоршанбе, Биби-Панчшанбе в долине Рашта³, Биби-Хаво, Момо-Хаво, Биби-Ресанда в Самарканде, Биби-Жибецак в долине Хуфа⁴). Очевидно, речь идет о Праматери Еве.

Изучая культ покровительницы прядения, археологи А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак, В.И. Распопова заключают, что «в Согде древние народные культы под влиянием образов верховных богов обрели свою иконографию».

9. На плакетке изображена женщина, сидящая на троне, либо на тахте (рис. 2.2.7, 2). Не исключено, что трон зооморфный, но сохранившаяся часть плакетки не позволяет уточнить этот вопрос. Правая рука опущена, левая рука, сильно согнутая в локте, поднята вверх. На женщине длинное прозрачное платье, которое обрисовывает формы тела и ног. Горловина

¹ Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1978 г. // АРТ. Вып.18 (1978 г.). Душанбе: Дониш, 1984. С. 223-252; Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. С. 177.

² Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1985 г. // АРТ. Вып.25 (1985 г.). Душанбе: Дониш, 1994. С. 106.

³ Сухарева О.А. О ткацких ремеслах в Самарканде // История и этнография народов Средней Азии: Сб. ст. Душанбе, 1981. С. 35; Ершов Н. Н. Ткачество // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1966. Вып. 1. С. 221.

⁴ Андреев М.С. Таджики долины Хуф. С. 209-210.

платья небольшая, треугольной формы, ее края окантованы тесьмой. Через руки переброшен шарф¹.

10. Фрагмент терракотовой плитки с рельефным изображением сидящего персонажа², который правой полусогнутой в локте рукой держит чашу. Его обнаженные ноги скрещены. На нем набедренная повязка, образующая густые складки на обоих бедрах. С плеч на живот опускаются концы шарфа. Шею украшает широкая гривна или два ряда ожерелий. На левой руке браслет.

В вопросе идентификации персонажа есть расхождения (танцовщица, танцовщик, мужское божество). При указании на образ танцовщицы отмечают возможную обнаженность груди. В. А. Мешкерис же утверждает про образ танцовщика. По ее словам, в левой руке находится садовый нож, рядом с которым на земле лежит бурдюк в виде барана³.

Не исключено, что левой рукой персонаж держит не нож, а горло бурдюка. С учетом этих признаков, можно предположить, что это образ согдийского бога богатства (в индийском пантеоне эти качества присущи Кувере)⁴.

11. Статуэтка всадника⁵. Отгиснута тем же штампом, что и статуэтки барабанщиков (рис. 2.2.7, 3). Широко раскрытые глаза. Шею украшает гривна с подвеской. Руки находятся на уровне завязанного пояса.левой рукой всадник держит булаву, в его правой руке кинжал или рог. Верхнюю одежду составляет плотно облегающий кафтан, концы рукавов которого отторочены. Шею украшает гривна, в левом ухе серьга с каплевидной подвеской. Персонаж усатый, концы усов согнуты вниз. Волосы зачесаны вверх. Головным убором является остроконечный шлем (верхний край

¹ Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 271, рис. 164.

² Беленицкий А. М. Из археологических работ в Пянджикенте в 1951 г. // Советская археология. № 18. М.: Из-во АН СССР, 1953. С. 339, рис. 9(б).

³ Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 264-265, рис. 157.

⁴ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 198, № 492.

⁵ Там же. С. 197, № 489.

отбит). Находка фигурок всадников из согдийских городищ явление нередкое¹.

12. Фигура юноши в арке, украшенной кружками². В левой руке персонажа находится кифара, какой-то предмет типа шарфа имеется в полусогнутой в локте правой руке (рис. 2.2.8, 1). Одежда плотно облегающая. Рукава двойные, короткие рукава образуют выше локтя густые сборки, длинные – оканчиваются у запястья манжетами. Шею украшает ожерелье. На плечи наброшен плащ, края которого соединены вместе на уровне груди фибулой. Головной убор имеет вид короны с развернутыми крыльями по краям. От обруча короны вправо развевается лента с шаровидным узелком. Высокая прическа образует витые кудри, свисающие по правой щеке.

Другая такая плакетка сохранилась на Афрасиабе³.

13. Терракотовые плакетки (2 шт.), рельефно изображают сидящее божество⁴. На голову надета корона с лентами и крыльями, посередине украшена полумесяцем, охватывающим два диска (рис. 2.2.8, 2). На ушах крупные серьги. Грудь прикрыта плащом, концы которого скреплены фибулой. На правой сильно согнутой руке находится лук. В левой руке лира, установленная на левое колено. К поясу подвешен меч с длинной ручкой. Персонаж сидит троне, раздвинув колени. Обут в сапоги с высокими голенищами с отворотами. Колени широко расставлены, но пятки сведены вместе. С двух сторон трона – протомы слонов.

В. А. Мешкерис называет его царственным музыкантом⁵. Персонаж может представлять образ согдийского бога Адбаг, который подобен индийскому божеству Индра.

¹ Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 212-213.

² Там же. С. 244-246.

³ Веселовский Н. Греческие изображения на туркестанских оссуариях. С. 64.

⁴ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 198, № 490.

⁵ Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 263-264.

В Пенджикенте, а также на Афрасиабе, сохранились и другие статуэтки Адбага, но уже с кифарой вместо лиры. Они датируются более ранним периодом (VI в.).

14. Плакетка с изображением персонажа греко-бактрийского типа¹. Верхний край лица обрамляет толстый валик волос (рис. 2.2.8, 3). Головной убор в виде шапочки (верхний край не сохранился). На ушах серьги с двумя шариками. Фигурка размещена в храмовую нишу, пята арки которой опирается на капитель колонки. Изображение оттиснуто штампом. Иконография соответствует греко-бактрийской традиции.

15. Плакетка с изображением богини в короне с тремя округлыми зубцами (рис. 2.2.9, 1). Лицо полнощекое и одутловатое. Нос большой, широкий, глаза большие и выпуклые, веки показаны рельефом. Условно трактованные руки отделяются от тела. Грудь обозначены, но не отчетливо. Торс несколько изогнут².

16. Терракотовая плакетка мужского божества с трезубцем в руке (рис. 2.2.9, 2). Божество представлено стоящим и в богатом одеянии. Композиция заключена в храмовую нишу с арочным верхом. Изображение получено штамповкой. Глаза показаны углубленными точками по сырой глине. Черты лица стерты, но облик больше напоминает демона³.

17. Плитка с отштампованным изображением женщины-воина под стрельчатой аркой (рис. 2.2.9, 3). В левой руке копье, острие которого оформлено в виде бутона цветка. Кисть этой руки прижимает копье сразу под острием и расположена на уровне подбородка. Горловина одежды подтреугольной формы и окантована тесемкой. На голове высокая корона, которую венчает полумесяц концами вверх. Остов короны по направлению к верху сужается конусообразно. В левом ухе имеется серьга с каплевидной

¹ Там же. С. 267-268, рис. 161.

² Там же. С. 275-276, рис. 170(2).

³ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 199-200, № 495.

подвеской. Овальное лицо обрамлено двумя рядами завитков волос. Черты лица трактованы условно¹.

18. От плакетки сохранился лишь участок с изображением торса (рис. 2.2.9, 4). Узкая талия переходит в не очень широкие бедра. Руки расставлены, кисти отведены в стороны. Горловина одежды треугольная. На груди кулон в виде многолепестковой розетки². Трактовка образа не представляется возможным.

19. На терракотовой плакетке (размер фрагмента - 7 x 7 см) изображен персонажа с расставленными “в кушанскую” позу ногами³. По краям идет бортик, украшенный рядом кружочков (рис. 2.2.10). Ряд элементов (горизонтальное основание, на котором стоит персонаж, расставленные ноги, расположение сохранившейся правой руки, полукружия, обозначающие завязываемый узел) сближает это произведение с фигуркой Сроша (пенджикентский образец 3). Вместе с тем, есть и отличия: кружочек между стопами ног, вертикальные складки по низу подола вместо горизонтальной полосы на образце 3.

20. Фрагмент терракотовой плакетки (рис. 2.2.11, 1), содержащей рельефное изображение фигурки с симметрично расставленными ногами в сапогах⁴. Положение ног, длина и форма нижней части кафтана сближает плакетку с образцами Пж-4 и Пж-5.

21. Сохранившийся в Пенджикенте, терракотовый образец (рис. 2.2.11, 2) показывает часть мужской фигуры⁵. Как отмечает Т.К. Мкртычев, предмет в его левой руке является ваджрой (пучок молний), следовательно, образец показывает образ буддийского персонажа Ваджрапани. Он же примечает, что

¹ Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 254-255, рис. 148(1).

² Там же. С. 275-276, рис. 170(2).

³ Курбанов Ш. Ф. Раскопки объекта ХХХ в 2018 году // МПАЭ. Вып. 23. С. 33, ил. 135(1)

⁴ Пулатов А. Г. Раскопки объекта VI-C в 2019 г. С. 7, ил. 37(2)

⁵ Маршак Б. И., Распопова В. И., Шкода В. Г. Раскопки древнего Пенджикента в 1996 г. // Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы пленума ИИМК РАН 28-30 апреля 1997 г. СПб., 1997. С. 44, рис. 6.

персонаж заключен в рамку, характерную для согдийских плакеток, значит, терракота имеет местное происхождение¹.

Персонаж облачен в пеструю одежду, украшенную точечным орнаментом. Не шее ожерелье с длинной каплевидной подвеской.

С другой стороны, не исключено, что атрибутом здесь служит не пучок молний, а связка барсома. В таком случае, можно говорить о принадлежности изображенного персонажа к зороастрийской культуре.

22. От плакетки сохранилась срединная часть, участки с изображениями головы и ног отбиты(рис. 2.2.12, 1). Верхнюю одежду составляет плотно облегающий кафтан с длинными рукавами. Края бортов кафтана оторочены выпуклой тесьмой. Длинные рукава образуют густые складки на участке выше локтей. Шею украшает ожерелье, на груди кольцо с фигурной подвеской - круглый медальон с бусинами по краям. Левая рука, возможно, придерживает край расстегнутого кафтана. Пояс завязан под верхней одеждой².

23. Грубо исполненная глинянная объемная скульптура без обжига из храма 1 Пенджикента изображает мужчину в сидячей позе (рис. 2.2.12, 2). Она была помещена внутри специальной округлой ямочки, обмазанной сверху глиной. Фигурка до захоронения была специально испорчена. У нее срезаны голова, кисть левой руки, часть левого бедра. Следы от удара острым предметом есть и на левой стороне живота. Причина нанесения физического ущерба статуэтке не выяснена³.

24. Фрагмент терракотовой статуэтки из цитадели(рис. 2.2.12, 3). А.И. Исаков считает, что в сохранившейся части представлен, опущенный с шеи, шарф, который на уровне локтей расходится на две стороны. В то же время, изображение больше похоже на нижние края полубортов кафтана. Если

¹Мкртычев Т. К. Буддийская терракота. С. 195.

²Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 265-266, рис. 158(1).

³Маршак Б. И., Распопова В. И., Шкода В. Г. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1987 г. // АРТ. Вып. 33. Душанбе, 2009. С. 305, рис. 6.

верно наше предположение, тогда фигурка показывала персонаж в кафтане, из-под которого выступает платье или поясная одежда¹.

25. На терракотовой плитке изображена женщина-воин², которая опущенной правой рукой держит рукоятку меча (рис. 2.2.12,4). Ее левая рука полусогнута в локте, поднята и опирается на локте. Фигурками разных очертаний в виде углубленных ячеек показаны пластины панциря, плотно облегающего тело. На шее ожерелье – бусины, нанизанные на нитку. Фигура женщины была размещена в арочную нишу. Пята арки опирается на кариатиду – возможно, фигурку обезьяны, держащей кувшин. Фрагментарно подобная плакетка также сохранилась на Афрасиабе³.

26. Терракотовая головка изображает лицо и частично шею молодой женщины, прическа которой впереди образует короткие и густые локоны, спускающиеся на лоб (рис. 2.2.13, 1). Волосы над лбом перетянуты широкой тесьмой, застежка которой располагается ровно посередине лба. Длинные тонкие брови показаны полукругиями, более характерными для индийского изобразительного искусства. Темные глаза и полуоткрытый рот выражают ощущение страсти⁴.

27. От терракотовой плакетки сохранился лишь фрагмент короны, венчающей голову персонажа, который изображен внутри арки⁵. Арка украшена цепочкой медальонов (рис. 2.2.13, 2). Верхняя часть короны оформлена в виде листьев и подобна короне на фигурке № 27 из этого же городища. Учитывая представленную форму и декор короны в сохранившемся виде, образ на плакетке должен был соответствовать персонажам греко-буддийского типа.

28. В стрельчатой арке помещено изображение лица молодого человека (юноши или девушки), который носит корону из трех листьев, причем

¹Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. С. 99-100; Тереножкин А. И. Раскопки в кухендизе Пенджикента. С. 13, рис. 42.

²Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 272-273, рис. 166.

³Там же.

⁴Мартынова А. И. Археология. Цв. вкл. 64.

⁵ Там же. С. 184.

каждый лист трехлопастный (рис. 2.2.13, 3). Из-под короны волосы выступают рядом коротких густых локонов, как и у персонажа, изображение которого было описано выше. Выше короны волосы собраны в коримбос, наподобие прически сасанидских царей¹.

Определенная схожесть отмечается при сравнении с афрасиабскими образцами, головной убор которых принято обозначать как «крылатая корона»².

29. Терракотовая плакетка, от которой сохранилась лишь головка персонажа с пышной прической и короной³. Верх короны разработан в виде трех закругленных выступов (рис. 2.2.13, 4). Фигура персонажа размещена в стрельчатую арку. Стертость изображения не позволяет выявить тонкости в декоре головного убора (короны) или прически. Подобные терракотовые головки имеются и афрасиабской коллекции, их принято относить к персонажам греко-буддийского типа.

При рассмотрении аналогий также заслуживают внимания две терракоты, однако не плакетки, а статуэтки⁴, найденные в Шортепе (Южный Согд). Они изображают один и тот же персонаж, хотя отформованы разными штампами. Владетельная особа представлена в такой же короне с тремя закругленными выступами. Левой рукой мужчина опирается на рукоять меча, вертикально поставленную на землю. Ноги сведены вместе. Согнутая правая рука отломана в локте, вероятно она была приподнята. Подобие отмечается и в чертах лица: большие округлые глаза, полные щеки, массивный подбородок.

30. Головка персонажа с пышной прической эллинистического характера под головным убором (рис. 2.2.14, 1). Головной убор украшен

¹Маршак Б. И., Распопова В. И., Шкода В. Г. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1990 г. // АРТ. Вып. 31. Душанбе, 2007. С. 226; Беленицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пенджикента (в 1953 г.) // КСИИМК. Вып. 60. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 89-90.

²Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 184, рис. 86(5).

³Там же. Рис. 86(6).

⁴Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III - VI вв. (По материалам исследований в зоне Чимкурганского водохранилища). Ташкент: Фан, 1981. С. 100-101, рис. 51.

лентами, спускающимися в виде стрельчатой арки. Завитые кудри волос обрамляют лицо с трех сторон. Прекрасное качество оттиска, отчетливо показывающее овал лица, дуги бровей, рельеф глаз и гордый взгляд персонажа. Участок носа и рта стерт. Голова была посажена на длинную шею. Выполнена одним и тем же штампом, что и пенджикентский образок 35. А. М. Беленицкий и Б. И. Маршак видят в изображении образ богини, тип головного убора характеризуют как “шлем Афины” и датируют статуэтку VI вв.¹ В свою очередь, В. А. Мешкерис, хотя соглашается с раннесредневековой датировкой, но указывает на лицо персонажа, напоминающее тип “Александра” и идентифицирует образ как курчавый “Эфеб”. По ее словам, пропорции лица близки нормам античной пластики, но овал лица несколько преувеличен, черты лица тонкие и мягкие. Фрагменты нескольких таких статуэток сохранились в Афрасиабе, они также фигурируют в фондах ряда музеев. На образцах, в которых фигурка представлена более полно, в глаза бросается несоответствие в тонкой моделировке лица (оттиснуто в штампе) и грубом выполнении туловища с широко и непропорционально расставленными круто согнутыми руками².

31. Терракотовая статуэтка мужчины-буддиста, найденная в холмах близ селения Новичумок г. Пенджикента (рис. 2.2.14, 2). Нижняя часть фигурки отломана, зато хорошо сохранились голова и грудь. Высота целой части 6,5 см, ширина по уровню плеч - 3 см. Терракота изготовлена путем формовки на матрице и подвержена последующему обжигу³.

Аналогиями являются 7 статуэток из Афрасиаба с прической “греко-буддийского” типа, которые изображают юного бодисатву⁴.

¹ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 200, № 497.

² Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 176-177.

³ В Пенджикенте нашли терракоту с изображением мужчины-буддиста 5-8 веков / Avesta.Tj. 16.03.2018.

⁴ Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 181.

32. Мужская головка (рис. 2.2.14, 3). Она находит аналоги среди хотанских терракотовых статуэток, исходя из чего названа “типично хотанской” и “бесспорно восточно-туркестанской”¹.

33. От фигурки сохранилась лишь головка (рис. 2.2.15, 1). Археологи, обнаружившие находку, назвали ее “эллинистической головкой” типа “Александра”². Круглое лицо обрамляют кучерявые кудри. Дугообразные брови сходятся на переносице и плавно переходят в горбатый нос. Широкие миндалевидными глаза переданы весьма выразительными. На голове персонажа корона, которую впереди украшает дисковидная фигура, возможно, полумесяц с кругом посередине. С двух сторон этой эмблемы изображены формы, напоминающие опущенные крылья³.

34. Сохранившийся верхний край терракотовой плакетки, на которой изображена часть крылатой короны (рис. 2.2.15, 2). Корону венчают символы луны и солнца. Образец оттиснуть тем же штампом, что и божество (Адбаг) с кифарой⁴.

35. От плакетки сохранился только верхний край с изображением головы богини в головном уборе, известном как «шлем Афины» (рис. 2.2.16, 1). Предмет, расположенный слева от богини, напоминает знамя, но не исключено, что это - острие копья. В таком случае, изображенный персонаж – женщина-воин («амазонка»)⁵.

Изображение помещено в храмовую нишу с треугольным верхом. Головка выполнена тем же штампом, что и пенджикентская статуэтка 30.

Иконографически персонаж близок к образу центрального персонажа композиции, изображенной в живописи Дильберджина (помещение 12), хотя в вопросе его идентификации (богиня, правитель во время коронавания)

¹Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1977 г. С. 204-205, рис. 5.

²Лурье П. Б., Паршутто В. А., Курбанов Ш. Ф. Раскопки объекта XI-B в 2018 году. // МПАЭ. Вып. 23. С. 24, ил. 90(4)

³ Описание автора.

⁴Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 198, № 491.

⁵ Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 254-255, рис. 148(1а).

имеются расхождения во мнениях. Головной убор персонажа представляет собой нечто среднее между шлемом и тюрбаном, от его нижних краев отходят в стороны две черные кисточки. По плечам из-под шлема-тюрбана спускаются две волнистые косы¹. Терракота из Тали-Барзу 4 является другим аналогом рассматриваемой головке².

Лепные фигурки-гротески. В Пенджикенте, как и на других согдийских раннесредневековых городищах (Афрасиаб, Варахша, Кафыркала, Тали-Барзу) сохранились отдельные лепные статуэтки, не соответствующие определенным иконографическим типам. К этой группе относятся образцы, найденные в помещении XII (№№ XII-1-34, XII-31, XII-32). Они изображают уродцев – персонажей с деформированными головками (всадника, бородатого мужчины, антропоморфного персонажа с крыльями)³.

Антропоморфные изображения на керамических изделиях (сосудах и оссуариях). На городище древнего Пенджикента найдено несколько фрагментов керамических сосудов, представляющих собой часть ниже венчика, на которых с помощью штампа изображены человеческие головы.

1. Изображение напоминает мужское лицо-маску с завитками волос над лбом (рис. 2.2.16, 2). Показаны глаза, нос рот. На лице бороды и усов нет, хотя В.А. Мешкерис не исключает, что у персонажа они имеются⁴.

2. Безбородое лицо в фас и профиль (рис. 2.2.16, 3)⁵.

3. Мужская головка украшена венком из виноградных побегов и листьев⁶. Тонкие брови образуют крутые дуги, лоб высокий (рис. 2.2.17, 1). Зрачки глаз углублены. Длинный тонкий нос характеризуется расширенными крыльями ноздрей. Усы пышные и вислые, борода окладистая. Листья винограда над головой образуют форму короны. Лоб украшает

¹ Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий // Советская археология. М., 1971. № 4. С. 171-175, рис. 13.

² Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 199, № 496.

³ Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 168-173.

⁴ Там же. С. 313, рис. 204(1).

⁵ Там же. С. 313, рис. 204(2).

⁶ Беленицкий А. М. Работы Таджикской археологической экспедиции в 1956 году // КСИИМК. Вып. 73. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 92-98.

многолепестковая розетка, являющаяся, вероятно, деталью головного убора. В.А. Мешкерис видит в этом произведении образ дионисийского персонажа¹.

Такой мотив для местной мелкой скульптуры кануна арабского нашествия больше не встречается, но присутствует в произведениях других областей изобразительного искусства того же Пенджикента. В северном квадратном зале объекта III раскопан фрагмент деревянной плахи, на одной стороне которой выполнена глубокая резьба. Прекрасно выполненный резной орнамент изображает побег виноградной лозы с листьями и гроздьями винограда².

Заметим, что это не единственное изображение винограда и виноградной лозы на находках из древнего Пенджикента. Так, виноградная лоза с листьями также изображена на бронзовых полукруглых пряжках³. Возникает вопрос какое значение имеет изображение винограда и лозы в художественной культуре населения Согда?

Следует отметить, что изображение виноградной лозы достаточно известный сюжет в орнаментике Согда⁴. Изображение винограда и виноградной лозы в художественной культуре Средней Азии объясняется высоким уровнем развития здесь виноделия. Так, в китайских источниках говорится о Согде, где «делаемое здесь виноградное вино во славе»⁵. Слова «виноград» и «лоза» встречаются в санскрите, древнеперсидском и греческом.

Согласно древнеиранской традиции, вино – это лекарь души и тела. У древних иранцев бытовали легенды о происхождении вина и его свойствах. Так, по одной из них, вино вошло в их жизнь при царе Джамшеде. Об одной из легенд о происхождении вина Табари пишет: «Джамшед приготовил

¹ Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 298-299, рис. 191.

² Беленицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пенджикента (в 1953 г.). С. 95-96.

³ Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда М.: Наука, 1980. С. 87.

⁴ Воронина В.Л. Доисламская символика в архитектуре Средней Азии и зарубежного Востока // Архитектурное наследие. 1985. Вып. 33. С. 45-50.

⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. С. 106.

много виноградного сока и разлил его по кувшинам. На следующий день сок забродил и превратил в вино. Сделав глоток, он решил, что заболевает и написал на кувшинах “яд”. Одна из его жен, впадшая в немилость Джемшеда, захотела расстаться с жизнью и выпила из одного из этих кувшинов. выпив несколько глотков, она почувствовала блаженство и радость. Женщина успокоилась, стала веселой и опять понравилась мужу. Она скрыла тайну своей привлекательности, пока Джемшед не обнаружил, что все кувшины пусты. Тогда ей пришлось открыть мужу свой секрет. Джемшед заинтересовался действием ягод. Сделав ещё такого “яду”, попробовал сам, став радостным и довольным»¹.

Виноград начали выращивать со времени перехода к оседлому образу жизни и с развитием земледелия. Уже тогда он становится символом жизни, изобилия и плодородия. У древних греков виноград был персонифицирован с образом бога Диониса, а у римлян – Вакха.

Виноград имеет также и лечебные свойства, о чем говорит Авиценна².

Этнографический материал свидетельствует о том, что у народов Средней Азии виноград является символом счастливого брака. Так, в головном уборе невесты часто встречается изображение винограда и виноградной лозы. В Согдийской области одним из элементов свадебного наряда невесты XX в. входили нагрудные серебряные амулеты треугольной формы – «туморы», украшенные внизу подвеской в виде грозди винограда³.

Таким образом, для населения Согда, как и всей Средней Азии виноград и виноградная лоза являются символом плодородия.

4. Налепная головка богини в короне заключена в кружочек, окантованный перлами (рис. 2.2.17, 2). Ряд таких кружочков образует горизонтальный пояс под венчиком сосуда. Изображение получено оттиском

¹ Ат-Табари М. История посланников и царей. Ташкент: Фан, 1987. С.456.

² Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки: В 5 кн. / Пер. с арабского М. Е. Салье, У. И. Каримова, А. Расулова. Ташкент: Фан, 1979-1982. С.167.

³ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX вв.: Ремесленная промышленность. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962. С. 194.

штампа. Корона богини имеет вид волутообразных завитков. В ушах серьги с длинными подвесками, которые оканчиваются трилистниками. Лицо полнощекое, подбородок округлый. Резко трактованы ассиметричные глаза, веки, брови. Нос и рот переданы внятно. Шея толстая. Подобная иконография обнаружена также в Кафыркале и Афрасиабе¹.

5. На оссуариях из Пенджикента сохранились горельефные изображения крылатой богини с обнаженным торсом (рис. 2.2.17, 3). Груды показаны двумя близко расположенными конусами. Под левой грудью показан какой-то округлый предмет с радиальными полосками, возможно, фрукт. Привлекательное лицо, губы растянуты в улыбке. Прическа – греко-бактрийского типа, волосы широким валиком обрамляют лицо сверху. Головной убор напоминает античный палос. Поверх головного убора показана мощная гирлянда из объемно смоделированных каплевидных листочков. На ушах серьги с крупными каплевидными подвесками. Крылья развернуты и подняты вверх. Они проработаны веероподобными нарезными выступами. Голова оттиснута штампом, крылья, гирлянда и туловище исполнены ручным налепом. Подобные изображения встречаются и на оссуариях из Афрасиаба².

6. В помещении 61 объекта XXVI древнего Пенджикента сохранилась керамическая матрица (рис. 2.2.18) для оттиска головки усатого мужчины для терракоты или оссуария и новые оттиски с нее³.

7. Крупный налеп на керамическом сосуде имеет вид женской головки, головной убор которой напоминает келаф (рис. 2.2.19, 1). Лоб и виски окружают крупные букли волос. Лицо женщины продолговатое, подбородок одутловатый. Миндалевидные глаза выглядят ассиметрично – правый глаз крупнее левого. Зрачки показаны углублениями и расположены под верхними веками. Взгляд, устремленный вверх, выглядит мечтательным.

¹ Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 312-313, рис. 203(1а).

² Там же. С. 304-306, рис. 197.

³ Курбанов Ш. Ф., Пулотов А. Г., Акулов А. Г., Болашенкова Е. А. Раскопки объекта XXVI в 2015 г. // МПАЭ. Вып. 19. СПб., 2016. С. 6, ил. 54.

Длинный прямой нос доходит до рта. В.А. Мешкерис видит в иконографии этого произведения переработку традиций восточного эллинизма¹.

8. Фрагмент терракотового налеса на сосуде изображает женщину с прической греко-бактрийского типа (рис. 2.2.19, 2). Продолговатое лицо женщины слегка наклонено вниз. Брови изображены асимметрично – правая выше левой. Глаза большие, веки полуприкрыты, взгляд устремлен вниз. Нос крупный, с горбинкой. Щеки тучные. Форма рта передает улыбку. На лбу пышный валик волос. От плоского головного убора по бокам спускается покрывало. Подобный налестный образ сохранился и в Афрасиабе².

9. Терракотовое изображение крылатой богини украшало стенку оссуария (рис. 2.2.20). Получено оттиском штампа: голова в горельефе, туловище в рельефе. Крылья изображены гравировкой по сырой глине (процарапание острым инструментом). Персонаж олицетворяет тот же образ, что и пенджикентский образец 5 (богиня со звериными лапами). Хорошо просматриваются детали пышной короны, серьги, часть ожерелья. Корону в середине и по краям венчают трилистники. Основанием короны служит двойной ободок из цепочек перлов. Серьги состоят из шариков и грушевидных подвесок. Черты продолговатого лица плохо просматриваются, ее поверхность сбита. Глаза крупные, вытаращены и выражают экспрессию. Руки, скрестившись на груди, сохранилась левая рука³.

10. Ручной лепкой в обобщенной манере передана фигура воина в кафтане под полукруглой аркой (рис. 2.2.21, 1). Левая рука, полусогнутая в локте, отходит от туловища и кулаком опирается на бедро. Кафтан прилегающего силуэта перетянут на узкой талии поясом. Плечи украшают диски из четырехлепестковых розеток. Шею украшает ожерелье из крупных круглых бусин. Грудь пересекает лента, идущая по диагонали слева направо.

¹ Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 289.

² Там же. С. 288.

³ Там же. С. 304-305, рис. 196.

Расходящиеся широко, полы кафтана подчеркивают его кушанский тип. Отдельные его участки декорированы ромбовидной сеткой¹.

Тали Хамтуда (I - IV вв. н.э.). Крепость Тали Хамтуда находится к востоку от сел. Мазори Шариф в Пенджикенте. В завале помещения 5 крепости сохранилась примитивно исполненная терракотовая статуэтка обнаженной женщины в фронтальной позиции². Ее левая рука поднята к груди, правая – находится у лона (рис. 2.2.21, 2). Во многих деталях тела наблюдается нарушение пропорций. Так, руки, как и ноги, слишком короткие. Фигура чересчур приземистая. Шея короткая и толстая. На левой руке показаны лишь четыре пальца. Очень низкий лоб, брови показаны до висков. Лицо округлое, глаза большие, миндалевидные, показаны даже зрачки, нос прямой, рот маленький, подбородок выпуклый. Руки персонажа соответствуют жесту “Венеры стыдливой”.

Аналогиями являются образцы из Афрасиаба (3 шт.), на которых, однако, к груди поднята правая рука. В.А. Мешкерис выявляет в них образ богини-матери³.

Калаи Кахкаха 1. (VI- IX вв.). Городище Калаи Кахкаха, представляет собой руины города Бунджикат (в пределах современного поселка Шахристон) – столицы средневековой Уструшаны. Среди материалов из Калаи Кахкаха 1 фигурирует также фрагментированная терракота⁴.

Терракотовая головка представляет собой уцелевшую часть женской статуэтки (рис. 2.2.21, 3). У персонажа брови, сросшиеся на переносице. Румянцы на щеках обозначены рельефом. Богато оформленный головной убор напоминает русский кокошник. На участке лба он перехвачен тесьмой, которую по длине украшает стебель с двулистиками. В декоре головного убора участвуют астральные элементы, вероятно, месяц, заключенный

¹ Там же. С. 299-300, рис. 192.

² Курбанов Ш. Ф. Тали Хамтуда. С. 167, 169, рис. 8(1).

³ Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 95-96, рис. 6(1).

⁴ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 197, № 486. С. 259-260.

внутри солнца, от которого во все направления исходят лучи, а также кружочки с точками посередине. На ушах серьги с подвесками¹.

Холикназар (III–II вв. до н.э.). В развалинах этого замка, который располагался на обрывистом берегу Магиандарьи, найдены две терракоты.

1. Сохранившаяся фрагментарно в помещении 1 глиняная штампованная головка имеет сложную прическу (рис. 2.2.22, 1). Разрез глаз - округленный, нос прямой, рот приоткрыт.

2. Статуэтка высотой 12 см из помещения 3 вырезана из мягкого алебаstra. На голове персонажа имеется низкая остроконечная шапка. Края миндалевидных разрезов глаз дотянуты до висков. Широкий, но неглубоким надрезом голова фигурки отделена от плеч. Такой же надрез показывает низ плечевой одежды, подол полубортов которой от середины переда к бокам прямолинейно удлиняется. Ноги разделены, но сохранились до колен. Руки не изображены. Статуэтка стилистически больше похожа на идола².

Мугтепа (античность; раннее средневековье; позднее средневековье). Крепость Мугтепа находится на естественном возвышении в пределах г. Истаравшан³.

1. Терракотовый идольчик схематично изображает человека во весь рост (рис. 2.2.22, 2). Голова вылеплена плоско, лоб не отмечен. Брови виде прямолинейных отрезков, овальные глаза со зрачками и круглый нос показаны налепами. Под носом прочерчен маленький рот. Туловище по высоте примерно равно голове, руки и ноги никак не обозначены. Аналогией этому произведению может служить скульптурная головка из ферганского городища Шурабашат⁴.

¹ Малаева З. А. О раскопках на объектах VII и VIII Калаи КахкахаI в 1977-1979 гг. // АРТ. Вып. 19 (1979 г.). Душанбе: Дониш, 1986. С. 401, рис. 1(1).

² Исаков А. Работы Косатарошского отряда в 1975 г. // АРТ. Вып. 15 (1975 г.). Душанбе, 1980. С. 258-259, рис. 4.

³ Раскопки в 1950 - 1970-х годах выполнены СТАКЭ по руководством Е. Д. Салтовской, затем продолжены Н. Т. Рахимовым.

⁴ Ранов В. А., Салтовская В. А. О работах Уратюбинского отряда в 1959 г. // АРТ. Вып. 7 (1959 г.). Душанбе, 1961. С. 120, рис. 10(2).

2. Терракотовый идолчик изображает нагого мужчину во весь рост (рис. 2.2.22, 3). Голова показана треугольником острием вниз. Глаза наклеены овалами. Налепной нос за щипом приобрел форму клюва. Овальное углубление сразу под носом обозначает рот. Налепной фаллос ниже пояса указывает на пол персонажа. Изначально были обозначены и конечности, однако в сохранившемся виде они отбиты. В целом, изображение схематичное. Так, высота головы в два раза превышает размер торса¹.

3. Под стеной одного из помещений крепости был спрятан миниатюрный терракотовый идол из красной глины, изображающий человеческую голову (рис. 2.2.22, 3). Лобная часть скошена и удлинена, на лице рельефом показаны брови и нос, рот и глаза углублены, на ушах отверстия для украшений. Лицевая часть покрыта тонким слоем ганча, рот подчеркнут красной краской. Представленный облик находит соответствие в глиняных фигурках из усадьбы Кайрагач (Лайлакский район Ошской обл.)². Кайрагачские глиняные статуэтки являются портретными изображениями мужчин и обнаружены в храме идолов усадьбы³.

Таким образом, исследование 52 терракот показало наличие следующих персонажей в согдийской терракоте из Таджикистана: Будда; мужчина-буддист (Ваджрапани); Дед-Земледелец; бог (Вашагн) на троне в виде верблюда; Срош, завязывающий пояс; бог с трезубцем; сидящий бог с лирой (Адбаг); сидящий бог с кифарой; барабанщик; сидящий мужчина (сырая глина); мужчина, сидящий со скрещенными ногами (бог достатка); всадник; богиня - покровитель прядения (Биби-Сешанбе); богиня со звериными лапами; богиня, сидящая на льве (Нана); обнаженная богиня с жестом “Венеры стыдливой”.

¹ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. С. 120, № 334.

² Негматов Н. Н. Некоторые итоги и перспективы археологии Северного Таджикистана в связи с созданием СТАКЭ. Краткие результаты работ 1974 г. // АРТ. Вып. 14 (1974 г.). Душанбе: Дониш, 1979. С. 332, рис. 1.

³ Якубов Ю., Гарифулина З. Работы Верхнезерафшанского археологического отряда на Наврузшах Пв 1986 г. // АРТ. Вып. 26 (1986 г.). Душанбе. Худжанд, 2005. С. 465-466.

В Согде, как и других регионах Центральной Азии, искусство изготовления и культура почитания терракотовых статуэток возродились в конце IV-III вв. до н.э. под влиянием эллинизма. До этого прошло много веков, когда традиции короластики эпохи бронзы были практически полностью прерваны. Это связано, возможно, с тем, что зороастризм, в частности его среднеазиатское течение, не одобрял идолопоклонство. В «Гатах» Ахура-Мазда представлен в качестве абстрактного (духовного, отвлеченного) бога, а не телесного (физического, плотского)¹.

Искусство терракотовой пластики, возродившееся вновь уже в античности, опять же отдавало предпочтение женским образам.

Широко распространились образцы, отвечающие нормам эллинистической иконографии. Сохранилось немало мужских головок, истоки которых восходят к иконографическому образу Александра Македонского (например, пенджикентские статуэтки №№ 30 и 31)².

Эллинистические традиции в согдийской короластике сохранились вплоть до V в. н.э. Примером может служить образ богини в эллинистическом наряде, в руках которой имеется плод или ветвь, иногда прижатое к груди зеркало.

В IV в. происходят изменения в технике изготовления статуэток музыкантов. Если в эпоху античности их изготавливали целиком формованием в матрице, теперь матрица применяется только для получения головки эллинизированного типа. Туловище и инструмент на руках лепятся от руки, причем зачастую точное определение вида музыкального инструмента не представляется возможным. Иногда нет возможности для однозначного утверждения о том, что статуэтка действительно изображает музыканта. С таким же успехом можно говорить про образ всадника. Сведенные на уровне

¹ Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н.э.). С. 246.

² Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 176-177.

живота руки держат не то барабан, не то узду лошади (например, пенджикенская статуэтка № 4)¹.

В V в. число иконографических изображений еще более увеличивается. К числу новых образов можно причислить, к примеру, статуэтки и образки обнаженных женщин и мужчин. Можно вести речь об избытии образов, в чем отражаются весь спектр верований согдийского общества и их культовые ритуалы.

Анализ показывает, что в терракотовой пластике не нашли отражение все культовые персонажи, отмеченные в монументальной живописи Согда. Этот момент позволил Б.И. Маршаку выдвинуть предположение о том, что в местная коропластика изображает пантеон второстепенных божеств, а именно тех богов и богин, которые были призваны защищать хозяев этих статуэток в повседневной жизни. Примером является пенджикентская статуэтка № 8, несущая образ покровительницы прядильного ремесла. Другая часть терракотовых фигурок изображала популярных героев, третья – служила детскими игрушками (например, всадники)².

Согласно современному представлению, причиной избытия антропоморфных изображений в Согде V-VI вв. послужила необходимость для местной религии успешно конкурировать с буддизмом и манихейством. В этом заключается, в частности, отличие согдийского зороастризма от канонизированного иранского. В ходе этой конкурентной борьбы, сложилась местная культовая иконография, которая восприняла в себя немало иноземных элементов. Дело в том, что до V в. общество в Согде не имело выработанного представления о зримом облике богов. Если в V-VI вв. наблюдается бурный рост иконографических заимствований, то в последующих VII - начале VIII вв. согдийцы стремятся придерживаться иконографических принципов уже сформировавшейся здесь художественной школы.

¹ Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. С. 99-100, рис. 26; Тереножкин А. И. Раскопки в кухендизе Пенджикента. С. 92.

² Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. С. 190-191.

VI в. – период, когда в Согде большой популярностью пользуются терракотовые образки, на которых в рельефе показаны боги и богини в храмовой нише. Речь идет о плакетках, которые Н.Д. Двуреченская называет плиткой с рельефом или статуэтками (иконографическими образами) с фоном¹.

На статуэтках без фона изображены те же образы, что и на плакетках, но уже без храмовой ниши. Это означает, что как статуэтки, так и образки служили миниатюрными копиями статуй, установленных в храмах. Копиями, которые служили для массового использования, в том числе для поклонения им населением в своих домах. Кроме того, произведения коропластики копировали образы, запечатленные в настенной живописи и художественном дереве. К ним относятся, в частности, пенджикентские образы бога, восседающего на троне в виде верблюда или богини Наны, сидящей на льве².

Образ юного бога, сидящего на троне – весьма популярная тема для согдийского изобразительного искусства. Она представлена в настенной живописи Пенджикента, Афрасиаба (чета богов)³, Варахши⁴, в декоре согдийского серебряного кувшина⁵. В этих произведениях культ верблюда подчеркивается и за счет дополнительных атрибутов – фигурка верблюда в руках бога (пенджикентская терракота⁶, роспись Афрасиаба), композиция на ножке алтаря и крылатый верблюд в живописи Варахши и т.д. К сожалению, отбитая верхняя половина плакетки не позволяет выяснить полный облик героини композиции со львом – число рук, тип головного убора, украшения, атрибуты. В настенной росписи Пенджикента, как и Бунджиката, Нана

¹ Двуреченская Н.Д. Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н.э. – IV в. н.э. (археологический аспект). С. 6.

² Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. С. 177.

³ Беленицкий А. М., Маршак Б.И. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 г. С. 61-62.

⁴ Шишкин В. А. Варахша. Опыт исторического исследования. Табл. 14-15.

⁵ Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной тюревтике. Табл. 7.

⁶ Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. Кат. № 493; Маршак Б. И. Боги, демоны и герои пенджикентской живописи // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.: Гос. Эрмитаж, 1989. С. 119.

представлена четырехрукой, в руках у нее символы солнца и луны, а также булава. Кисть четвертой руки сложена в знаке жеста¹.

Приведенные примеры достаточно убедительно показывают заимствование в терракотовом искусстве Согда сюжетов, представленных в местной живописи. Очевидно, источником заимствования служила и монументальная скульптура.

Образ чудовища в женском облике со звериными лапами на руках и ногах, который стоит, скрестив руки на груди, представлен, как на образках, так и в декоре стенки оссуария из Пенджикента. Этот образ перекликается с иконографией античных «сирен», а также демонов, представленных в вавилонском искусстве. В этом образе отражается представление согдийцев о возможности использования демонов в качестве оберега от влияния недобрых сил. С другой стороны, фигура этой женщины-чудовища пенджикентцами заключена в храмовую нишу, ее поза - покорная, на голову надета роскошная корона. Тем самым она возведена в ранг богини. Это, очевидно, знак того, что согдийцами данный образ возвеличен до статуса культового².

Иконография богов оказала влияние и на образ покровителя урожая - Духа урожая. Его терракотовая фигурка также размещается в храмовую нишу, голову украшает не то корона, не то диадема с астральной символикой и декоративными лентами³. Дальнейшее развитие его иконографии - наличие трона, нимб вокруг головы, языки пламени над плечами - образ, представленный в настенной росписи помещения 28 объекта XXV Пенджикентского городища (сцена увоза зерна с гумна)⁴.

Примечательным является также представленный в терракотовой пластике Пенджикента образ Адбага - божества с лирой или кифарой,

¹ Дьяконова Н. В., Смирнова О. И. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде // СА. 1967. № 1. С. 74-83.

² Мешкерис В. А. Согдийская терракота. С. 258-259, 304-305, рис. 152, 196.

³ Маршак Б. И., Распопова В. И. Два терракотовых образка из Пенджикента. С. 95-102.

⁴ Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийское изображение Деда-Земледельца. С. 108-118.

восседающего на троне с протомами слонов. Изучение памятников манихейской письменности из Согда, согдийские манихейцы такое название присвоили Первочеловеку, т.е. Хурмузду (Ахуре-Мазде), как назвал Первочеловека Мани. Собственно, название это означает «верховный бог, высшее божество»¹.

Терракотовые изображения VII – начала VIII вв. отличаются от произведений предыдущего периода своим содержанием. Резко сокращаются, если не сказать, что вовсе исчезли изображения божеств. Взамен этого распространение получили фигурки всадников, сделанные комбинированным способом. Лошадка вылеплена вручную, зато фигура всадника, восседающего на нем, получена штамповкой. По сути, такие изображения в Согде встречались и прежде, однако начиная с VII вв. они стали особенно массовыми. Очевидно, нет оснований считать их культовыми предметами. Вероятно, согдийские горожане стали отказываться от наличия у себя в домах терракотовых статуэток богов и образков, отдавая предпочтение их живописным изображениям².

Среди статуэток нет образцов, показывающих весьма популярный в Согде образ богини Анахиты, во всяком случае, наряженной. Ее канонизированный культовый образ предусматривает наличие высоко (под грудями) повязанного пояса. Хотя иконография Анахиты предусматривает также ее изображение в виде нагой богини, статуэтка которой сохранилась в Тали Хамтуда.

Отдельные терракоты имеют буддийское содержание. Их происхождение можно связать с проникновением буддизма из Китая. По сообщению М. Наршахи, это произошло по время правления в Бухаре царя, основавшего Рамитан и Варахшу. Когда тот женился на китайской принцессе, из Китая привезли и установили в Рамитане пагоду с идолами³.

¹ Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. С. 181.

² Там же. С. 179.

³ Наршахи М. История Бухары. С. 14.

В канун нашествия арабов капище идолов функционировало и в пределах крепости Бухары. Его Кутейба превратил первую в городе пятничную мечеть¹. Скорее всего, установленные внутри этих буддийских святилищ идолы являлись произведениями монументального искусства, т.е. объемными скульптурами значительных размеров. Это мнение подтверждается рассказом, приведенным опять же в “Истории Бухары” применительно к завоеванию Кутейбой Пайкенда – города на западе Бухарского оазиса. Якобы арабы нашли здесь внутри капища серебряный идол весом в четыре тысячи дирамов². Вместе с тем, жители, принявшие буддизм, стремились иметь дома мелкие копии изображения, в том числе терракотовые, Будды и других персонажей этой религии.

Согласно Табари, в момент вторжения в Самарканд арабов здесь функционировал роскошный дворец с расположенными внутри него идолами. Разрушение идолов позволило собрать 212 кг (50 тысяч мискалей) золота³. Ал-Балазури подтверждает, что арабы вынесли из капищ Самарканда идолов и после снятия с них драгоценностей и украшений сожгли⁴. Также 50 тысяч мискалей составлял вес идола из бухарского селения Сабускет. Зрачки глаз этого идола были инкрустированы большими жемчугами⁵. Арабский историк X в. Ибн Надим пишет, что в столице Мавераннахра (вероятно в Бухаре) своими глазами видел золотого идола, сидящего на троне.

Из Пайкенда арабы наряду с многочисленными золотыми и серебряными кубками вывезли также серебряный идол весом 4 тысячи дирхемов. Китайские памятники письменности сообщают об идоле высотой 10,5, который стоял на башне в селении Иштихан Самаркандского Согда. Увидев идол люди еще издали начинали кланяться. Ежедневно в честь этого идола жертвовались пять верблюдов, десять лошадей и сто овец.

¹ Там же. С. 63.

² Там же. С. 14.

³ Абуали Мухаммад Ибн Мухаммади Балами. История Табари. С. 1278.

⁴ Балазури А. Завоевание Хорасана (Извлечение из сочинения “Футух ал-булдан”) (тадж.). Душанбе: Дониш, 1987. С. 29.

⁵ Абуали Мухаммад Ибн Мухаммади Балами. История Табари. С. 1262.

Идолопоклонство было распространено и в горных районах Согда. Ал-Балазури пишет, что арабы завоевав Буттам (в верховьях Зеравшана) вывезли большое количество золотых статуй богов. Итак, буддизм и идолопоклонство в пределах Согда, во всяком случае, его Бухарского и Самаркандского частей, имели широкую географию распространения. Вместе с тем, выводы ряда известных ученых, исследовавших историю культуры этого региона, сводятся к тому, что буддизм (как и эллинизм) не имел в Согде устойчивой основы¹.

В целом, согдийская терракота античности и раннего средневековья охватывает образы, имеющие отношение ко многим религиям и верованиям, а также этно-социальным культурам. Прежде всего, наблюдается влияние зороастризма. Согдийская терракота отличается зрелостью местной художественной школы со сформированными традициями канонизации образов, их завершенностью и выразительностью. В произведениях согдийской коропластики, помимо персонажей религиозного культа, широко представлены местные образы, такие как Дед-земледелец и музыкант.

¹ Мешкерис В. А. Среднеазиатские школы коропластики в кушанскую эпоху // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 363.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог исследованию образов на терракотах Бактрии-Тохаристана и Согда можно сделать следующие выводы:

- Археологические материалы с территории Таджикистана показывают, что в пределах Бактрии и Согда искусство антропоморфной пластики, зародившись не позднее неолита, достигло более развитого состояния в эпоху бронзы. Основное назначение статуэток неолита и эпохи бронзы – использование в качестве предметов культа, погребального инвентаря. Характерный признак сохранившихся произведений терракотовой пластики – намеренная поломка перед тем, как положить в могилу.

- Древнейшее искусство короластики после некоторого спада в эпоху раннего железа вновь возрождается в эпоху античности под влиянием культуры эллинизма и получает дальнейшее развитие в последующий период вплоть до распространения ислама.

- Большинство образов терракот Бактрии-Тохаристана и Согда формировались в земледельческой среде еще в эпоху бронзы одновременно с зарождением зороастрийской религии. И в дальнейшем зороастризм продолжал играть важную роль в духовной жизни древних иранцев, в том числе и предков таджиков, о чем свидетельствуют образы терракот Бактрии-Тохаристана и Согда. Следует отметить, что зороастрийские образы преобладают в согдийской терракоте. На наличии в Бактрии-Тохаристане помимо зороастрийских образов, буддийских, греческих, манихейских и др. оказало влияние вхождение Бактрии в эллинистические государства и Кушанское государство, где наблюдается синтез греческой и буддийской культур с местной – бактрийской.

- Склонность культуры местного маздеистического течения к использованию изобразительного искусства способствовало распространению в рассматриваемом историко-географическом регионе произведений антропоморфной терракоты, которая представлена образцами

различных богов и богинь зороастрийского пантеона, в том числе Анахиты, Наны, Вашагна, Сроша, Адбага (Ахуры Мазды).

- Отдельные эллинистические образы, в частности Геракла, Лаокона, лишь подтверждают мнение о создании этой культурой в эпоху античности благоприятных условий для возрождения и развития в регионе искусства коропластики. Многочисленность изображений в сохранившихся фрагментарно артефактах персонажей в эллинистических нарядах (нательная и верхняя одежда, головной убор, прическа) указывает на значительно более широкий круг представленных образов, которые нуждаются в более основательной трактовке.

- Неразрывная связь буддийской культуры с изобразительным искусством (монументальная скульптура, настенная роспись и др.) и разработанные каноны визуальной иконографии буддийских божеств и персонажей нашли свое воплощение и в антропоморфной терракоте. В коропластике Бактрии-Тохаристана и Согда эта религия представлена образами Будды, бодхисатв, в том числе Авалокитешвара и Майтрейи, донаторов и адорантов, природных духов – якш и якшин, митхуны.

- В произведениях антропоморфной терракоты рассматриваемого региона нашла широкое отражение традиция кушанского династического искусства (благорасположение к царскому портрету, возведение правителя в ранг бога). Представленные в статуэтках образы Герая, Канишки, правителей местного масштаба, очевидно, являются маленькими копиями монументальных статуй, служивших предметами культа и деталями архитектурного декора.

- В произведениях бактрийско-тохаристанской и согдийской коропластики, помимо персонажей религиозного культа, широко представлены светские образы – Дед-земледелец, воин, всадник, музыкант. Археологическое происхождение статуэток Деда-земледельца только из Согда не исключает возможности их распространения и в пределах Бактрии, на что указывают материалы этнографической науки.

- Терракотовые статуэтки богов и богиня являются археологическим свидетельством, подтверждающим материалы письменных источников о существовании в Бактрии-Тохаристане и Согде культуры идолопоклонства, проявлениями которой являются ритуалы, совершаемые как в храмах, так и жилищах.

- Терракотовые фигурки представляли собой маленькие копии украшавших храмы и устанавливаемых в открытой местности скульптур богов-идолов, которые будучи тиражированными массово хранились в домах в качестве покровителей семейного очага.

- Отличительная черта бактрийской школы терракотовой пластики - яркое выражение восточного эллинизма. Она вобрала в себя элементы зороастризма, буддизма, кушанского религиозного и династического искусства, а также местной традиционной культуры. Несмотря на синтез элементов всех существующих религиозных воззрений на территории Бактрии-Тохаристана, зороастризм, все-таки преобладает.

- Согдийская терракота характеризуется широким охватом разных религиозных и этно-социальных культур и отличается зрелостью местной художественной школы со сформированными традициями канонизации образов, их завершенностью и выразительностью.

По результатам выполненного исследования автор предлагает следующие **рекомендации** для дальнейшей разработки проблемы:

- требуется работа по реконструкции статуэток и плакеток, которые в большинстве своем сохранились во фрагментированном виде.

- необходимо проведение более глубокого исследования по трактовке представленных образов с учетом того, что зачастую обобщения в этом направлении носят гипотетический характер и, нередко, обоснования выдвинутых предположений выглядят спорными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки: В 5 кн. / Пер. с арабского М.Е. Салье, У.И. Каримова, А.Расулова. Ташкент: Фан, 1979-1982.
2. Абуали Мухаммад Ибн Мухаммади Балами. История Табари (тадж.): В 2-х т. Тегеран, 2001. Т. 1. 824 с.; Т. 2. 817 с.
3. Ат-Табари М. История посланников и царей. Ташкент: Фан, 1987. 432 с.
4. Бируни А. Избранные произведения. Памятники минувших поколений / Пер. и прим. М.А. Салье. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. Т. 1. 516 с.
5. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 327 с.
6. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
7. Зороастрийские тексты. Суждения Духа Разума (Дадестан-и Меног-и храд). Сотворение Основы (Бундахишн) и другие тексты / Издание подг. О. М. Чунаковой. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1997. 352 с.
8. Иакинф (Бичурин Н. Я.). Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851. Т. 2.
9. Кузнецов П. Е. О таджиках Наманганского уезда // Известия Туркестанского отдела ИРГО. Т. 11, вып. 2, ч. 1. Ташкент, 1915. С. 1-25.
10. Кузнецов П. Е. О таджиках Ташкентского уезда (Краткий отчет) // Известия Туркестанского отдела ИРГО. Т.2, вып. 2. Ташкент, 1900. С. 31-51.
11. Наршахи М. История Бухары / Пер. с перс. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897. 124 с.
12. Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы / Под ред. А. Н. Болдырева. М.: Изд-во восточной литературы. 1963. 180 с.
13. Омар Хайям. Трактаты / Пер. Б. А. Розенфельда. М., 1961. 338 с.
14. Пехлевийская «Божественная комедия»: Книга о праведном Виразе (АрдаВиразНемаг) и другие тексты / Введ., транслит. пехл. текстов, пер. и

коммент. О.М. Чунаковой. М.: Изд-во Восточная литература РАН, 2001. 208 с.

15. Рак И.В. Авеста в русских переводах (1861-1996) / Сост., общ.ред., прим., справ. разд. И.В. Рака. - СПб.: Журнал "Нева" – РХГИ, 1997. - 480 с.

16. Фирдоуси. Шах-наме / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути, коммент. А. А. Старикова. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 686 с.; Т. 2. 1960. 650 с.

Исследования

17. Абдуллаев К. Трансформация греческих образов в терракотовой пластике Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 3. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2002. С. 27-36.

18. Абдуллаев К. Эллинистические мотивы в терракотовой пластике Паёнкургона (Северная Бактрия) // ИМКУ. № 30. Самарканд, 1999. С. 126-132.

19. Абдуллаев К., Бердимуратов А. Античные сюжеты в раннесредневековой глиптике Согда по буллам городища Кафыркала под Самаркандом // Материалы по античной культуре Узбекистана. Самарканд, 2005. С. 25-32.

20. Аванесова Н. А. Бустон VI - некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: Изд. МИЦАИ, 2013. 502 с.

21. Адылов Ш. Т. О короппластике Бухарского Согда // ИМКУ. Вып. 18. Ташкент: Фан, 1983. С. 65-76.

22. Альбаум Л. И. Балалыктепе: К истории материальной культуры и искусства Правобережного Тохаристана. Ташкент: АН УзССР, 1960. 228 с.

23. Андреев М. С. По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний (рисаля) // Этнография. 1927. № 2. С. 323-326.

24. Андреев М.С. Таджики долиныХуф (Верховья Аму-Дарьи) / Подг. к печати и снабжен прим. и доп. А.К. Писарчик. Сталинабад, 1958. Вып. 2. 526 с., ил.

25. Андреев М. С., Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан // Сборник МАЭ. Вып. 9. СПб., 1911. 43 с.
26. Антонова Е. В. Антропоморфная статуэтка древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1977. 150 с., 76 ил. табл.
27. Антонова Е. В., Виноградова Н. М. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. // АРТ. Вып. 14 (1974 г.). Душанбе: Дониш, 1979. С. 93-109.
28. Атаханов Т. М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина (Гиссарский, Шахринавский и Турсунзадевский районы). Душанбе, 2015. 332 с.
29. Атаханов Т. М., Радилиловский В. В. Археологическое исследование городища КалаиШодмон в 1978 г. // АРТ. Вып. 18 (1978 г.). Душанбе: Дониш, 1984. С. 146-155.
30. Атаханов Т. М. О работе Гиссарского археологического отряда в 1972 г. // АРТ. Вып. 12 (1972 г.). Душанбе: Дониш, 1976. С. 164-170.
31. Атаханов Т. М. Работа на городище Шишихона в 1983 г. // АРТ. Вып. 23 (1983 г.). Душанбе: Дониш, 1991. С. 284-297.
32. Атаханов Т. М. Работа на Шишихона в г. Душанбе в 1982 г. // АРТ. Вып. 22 (1982 г.). Душанбе: Дониш, 1990. С. 311-324.
33. Бабаев А. Д. Коропластика Чим-Кургана (Северный Таджикистан) // Советская археология. № 4. М.: Наука, 1982. С. 232-235.
34. Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI- начало XIII вв.). Алма-Ата, 1986. 255 с.
35. Балазури А. Завоевание Хорасана (Извлечение из сочинения “Футух ал-булдан”) (тадж.). Душанбе: Дониш, 1987. 110 с.
36. Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда (По материалам пянджикентских храмов) // Живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 25-82.

37. Беленицкий А. М. Из археологических работ в Пянджикенте в 1951 г. // Советская археология. № 18. М.: Из-во АН СССР, 1953. С. 326-341.
38. Беленицкий А.М. Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье // КСИИМК. Вып. 98. М.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 33-42.
39. Беленицкий А. М. Работы Таджикской археологической экспедиции в 1956 году // КСИИМК. Вып. 73. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 92-98.
40. Беленицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пянджикента (в 1953 г.) // КСИИМК. Вып. 60. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 80-96.
41. Беленицкий А. М., Маршак Б.И. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 г. // СГЭ. Вып. 37. Л., 1973. С. 54-58.
42. Беленицкий А. М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 75-89, 179-186 (илл.).
43. Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1978 г.// АРТ. Вып.18 (1978 г.). Душанбе: Дониш, 1984. С. 223-252.
44. Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1985 г. // АРТ. Вып.25 (1985 г.). Душанбе: Дониш, 1994. С. 100-131.
45. Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1977 г. // АРТ. Вып. 17 (1977 г.). Душанбе: Дониш, 1983. С. 187-209.
46. Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И. Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1973 г. // АРТ. Вып. 13. Душанбе, 1977. С. 155-188.
47. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.-Л., 1952. 346 с.
48. Бобомуллоев С. Древнейшая и древняя история Гиссара. Душанбе, 2015. 206 с.

49. Бобомуллоев С., Виноградова Н. М., Бобомуллоев Б. Материалы Фархорской археологической экспедиции. Вып. 1. Душанбе, 2017. 144 с.
50. Бобомуллоев С., Тошитака Х. Калаи Кафирниган (Каталог находок 2007-2013). Душанбе, 2013. 74 с.
51. Величие персидского царства / Пер. В. И. Абаева // Хрестоматия по истории Древнего Востока. М.: Изд-во вост. литературы, 1963. С. 365.
52. Веселовский Н. И. Греческие изображения на туркестанских оссуариях // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 63. 1917. С. 59-68.
53. Виноградова Н. М. Земледельческие памятники Южного Таджикистана в эпоху поздней бронзы // Археологические вести. № 11. СПб., 2004. С. 71-94.
54. Виноградова Н. М. Исследования на поселении эпохи бронзы Кангурттут в 1986 г. // АРТ. Вып. 26 (1986 г.). Душанбе – Худжанд, 2005. С. 364-386.
55. Виноградова Н. М. Новые памятники эпохи бронзы на территории Южного Таджикистана // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства (Сборник статей). М.: Наука, 1987. С. 76-91.
56. Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелот и Дарнайчи). М.: ИВ РАН, 2018. 276 с.
57. Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т. Работы в Гиссарской долине в 1977 г. // АРТ. Вып. 16 (1977 г.). Душанбе: Дониш, 1983. С. 56-68.
58. Воробьева М. Г. Хорезмийские терракоты // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С. 184-194.
59. Воробьева С. Н. Об одной группе терракот с городища Еркурган // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент: Фан, 1990. С. 116-120.
60. Воронина В.Л. Доисламская символика в архитектуре Средней Азии и зарубежного Востока // Архитектурное наследие. 1985. Вып. 33. С. 45-50.

61. Ганевская Э. В., Заславская Ф. А. К атрибуции одной из терракот Сурхандарьинского краеведческого музея в г. Термезе // Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). М.: Наука, 1977. С. 87-92.
62. Грене Ф. Земледельческие и скотоводческие культы Согдианы: тексты и образы // Муаррих. Душанбе, 2016. № 1 (5). С. 45-50.
63. Гулямова Э. Изучение кушанских памятников района Шахринау // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975. С. 250-252.
64. Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н.э.). М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 288 с.
65. Двуреченская Н.Д. Об одном типе антропоморфных статуэток Маргианы // Российская археология. М.: Наука, 2014. Вып. 1. С. 100-112.
66. Двуреченская Н.Д. Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н.э. – IV в. н.э. (археологический аспект). СПб.: Нестор-История, 2016. 605 с.
67. Двуреченская Н. Д., Новиков С. В. Терракотовая пластика Маргианы (по материалам Среднеазиатской археологической экспедиции 1980 - 2003 гг.) // Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. 3. М., 2013. С. 481-572.
68. Денисов Е. П. Голова терракотовой фигурки кушанского аристократа из Шахринау (Гиссарская долина, Таджикистана) в связи с представлениями, связанными с культом хварено (фарр и происхождением династийного искусства в Кушанской империи) // Археология и история Центральной Азии. Самарканд, 2004. С. 66-68.
69. Денисов Е. П. Терракотовая плитка из Курган-Тюбе // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. Душанбе, 1981. С. 40-46.
70. Довуди Д., Якубов Ю., Курбанов Ш., Сафаров Х. Археологические раскопки на Калаи Чармгарони Поён г. Кулябе осенью 2005 г. // АРТ. Вып. 31. Душанбе, 2007. С. 56-87.
71. Довуди Д., Шарифзода А. Кушанское городище Сайёд (тадж., рус., англ.). Душанбе: ЭР-граф, 2017, 2019. Кн. 1. 112 с.; Кн. 2. 220 с.

72. Древности Таджикистана: каталог выставки АН РТ. Гос. Эрмитаж. Душанбе: Дониш, 1985. 343 с.
73. Дьяконов М. М. Древняя Бактрия // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М.: Гос. изд-во культурно-просветительской литературы, 1954. С. 305-334.
74. Дьяконова Н. В., Смирнова О. И. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде // СА. 1967. № 1. С. 74-83.
75. Дьяконова Н. В. Терракотовая фигурка Захака // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. 3. Л.: 1940. С. 195-208.
76. Ершов Н.Н. Ткачество // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1966. Вып. 1. С. 212-230.
77. Зеймаль Е. В. Археологические работы в Шахринау // АРТ. Вып. 19 (1979 г.). Душанбе: Дониш, 1986. С. 173-185.
78. Зеймаль Е. В. Кушанская хронология (материалы по проблеме) // Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. М.: Наука, 1968. С. 110-128.
79. Зеймаль Т. И. Работы в Гиссарской долине в 1975 г. // АРТ. Вып. 15 (1975 г.). Душанбе: Дониш, 1980. С. 157-166.
80. Зеймаль Т. И. Раскопки замка Хазрати Амир в 1983 г. // АРТ. Вып. 22 (1983 г.). Душанбе: Дониш, 1991. С. 189-200.
81. Зеймаль Е. В. Раскопки на Шахринауском городище // АРТ. Вып. 16 (1976 год). Душанбе: Дониш, 1982. С. 66-72.
82. Зеймаль Т. И. Терракоты Северного Тохаристана (вопросы археологической периодизации) // Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М.: Наука, 1983. С. 42-44.
83. Иваницкий И. Д. Образ богини Анахиты в коропластике Согда // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент: Фан, 1982. С. 78-80.
84. Ильясов Дж. Я. Терракота Кампыртепа // МТЭ. Вып. 1. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2000. С. 97-106.

85. Исаков А. И. Исследование Саразмского отряда в 1984 г // АРТ. Вып. 24 (1984 г.). Душанбе: Дониш, 1993. С. 117-130.
86. Исаков А. Работы Косатарошского отряда в 1975 г.// АРТ. Вып. 15 (1975 г.). Душанбе, 1980. С. 246-264.
87. Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе: Дониш, 1977. 186 с.
88. Исхакова Е. А., Исхаков М. Х. Терракоты Дальверзинтепе // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. С. 161-164.
89. Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III - VI вв. (По материалам исследований в зоне Чимкурганского водохранилища). Ташкент: Фан, 1981. 128 с.
90. Кирчо Л. Б. Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // ЗИИМК. № 2. СПб., 2007. С. 193-208.
91. Кисляков Н. А. Язгулемцы (Этнографический очерк) // ИВГО, 1948. Т. 80, вып. 4. С. 361-372.
92. Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дела у ягнобцев. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 80 с.
93. Коробкова Г. Ф. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. С. 87-134.
94. Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий // Советская археология. М., 1971. № 4. С. 154-177.
95. Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением цариц // Советская археология. М., 1979. № 1. С. 35-46.
96. Курбанов Ш. Ф. Раскопки объекта XXX в 2018 году // МПАЭ. Вып. 23. С. 30-42.
97. Курбанов Ш. Ф. Тали Хамтуда // Археологические вести. СПб., 2004. Вып. 11. С. 156-173.

98. Курбанов Ш. Ф., Лурье П. Б., Семенов Н. В. Краткий отчет о раскопках Пенджикента и городища Хисорак в Горном Матчев 2013 г. // АРТ. Вып. 39. Душанбе, 2017. С. 112-138.
99. Курбанов Ш. Ф., Пулотов А. Г., Акулов А. Г., Болашенкова Е. А. Раскопки объекта XXVI в 2015 г. // МПАЭ. Вып. 19. СПб., 2016. С. 4-9.
100. Кызласов Л. Р. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии // КСИИМК. Вып. 63. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 14-21.
101. Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М., 1958. С. 155-242.
102. Литвинский Б.А. Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы) // АРТ. - Вып. 10 (1970 г.). М.: ГРВЛ, 1973. С. 3-41.
103. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Буддийский монастырь Аджина-Тепе (Таджикистан). Раскопки. Архитектура. Искусство. СПб.: Нестор-История, 2010. 320 с.
104. Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Буддийский сюжет в живописи Средней Азии (К интерпретации сцены дароносцев из Аджина-Тепе) // Советская этнография. М., 1968. № 3. С. 106-112
105. Литвинский Б. А., Седова А. В. Тепеи Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983. 240 с.
106. Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан): в 3т. Т. 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Вост. лит. 2010. 664 с.
107. Лурье П. Б., Маршак Б. И. Согдийские надписи из раскопок древнего Пенджикента сезона 2001 г. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. 4. СПб., 2002. С. 84-86.
108. Лурье П. Б., Паршутто В. А., Курбанов Ш. Ф. Раскопки объекта XI-B в 2018 году. // МПАЭ. Вып. 23. С. 16-29.

109. Майтдинова Г. История таджикского костюма. Т. 1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. Душанбе, 2004. 280 с.
110. Майтдинова Г. М., Ёлкина А. К. Реставрация, реконструкция и исследование древних тканей // АРТ. Душанбе: Дониш, 1994. Вып. 25. С. 74-83.
111. Малаева З. А. О раскопках на объектах VII и VIII Калаи Кахкаха I в 1977-1979 гг. // АРТ. Вып. 19 (1979 г.). Душанбе: Дониш, 1986. С. 398-403.
112. Мандельштам А. М. Хан-Газа (из результатов работ Кафирниганского отряда ТАЭ в 1958-1959 гг.) // АРТ. Вып. 7 (1959 год). Душанбе, 1961. С. 63-72.
113. Мартынов А. И. Археология: Учебник. 5-е изд., перераб. М.: Высшая школа, 2005. 447 с.
114. Маршак Б. И. Боги, демоны и герои пенджикентской живописи// Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.: Гос. Эрмитаж, 1989. С. 115-127.
115. Маршак Б. И. Искусство Согда // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства (Сборник статей). М.: Наука, 1987. С. 233-248.
116. Маршак Б. И. Отчет о работе на объекте XIIза 1955-1960 гг. // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. 4 (1954-1959 гг.). М.Л.: Наука, 1964. С. 182-243.
117. Маршак Б. И. Согд V - VIII вв. // Средняя Азия и Дальний Восток в раннем средневековье. Средняя Азия в раннем средневековье. М.: Наука, 1999. С. 175-191.
118. Маршак Б. И. Согдийские терракоты // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 276-277.
119. Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М, 1971. 191 с.

120. Маршак Б. И., Распопова В. И. Адоранты из северной капеллы второго храма Пенджикента // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. С. 151-173.
121. Маршак Б. И., Распопова В. И. Два терракотовых образка из Пенджикента // ЗИИМК. №. 7. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012. С. 95-102.
122. Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийское изображение Деда-Земледедца // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1985. С. 108-116.
123. Маршак Б. И., Распопова В. И., Шкода В. Г. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1987 г. // АРТ. Вып. 33. Душанбе, 2009. С. 297-332.
124. Маршак Б. И., Распопова В. И., Шкода В. Г. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1990 г. // АРТ. Вып. 31. Душанбе, 2007. С. 211-240.
125. Маршак Б. И., Распопова В. И., Шкода В. Г. Раскопки древнего Пенджикента в 1996 г. // Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы пленума ИИМК РАН 28-30 апреля 1997 г. СПб., 1997. С. 42-44.
126. Масов Р., Ранов Ф. Гиссарская культура и ее роль на ранних этапах этногенеза таджикского народа (тадж., рус., англ.). Душанбе, 2014. 72 с.
127. Массон В. М. Восточные параллели убейдской культуры // КСИА. М.: Изд-во АН СССР, 1962. № 91. С. 3-12.
128. Массон В. М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М.: ГРВЛ, 1973. 202 с.
129. Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе: Дониш, 1977. 126 с.
130. Мешкерис В. А. Согдийская терракота. Душанбе: Дониш, 1989. 324 с.
131. Мешкерис В. А. Согдийская школа короластики в кушанскую эпоху // Известия ООИ АН Тадж. ССР. Душанбе, 1968. № 2 (52). С. 3-21.
132. Мешкерис В. А. Среднеазиатские школы короластики в кушанскую эпоху // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М.: Наука,

1975. С. 363-369 (Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября – 6 октября 1968 г.).

133. Мешкерис В. А. Терракоты из Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969. С. 126-138.

134. Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 140 с.

135. Мифологический словарь/Гл.ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990 г. 672 с.

136. Мкртычев Т. К. Буддийская терракота // Мкртычев Т. К. Буддийское искусство Средней Азии (I - Xвв.). М.: ИКЦ “Академкнига”, 2002. С. 172-198.

137. Мкртычев Т. К. Буддийская терракота Бактрии – Тохаристана: к вопросу о ее роли в искусстве и культе // Средняя Азия. Археология, история, культура. Материалы Межд. конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М., 2000. С. 162-167.

138. Мкртычев Т. К. Буддийское искусство Средней Азии (I - Xвв.). М.: ИКЦ “Академкнига”, 2002. 286 с.

139. Мкртычев Т. К. К интерпретации терракоты из Сары-тепе II (Южный Согд) // Советская археология. 1985. № 3. С. 255-257.

140. Мкртычев Т. К. Терракота древней Бактрии: прототип и повторение // Оригинал и повторение. Подлинник, реплика, имитация в искусстве Востока. М.: Гос-й институт искусствознания, 2014. С. 116-125.

141. Мкртычев Т. К., Ильясов Дж. Я. Терракотовые плакетки из Тохаристана // Центральная Азия. Источники, история, культура. М., 2005. С. 497-523.

142. Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX- начале XXв. (Историко - этнографический очерк). М.: Наука, 1975. 127 с.

143. Мухиддинов И. Обряды и обычаи, связанные с земледелием, у памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX - начале XX века (Материалы к Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана) // Советская этнография. М.: Наука, 1973. № 3. С. 99-109.
144. Мухиддинов И. Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX – начало XX вв.) / Отв. ред. Л.Ф. Моногарова. Душанбе: Дониш, 1989. 100 с.
145. Мухитдинов Х. Ю. Бактрийский всадник (археологические материалы о бактрийско-скифских контактах) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы I-ой Всесоюзной археологической конференции (Кемерово, декабрь 1979 г.). Кемерово, 1980. С. 221-227.
146. Мухиддинов Х. Ю. Саксанохурские матрицы для формовки мужских статуэток // Материальная культура Таджикистана. Вып. 4. Душанбе, 1987. С. 91-114.
147. Мухитдинов Х. Ю. Терракоты Саксанохура // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 378-382 (Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября – 6 октября 1968 г.).
148. Мухтаров А. М. Шедевры в единственном числе // Путешествие в Согдиану. Душанбе: Ирфон, 1982. С. 5-48.
149. Негматов Н. Н. Некоторые итоги и перспективы археологии Северного Таджикистана в связи с созданием СТАКЭ. Краткие результаты работ 1974 г. // АРТ. Вып. 14 (1974 г.). Душанбе: Дониш, 1979. С. 313-342.
150. Негматов Н. Н. Терракотовая статуэтка воина из Регарского района // АРТ. Вып. 10 (1970 г.). Душанбе, 1973. С. 291-293.
151. Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М. Л., 1959. 398с.
152. Пидаев Ш. Р. К вопросу о появлении образа Будды в коропластике Бактрии // ИМКУ. Вып. 30. Ташкент, 1999. С. 133-137.

153. Пилипко В.Н. Терракотовые статуэтки музыкантов из Мерва // ВДИ. - 1969. № 2 (108). С. 100-105.
154. Пичикян И. Р. Раскопки Тахти-Сангина в 1982 г. // АРТ. Вып.22 (82). Душанбе: Дониш, 1990. С. 238-254.
155. Пугаченкова Г.А. Девушка с лютней в скульптуре Халчаяна // Культура античного мира. М., 1976. С. 214-223.
156. Пугаченкова Г.А. Искусство Афганистана. Три этюда. М.: Искусство, 1963. 123 с.
157. Пугаченкова Г. А. Квартал керамистов (Дт - 9) // Дальварзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. 115-143.
158. Пугаченкова Г. А. Материалы по коропластике Бактрии - Тохаристана // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран: История и филология. М., 1967. С. 176-185.
159. Пугаченкова Г. А. Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 248-252.
160. Пугаченкова Г. А. Образы божеств в скульптуре Тохаристана времени кушан // Краеведение Сурхандарьи (Сборник статей). Ташкент: Узбекистан, 1989. С. 20-42.
161. Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М.: Искусство, 1971. 202 с.
162. Пугаченкова Г. А. Халчаян (К проблеме художественной культуры Северной Бактрии). Ташкент: Фан, 1966. 285 с.
163. Пугаченкова Г. А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах // Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1950. С. 8-57.
164. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М.: Искусство, 1965. 688 с.

165. Пулатов А. Г. Раскопки объекта VI-C в 2019 г. // МПАЭ. Вып. 24. СПб., 2020. С. 5-15.
166. Ранов В. А., Салтовская В. А. О работах Уратюбинского отряда в 1959 г. // АРТ. Вып. 7 (1959 г). Душанбе, 1961. С. 108-129.
167. Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М.: Наука, 1971. 132 с. (ТХАЭЭ, Т. 6).
168. Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда М.: Наука, 1980. 138 с.
169. Рахимов М. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк). Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957. 221 с. (Тр. ИИАЭ АН ТаджССР; Т. LXIII)
170. Рахимов Н. Т. Терракотовая статуэтка с городища Мугтепа // Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук. Душанбе, 1985. № 3. С. 24-25.
171. Ростовцев М.И. Представление о монархической власти Скифии и на Боспоре // Известия Археологической комиссии. 1913. Т. 49. С. 37-45.
172. Ртвеладза Э. В. Айртам – династийный храм царя Хувишки // ВДИ. 2018. № 2. С. 365-388.
173. Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М.: Искусство, 1968. 136 с.
174. Савчук С. А. Предметы малого искусства из Кампыртепа: (Археол. находки). // ОНУ. Ташкент, 1984. № 7. С. 39-41.
175. Савчук С. А., Малькеева А. А. Терракотовые статуэтки музыкантов из Кампыртепа: (Археол. находки) // ОНУ. Ташкент, 1989. № 5. С. 34-37.
176. Сарианиди В. И. Бактрийский центр златоделия // Советская археология. М., 1987. № 1. С. 72-90.
177. Сарианиди В. И. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад, 2005. 327 с.

178. Сарияниди В. И. Месопотамия и Бактрия во Птыс. до н.э. // Советская археология. М., 1986. № 2. С. 34-46.
179. Седов А. В. Бактрийско-сасанидские параллели в коропластике // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979. С. 68-70.
180. Седов А. В. Работы на Халкаджаре в 1981 г. // АРТ. Вып. 21 (1981 г.). Душанбе: Дониш, 1988. С. 297-309.
181. Семенов Н. В. Раскопки объекта Кайнар в 2013 г. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. 17. СПб., 2014. С. 23-29.
182. Смагулов Е. А., Ержигитова А. А. Пенджикентский «Бык у алтаря» и графика Сидака // МПАЭ. - Вып. 20. СПб., 2016. С. 95-102.
183. Смирнов Ю. М. Священный огонь Митры и Фан-Ягнобский угольный пожар // Иднакар: Методы историко - культурной реконструкции. 2011. № 11. С. 10-44.
184. Смирнова О. И. К вопросу о среднеазиатских культах (Из среднеазиатской топонимики) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. № 1. М.: Наука, 1970. С. 92-94.
185. Смирнова О. И. К вопросу о среднеазиатских культах (О культах Артавахишты и Митры по данным топонимики) // Советская этнография. М.: Наука, 1974. № 1. С. 131-138.
186. Смирнова О. И. Места домусульманских культов в Средней Азии (по материалам топонимики) // Страны и народы Востока. Вып. 10. М.: Наука, 1971. С. 90-108.
187. Снесарев Г. П. По следам Анахиты // Советская этнография. М.: Наука, 1971. № 4. С. 153-165.
188. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. М: Наука, 1969. 336 с.
189. Соловьев В. С. Керамическая плитка из Кафыркалы // Советская археология. М., 1991. № 3. С. 270-272.

190. Соловьев Н. Ф. Антропоморфные изображения Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам поселения Илгынлы-депе). СПб., 2008. 226 с.
191. Стеблин-Каменский И.М. Памирские языки о мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). Труды Международного симпозиума по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). М.: ГРВЛ «Наука», 1981. С. 238-241.
192. Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 480 с.
193. Сулейманов Р. О Веретрагне // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии: Сборник статей в честь Поля Бернара. Ташкент, 2010. С. 198-203.
194. Сухарева О.А. О ткацких ремеслах в Самарканде // История и этнография народов Средней Азии: Сб. ст. Душанбе, 1981. С. 25-37.
195. Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX вв.: Ремесленная промышленность. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962. 330 с.
196. Тереножкин А. И. Раскопки в кухендизе Пенджикента // Труды СТАЭ. Т. 1. 1946-1947 гг. С. 81-93.
197. Тихонов Р. В. Случайные находки терракотовых статуэток из Таджикистана // ЗИИМК. Вып. 23. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 97-102.
198. Тойфер М. Археологические исследования в Гелоте, Учкуне и Кудуке в 2009 г. // АРТ. Вып. 35. Душанбе, 2012. С. 227-234.
199. Тревер К. В. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан) (к вопросу о Кушанском пантеоне)// Культура и искусство античного мира и Востока. Т. 2. Л.-М.: Искусство, 1958. С. 130-146.
200. Узянов С. А. О серебряной статуэтке, найденной в Тахти-Сангине // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства (Сборник статей). М.: Наука, 1987. С. 290-296.

201. Филимонова Т. Г., Юсупова А. Х., Абдуллаева Л. Археологическая карта Таджикистана. Яванский район. Душанбе, 2016. 213 с.
202. Филимонова Т. Г. Буддизм на территории Таджикистана // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. 3. Буддизм. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 164-240.
203. Филимонова Т. Г., Абдуллаев А. Л., Самойлик П. Т., Якубов Ю. Гиссарский историко-культурный заповедник. Душанбе, 2015. 80 с.
204. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 2002. 464 с.
205. Хлопин И. Н. Верхний слой поселения Кара-депе (по материалам ЮТАКЭ 1956 г.) // КСИИМК. Вып. 76. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 42-49.
206. Хлопин И. Н. Ялангач-депе – поселение эпохи энеолита // КСИИМК. Вып. 93. М.: Наука, 1963. С. 74-79.
207. Ходжаев Ш. Археологические исследования в окрестностях селения Хульбак в 2006 году // АРТ. Вып. 32. Душанбе, 2008. С. 176-197.
208. Ходжаев Ш. Реестр историко-культурных памятников Республики Таджикистан (тадж.). Душанбе: Министерство культуры РТ. 202 с.
209. Ходжаева Н. Дж. Арийская проблема в контексте изучения этнической истории // Таджики / Отв. ред. Н.А. Дубова, Н.К. Убайдулло, З.М. Мадамиджанова. М.: Наука, 2021. С. 163-170.
210. Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе: Дониш, 2017. 380 с.
211. Ходжаева Н. Дж. Отражение древних этнических процессов в «Авесте» // Этногенез и этническая история таджикского народа: В 2-х томах. - Т. 1. Душанбе: Дониш, 2021. С. 123-153.
212. Ходжаева Н. Дж. Храм Окса и локализация авестийской Вахвидати // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2013. № 1(53). С. 114-120.

213. Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана. Материалы Южно-Таджикской археологической экспедиции. Каталог выставки / Ред. Б. А. Литвинский. М.: Советский художник, 1983. 80 с.
214. Шенкарь М. А. Богиня или царица? К интерпретации женского персонажа на рельефе Нарсе из Накш-е Рустама // Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. 3. М., 2013. С. 614-632.
215. Шишкин В. А. Варахша. Опыт исторического исследования. М., 1963. 250 с.
216. Шукуров Ш. М. К анализу принципов иконографии в изобразительном искусстве Средней Азии // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука, 1977. С. 103-111.
217. Юсупов А. Х. Археологические исследования Байпазинского и Вахшского археологических отрядов в 1983 г. // АРТ. Вып. 22 (1983 г.). Душанбе: Дониш, 1991. С. 151-164.
218. Якубов Ю. Археологические памятники древнего Рашта и Дарваза (работы 1982 г.) // АРТ. Вып. 22. Душанбе: Дониш, 1990. С. 291-300.
219. Якубов Ю.Я. Религия древнего Согда. Душанбе: Дониш, 1996. 251 с.
220. Якубов Ю., Гарифулина З. Работы Верхнезерафшанского археологического отряда на Наврузшах Пв 1986 г. // АРТ. Вып. 26 (1986 г.). Душанбе. Худжанд, 2005. С. 458-471.
221. Якубов Ю., Довуди Д. Археологические раскопки на городище Золи ЗардФархорского района в 2009 г.// АРТ. Вып. 35. Душанбе, 2012. С. 235-249.
222. Якубов Ю. Я., Каримова Г. Р.Зороастризм в древней истории таджиков // Этногенез и этническая история таджикского народа. Т. 1. С. 752-804.
223. Якубов Ю., Каримова Г. Р.Случайные находки// АРТ. Душанбе, 2017. Вып. 39. С. 261-265.

224. Якубов Ю., Курбанов Ш. Археологические раскопки на городище Нозкуль (Кайнар) и могильнике Гелот в 2007 г. // АРТ. Вып. 33. Душанбе, 2009. С. 73-100.

225. Якубов Ю., Худжагельдиев Т., Курбанов Ш. О работах Кулябского отряда на городище Золи Зард в 2008 г. // АРТ. Вып. 34. Душанбе, 2010. С. 241-277.

Литература на иностранных языках

226. Abdullaev K. Buddhist Terracotta Plastic Art in Northern Bactria // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 5 (1997/1998). Kamakura, 1998. P. 161-178.

227. Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg: Verlag Von Karl J. Trübner, 1904. 2000 sp.

228. Boyce M. A. History of Zoroastrianism. Vol. I. Leiden-Köln: E.J. Brill, 1975.

229. Dînâ-î Maînôg-î Khirad, Sikand-gûmânîk Vigâr and the Sad Dar. Oxford: Oxford Univ. Press, 1885. 372 p. Part III. Dînâ-î Maînôg-î Khirad / Transl. by E.W. West. P. 1-133 (SBE, vol. 24).

230. Ghirshman R. Villages Perse-Achemenides, Memoires de la Mission Archeologique Francaise en Iran. Vol.36. Paris, 1954.

231. Grenet F. L'onomastique iranienne á Aï-Khanoum // Bulletin de correspondance hellénistique. 1983. T. 107. P. 373-381.

232. Grenet F. Zoroastrianism in Central Asia // The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism / Ed. by M. Strausberg, Y.S.-D. Vevaina. London: John Wiley & Sons, Ltd., 2015. P. 129-146.

233. Khojaeva N.J. Persistence de cultes anciens dans les religions montagneuses // Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Paris, 2021. P. 192-197.

234. Lommel H. Anahita-Sarasvati // Asiatica. Leipzig: Festschrift F. Weller, 1954. S. 405-413.

235. History of Civilizations of Central Asia. Vol. I. The dawn of civilization: earliest times to 700 years B.C. / Ed. by A.H. Dani, V.M. Masson. Paris: UNESCO, 1992. 569 p.
236. The Zend-Avesta. - Part I. The Vendîdâd. Transl. by J. Darmesteter. Oxf.: Oxford University Press, 1880. 240 p. (SBE. Vol. IV); Part II. The Yasna, Visperad, Sîrôzahs, Yasts, Nyâyis. Oxf.: Clarendon Press, 1883. 384 p. (SBE. Vol. XXIII).
237. Palwol A. History of Former Kafiristan. 1979. Vol. 3-4. P. 130-142.
238. Pugacenkova G. A. New Terracottas from North Bactria // Mesopotamia. - Vol. 42:1. Roma, 1992. P. 49-67.
239. Pugatchenkova G. A. Les trésors de Dalversin-tépé. Leningrad: Aurore, 1978. 98 p.
240. Saadi-Nejad M. Anāhiā. A History and Reception of the Iranian Water Goddess. London: I.B. Tauris, 2021. 264 p.
241. Sims-Williams N. A, Cribb J. New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archaeology. 1995-1996. Issue 4. P. 75-142.
242. Skjærvø. The Achaemenids and the Avesta / Ed. by V.S. Curtis, S. Stewart // Birth of the Persian Empire. Vol. I. London, New-York, I.B. Tauris, 2005. P. 52-84.
243. Skjærvø. The Avesta as source for the early history of the Iranians / Ed. by G. Erdosy // The Indo-Iranians of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity. Berlin-New-York: Walter de Gruyter, 1995. P. 155-176.
244. Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Paris: Musée national des arts asiatiques. Guimet, Paris, 2021. 288 p.
245. The Zend-Avesta. Part I. The Vendîdâd / Transl. by J. Darmesteter. Oxford: Oxford University Press, 1880. 240 p. (SBE. Vol. IV); Part II. The Yasna, Visperad, Sîrôzahs, Yasts, Nyâyis. Oxf.: Clarendon Press, 1883. 384 p. (SBE. Vol. XXIII).
246. Williams N., Gribb J. A. New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // Subpixel Reconstruction Antialiasing. Kamakura, 1996. Vol. 4. P. 76-142.

Диссертации и авторефераты

247. Абдуллоев К. Коропластика Бактрии - Тохаристана в античную и раннесредневековую эпохи: автореф. дис. ... канд. исторических наук. М., 1985. 24 с.

248. Двуреченская Н. Д. Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н.э. IV в. н.э.: археологический аспект: автореф. дис. ... канд. исторических наук. М., 2008. 24 с.

249. Каландарова О.И. Семантика сюжетов ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда: дис. канд. ист. наук: 07.00.06; 07.00 09. Душанбе, 2021. 240 с.

Электронные ресурсы

250. Бозёфти хонанда ба Осорхонаи миллӣ супорида шуд [Электронный ресурс]: [Mobile.twitter.com/of_tajikistan](https://mobile.twitter.com/of_tajikistan) (дата размещения - 04.11.2022).

251. В Пенджикенте нашли терракоту с изображением мужчины-буддиста 5-8 веков / Avesta.Tj. 16.03.2018.

252. Омельченко А. Терракотовые статуэтки лютнисток с поселения Сарайтепа // SANAT [Электронный журнал]. Вып. 3. 01.07.2000. № 2081.

253. Boyce M. Ahura Mazdā // Encyclopaedia Iranica. Vol I/7. P. 684-687 [Электронный ресурс]: <http://www.iranicaonline.org/articles/ahura-mazda> (дата обращения 22.05.2020).

254. Boyce M. Armaiti // Encyclopaedia Iranica. Vol II. Fasc. 4. P. 413-415 [Электронный ресурс] / <http://www.iranicaonline.org/articles/armaiti> (дата обращения 23.05.2022)

255. Boyce M., Chaumont M. L., Bier C. Anāhīd // Encyclopædia Iranica. Vol I/9. P. 1003-1011 [Электронный ресурс]: <http://www.iranicaonline.org/articles/anahid> (дата обращения 22.05.2022).

256. Gnoli G., Jamzadeh P. Bahrām (Vərəθraγna) // Enciclopedia Iranica. Vol III/5. P. 510-514 [Электронный ресурс]: <http://www.iranicaonline.org/articles/bahram-1> (дата обращения 22.05.2022).
257. Malandra W.W. Sraoša // Encyclopaedia Iranica [Электронный ресурс]: <http://www.iranicaonline.org/articles/sraosa> (дата обращения 22.05.2022).
258. Schlerath B., Skjærvø P.O. Aša // Encyclopedia Iranica. II/7. P. 694-696. [Электронный ресурс] / <http://www.iranicaonline.org/articles/asa-means-truth-in-avestan> (дата обращения 22.05.2022).

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИЛЛЮСТРАЦИИ

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РАЗДЕЛУ 1.1

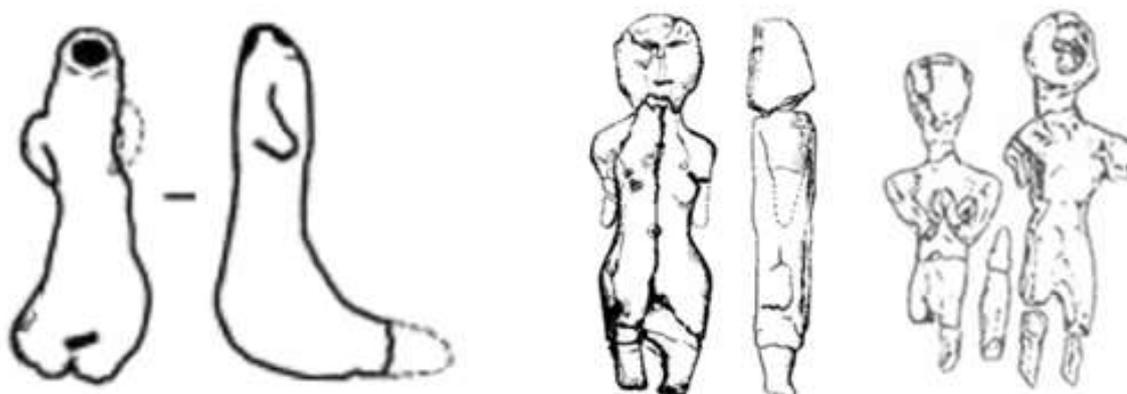

Рис. 1.1.1. Слева - глиняная статуэтка. Энеолит. Куруксай; справа - глиняные статуэтки бронзового века. Конец III - начала II тысячелетий до н.э. Кангурттут. Раскоп 7, яма 26

Рис. 1.1.2. Фигурка сидячего мужчины. Тандирйул, погребение 2. Вторая половина II тысячелетия до н.э.; каменная статуэтка молящегося мужчины. II тысячелетие до н.э. Гелот. Раскоп 6, погребение 2.

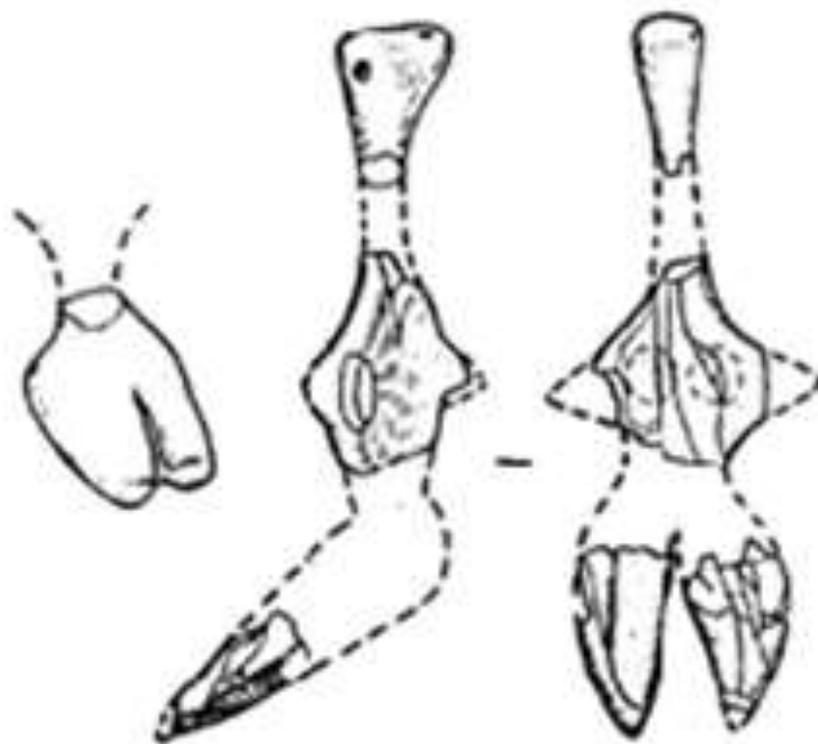

Рис. 1.1.3. Терракоты Саразма

Рис. 1.1.4. Серебряная статуэтка богини плодородия. III - II в. до н.э. Тахти Сангин, храм Окса

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РАЗДЕЛУ 1.2

Илл. 1.2.1. Гемма с изображением Митры, едущем на горном козле. Сидак. V - VI вв.

Илл. 1.2.2. Сцена с Богом-Земледельцем. Древний Пенджикент. Фрагмент росписи северной стены парадного помещения 28 объекта XXV. VII-VIII вв. (по Т. С. Василенко)

Илл. 1.2.3. Бронзовая скульптура бога Вашагна. Пенджикент

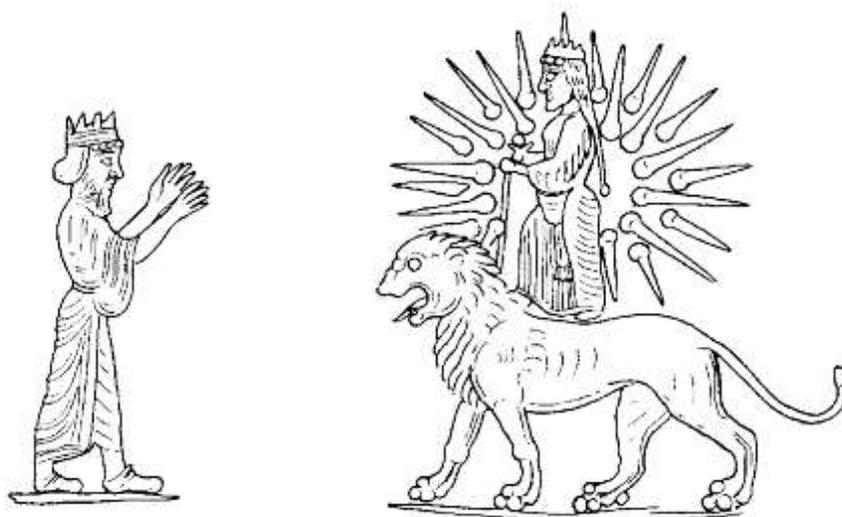
Илл. 1.2.4. Кушанская монета с надписью “Нано”

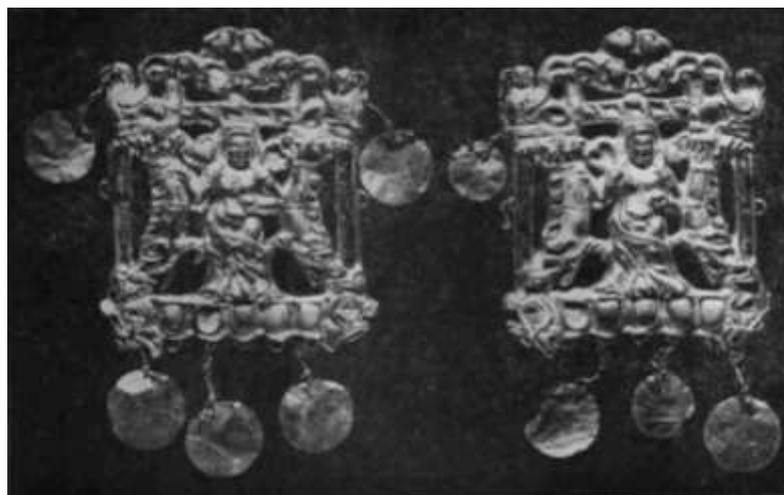
Илл. 1.2.5. Цилиндрическая печать эпохи Ахеменидов. Из коллекции Клерка

Илл. 1.2.6. Изображение Анахиты на щитках перстней из Амударьинского клада и «иранской ткани» из Пазырыка

Илл. 1.2.7. Печать из Горгии

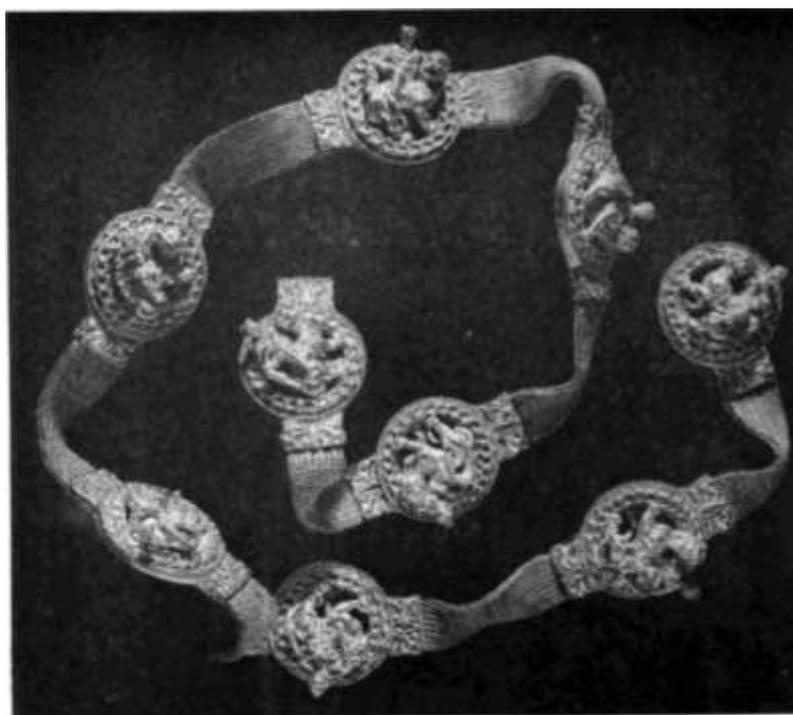
Илл. 1.2.8. Золотые головные подвески с изображением Анахиты. Тиллятепе. Погребение № 6

Илл. 1.2.9. Изображения Наны и Тир-Тиштрии на стенке оссуария. Окрестности Шахрисабза

Илл. 1.2.10. Изображение богини Анахита на реверсе монеты Хурмуза I

Илл. 1.2.11. Золотой пояс с рельефной композицией на бляхах с изображением Наны. Тилля-тепе. Погребение № 4

Илл. 1.2.12. Кушанские монеты с изображением Ардохшо

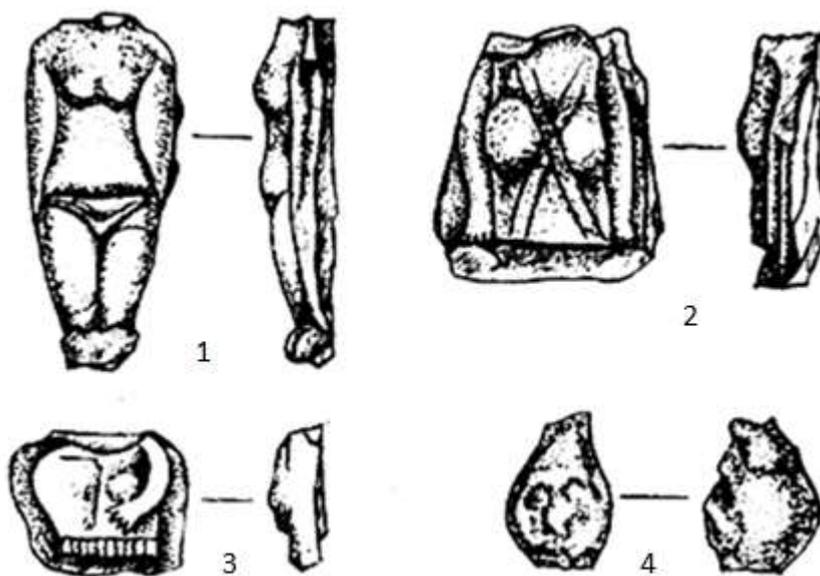
ИЛЛЮСТРАЦИИ К РАЗДЕЛУ 2.1
Гиссарская долина

Илл.2.1.1. Терракотовые статуэтки I – III вв. из городища Шахринау: слева - мужские статуэтки; справа вверху - головка мужской статуэтки. Частная коллекция; справа внизу - богиня с ключом. Национальный музей Таджикистана. № 1820054

Илл.2.1.2. Слева - терракотовая плитка с изображением божества с палицей (Геракл - ?). 17,5 x 8,7 x 3 см. III – IV вв. Карапечак; справа - керамическая маска. I – IV вв. Мавлонджар

Илл.2.1.3. Терракотовые статуэтки: 1 – фигурка обнаженной женщины; 2 – фрагмент обнаженной женской статуэтки; 3 – фрагмент статуэтки богини с зеркалом; 4 – головка женской статуэтки с островерхим головным убором. Калаи Шодмон

Илл.2.1.4. Терракотовые статуэтки V – VIII вв. из Шишихона: слева - головка мужской терракотовой статуэтки. Национальный музей древностей Таджикистана. № Ш42.3; по середине - терракотовая статуэтка женского божества в арочной нише; справа - головка терракотовой статуэтки. Национальный музей древностей Таджикистана

Илл.2.1.5. Сидящий бородатый мужчина. I - III вв. Кафиртепа. Национальный музей древностей Таджикистана

Илл.2.1.5. Слева вверху - терракотовая фигурка богини. I - II в. Гиссарская крепость; справа вверху - статуэтка всадника. III - II вв. до н.э. Шутурхона; снизу слева и вправо - Гиссарская крепость. Терракотовые статуэтки всадников. III - II вв. до н.э. Слева - из объекта Шутурхона

Илл.2.1.6. Статуэтки из Мархаматтепа 2: слева - статуэтка бородатого мужчины с островерхой шапкой. I – IV вв.; справа -фрагмент женской статуэтки.

Илл.2.1.7. Слева - терракотовая плитка с изображением человека со скрещенными руками внутри арки. I - IV вв. Яхшиабад.; справа - сидящий мужчина. V в. Мортета 1

Илл.2.1.8. Статуэтки из Чимкурган: наверху - фрагмент головы Герая; скульптура Лаокона. I в. до н.э. – I в.; снизу - мужские головки. IV в. (слева) и I в. до н.э.

Илл.2.1.9. Статуэтки из Чимкурган: наверху - фигура сидящего мужчины. IV в.; снизу - сидящий мужчина в островерхой шапке.

Илл.2.1.10. Статуэтки из Чимкурган: наверху слева - старец в островерхом колпаке; снизу слева - стоящие женщина с ребенком. I в. до н.э. – I в.; слева сверху - статуэтка мужчины; снизу справа - женская фигура. III в. до н.э.

Илл.2.1.11. Статуэтки из Чимкурган: слева - женские головки; справа - обнаженная фигурка женщины. I в.

Илл.2.1.12. Слева - статуэтка богини. I - III вв. Чептура. Национальный музей древностей Таджикистана; справа вверху - головка богини. I - III вв. Кулобод; справа снизу - головка статуэтки. I - III вв. Симиганч. Национальный музей древностей Таджикистана. № 1158-34

Илл.2.1.13. Статуэтки из Регар: слева - персонаж в короне. I - III вв.;
Справа - статуэтка воина. I в. до н.э. - I в. н.э.

Илл.2.1.14. Слева - терракотовая головка. 10,5 x 10,5 см. IV - V вв. Закоттепа.
Национальный музей древностей Таджикистана; справа - Терракотовая
головка. Чиртак II

Илл.2.1.15. Терракоты с Узбеконтепа: слева - музыкант с лютней; справа - головка терракотовой фигурки. Национальный музей древностей Таджикистана

Илл.2.1.16. На верху терракотовая фигурка, покрытая красным ангобом. Курганча. Национальный музей древностей Таджикистана, № 335; снизу головка статуэтки. 5,2 x 5,8 см. III - IV вв. Гаввалка.

Илл.2.1.17. Терракотовые фигурки из Гаравкала: слева - Кушанский правитель. 15,8 x 8,3 см. I - III вв; справа - статуэтка мужчины. 11,3 x 5,2 см. III - IV вв. Национальный музей древностей Таджикистана. КВП-38309

Илл.2.1.18. Оттиски штампа на чашах из Гаравкала: слева - погрудное изображение сасанидского кушаншаха.. 3,5 x 4,0 см. IV - V вв.; справа - мужская голова. Оттиск штампа на чаше. 3,3 x 3,3 см. IV - V вв.

Илл.2.1.19. Голова богини. Фрагмент терракотовой статуэтки из Чоргултепа.
Национальный музей древностей Таджикистана

Долины Вахша и Кафарнигана

Илл.2.1.20. Терракотовые статуэтки из Калаи Кафирниган: слева - стоящий мужчина в кафтане и длинном платье, на голове повязка; посередине - мужчина с набедренной повязкой. Случайная находка; справа - стоящий мужчина, возможно, кушанский правитель. Фрагмент статуэтки.

Илл.2.1.21. Терракотовые статуэтки из Калаи Кафирниган: слева наверху - мужчина с повязкой на голове. Фрагмент статуэтки; справа - мужчина с длинными волосами. Фрагмент статуэтки; снизу слева на права - музыканты. Раскоп 10.

Илл.2.1.22. Терракотовые статуэтки из Калаи Кафирниган: слева - мужчина, сидящий на троне. Фрагмент статуэтки; посередине - женщина с сосудом в руке; справа - женская фигура с сосудом и барсомом в руках. Матрица для штамповки статуэтки.

Илл.2.1.23. Терракотовые статуэтки из Калаи Кафирниган: слева - стоящая женщина в полный рост. Фрагмент статуэтки; посередине - стоящая женщина в полный рост. Фрагмент статуэтки; справа - женщина, держащая на руке плод. Фрагмент статуэтки.

Илл.2.1.24. Терракоты из Тепаи Шах: наверху - обнаженная богиня. Фрагмент плакетки. 9 x 5 см. Раскоп 1, помещение 12. Национальный музей древностей Таджикистана, № 350; снизу - голова богини. 6 x 3,5 см. II - III в. Раскоп 1, пом. 14, пол. ЮТ № 138

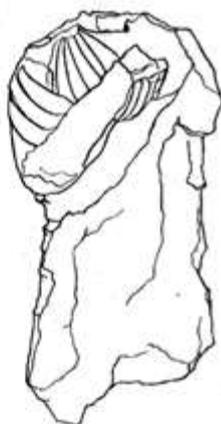
Илл.2.1.25. Терракоты из Тепаи Шах: наверху - голова богини. Налеп на сосуде. 3,6 x 4,3 см. Подъем; снизу - женская головка. 3,6 x 4,3 см. Налеп. Сооружение 3

Илл.2.1.26. Терракоты из Тепаи Шах: слева - сидящий персонаж. Раскоп 2, помещение 11а; справа - обнаженный мужчина. Терракотовый образец. 7,3 x 3,6 см. IV - V вв. Некрополь. Сооружение 1. Национальный музей древностей Таджикистана. № 349

Илл.2.1.27. Терракотовая статуэтка богини. Кызыл-кала. Национальный музей древностей Таджикистана. № 302-1

Илл.2.1.28. Терракотовые статуэтки из Тахти Сангин: слева - торс мужчины, окутанного в гиматий. Терракотовая статуэтка. IV – III вв. до н.э.. Коридор № 6 храма. Национальный музей древностей Таджикистана. № КП-1091-2985; справа - обнаженный мужчина. Фрагмент терракотовой пластины. IV – III вв. до н.э. Национальный музей древностей Таджикистана. № 1091-11011

Илл.2.1.29. Обнаженная богиня. Фрагмент терракотовой фигурки. Крепость Хазрати Амир. Участок 3, горизонт IV

Илл.2.1.30. Терракотовые статуэтки из Халкаджар: слева - стоящая богиня. Случайная находка; справа на вверху - стоящий мужчина. Случайные находки; справа внизу - стоящий мужчина. Раскоп 1

Илл.2.1.31. Богини. Терракотовые статуэтки. Слева направо: раскоп 3, помещение 3; раскоп 4, помещение 3; подъемный материал; Сайёд. Раскоп 9, помещение 6

Илл. 2.1.32. Слева - всадник. Фрагмент терракотового изображения. Сайёд. Подъемный материал. Национальный музей Таджикистана, № КВ-15911; посредине - сидящая богиня. Терракотая статуэтка. III в. до н.э. - II в. н.э. Кейкобадшах; справа - Голова богини. Терракота. I в. до н.э. - I в. н.э. Кейкобадшах

Илл. 2.1.33. Терракотовые статуэтки из Аджинатепе: слева наверху - головы Будды. Фрагмент плакетки. VII - начала VIII вв. Двор монастыря; справа наверху - Фрагмент головы деваты. 14 x 16 см. VII - начало VIII вв. Помещение 1. Находка 1/С-9. Государственный Эрмитаж. № В-1480; снизу слева на права - сидящий Будда. Фрагмент образка-плакетки. 15,5 x 13 x 6 см. VII - начала VIII вв. Коридор XXVII

Илл. 2.1.34. Терракотовые плакетка и плитки из Кафыркала: посредини наверху - сцена охоты царя на горного барана. Терракотовая плакетка. 45 х 34 х 4 см. VII в; справа снизу - Донаторы. Терракотовая плитка. 19,5×19,5 х 2 см. VII в.; снизу справа - Кк-2. Сцена охоты на льва. 14 х 13 х 2 см. VII в.

Илл. 2.1.35. Слева - богиня. Терракотовый образец. Долина Вахша; посредине - божество с трезубцем. Терракотовая плакетка. 14,3 х 8 см. Бохтар; справа - бюст бородатого мужчины. Налеп под ручкой одноручного кувшина. 3,0 х 4,2 см. IV - V вв. Актепа 2

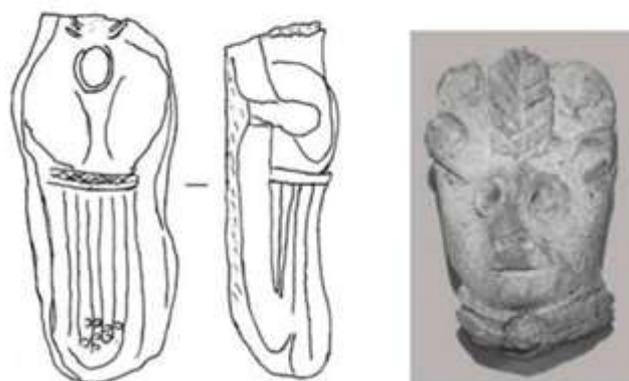
КУЛЯБСКИЙ ОАЗИС

Илл. 2.1.36. Богини из Саксанохур: слева - богиня с зеркалом. Статуэтка и форма для ее изготовления. I - III вв. н.э. Национальный музей древностей Таджикистана, К№ 111; справа - Богиня с сосудом (кубком) и венком в руках. 12,7 x 3,5 см. I - III вв.

Илл. 2.1.37. Терракотовые статуэтки из Саксанохур: слева наверху - фигурка богини. Терракота. I - III вв.; справа наверху - всадник на лошади. Высота 12,5 см. I - III вв.; снизу слева - терракотовые изображения всадника; справа снизу - фрагмент из Саксанохура. I - III вв. н.э.; справа - из фондов Национального музея древностей Таджикистана. № КП 669-1314

Илл. 2.1.38. Слева - богиня. Фрагмент терракотового образка. Нозкул 2; справа - голова демона. Фрагмент статуэтки. Нозкул 5.

Илл. 2.1.39. Статуэтки из Селение Хульбак: наверху - женская статуэтка. I - III вв.; слева внизу - фрагмент женской статуэтки. I - III вв.; справа снизу - Кушанский правитель. I - III вв.

Илл. 2.1.40. Статуэтки из Селение Хульбак: наверху слева - статуэтка Будды. I - III вв.; слева внизу - Кушанский правитель. I - III вв.; справа снизу - Сидящее божество. I - III вв.; справа снизу - Женщина с руками у живота. I - III вв.

Илл. 2.1.41. Слева - статуэтка стоящего мужчины. III в. до н.э. - IV в. Чармгарони Поён. Раскоп 2, ярус 5.; посредине - фрагмент терракоты с отломанной верхней частью. IV в. н.э. Городище Золи Зард. Цитадель. Раскоп 3, помещение 2; справа - Терракота с отломанной головкой. IV в. н.э. Цитадель городища Золи Зард. Помещение с хумами.

Илл. 2.1.42. Слева - Божество с жезлом. 15,6 x 10,1 см. III – IV вв. Пушинг; посредине - Голова богини. Национальный музей древностей Таджикистана, № КП-1159-48; справа - Мужская (?) голова. Национальный музей древностей Таджикистана, № КП-1060-1619

Илл. 2.1.43. Слева - неизвестный персонаж. Национальный музей древностей Таджикистана, № КП-1060-1619; посередине - персонаж с сосудом в руках. Национальный музей древностей Таджикистана, № КП-669-1398; справа - стоящий персонаж. Национальный музей древностей Таджикистана. Б/н

Илл. 2.1.44. Слева - Фрагмент терракотовой пластины. Национальный музей древностей Таджикистана. № КП 647-1756; посередине - Терракотовая пластина. Национальный музей древностей Таджикистана. № Я-63; справа – Головка терракотовой фигурки. Национальный музей древностей Таджикистана. № 546-402

Илл. 2.1.45. Наверху слева - стоящий мужчина с расставленными ногами. Национальный музей древностей Таджикистана. № К13 669-383.; наверху справа - Всадник (?). Национальный музей древностей Таджикистана. № КП 669-1379; слева справа снизу - Головки терракотовых статуэток. Национальный музей древностей Таджикистана. № КП 495-486

Илл. 2.1.46. Слева - богиня с сосудом. Национальный музей древностей Таджикистана. № Я64(380); посередине - головка терракоты. Национальный музей древностей Таджикистана. Б\н; справа - персонаж в накидке. Национальный музей древностей Таджикистана. № Я64(Ш-Ш ор).

Илл. 2.1.47. Слева - фрагмент головки терракотовой фигурки. Национальный музей древностей Таджикистана. № Л-121(38393 КВП); посередине - Богиня. Национальный музей древностей Таджикистана. № КП 588-1956; справа - Богиня со сложенными у живота руками. Национальный музей древностей Таджикистана. Б/н.

Илл. 2.1.48. Слева - богиня. Фрагмент терракотовой пластины. Национальный музей Таджикистана; посередине - Обнаженная богиня. Национальный музей Таджикистана; справа - богиня с сосудом (кубком) и венком в руках. I - III вв. Национальный музей Таджикистана.

Илл. 2.1.49. Слева - богиня. Национальный музей Таджикистана; посредине - Стоящая богиня в полный рост. Фрагмент статуэтки. VII - начало VIII вв. Национальный музей Таджикистана; справа - терракотовое изображение богини. Фрагмент. Национальный музей Таджикистана.

Илл. 2.1.50. Слева - мужская голова. Национальный музей Таджикистана; посредине - Головка терракотовой фигурки. Национальный музей Таджикистана; справа - головка терракотовой фигурки. Национальный музей Таджикистана

Илл. 2.1.51. Слева - терракотовый образец. Национальный музей Таджикистана; посредине - сидящий персонаж в драпированной одежде. Конец IV до н.э. - II вв. н.э. Национальный музей Таджикистана; справа наверху - фрагмент головы терракоты. Национальный музей Таджикистана; справа внизу - всадник. Национальный музей Таджикистана

Илл. 2.1.52. Слева - стоящий персонаж с руками у груди. Национальный музей Таджикистана; посредине - богиня с сосудом (кубком) и венком в руках. I - III вв. Национальный музей Таджикистана; справа - сидящий буддийский персонаж. Национальный музей Таджикистана.

Илл. 2.1.53. Слева - Кушанский правитель. I - III вв. Национальный музей Таджикистана; посередине - Беременная богиня. Национальный музей Таджикистана; справа - Персонаж со сведенными на груди руками. Национальный музей Таджикистана.

Илл. 2.1.54. Слева - фрагмент терракоты. Национальный музей Таджикистана; посередине - Персонаж в короне. Национальный музей Таджикистана; справа - Терракотовая головка. Национальный музей Таджикистана.

Илл. 2.1.55. Слева - фрагмент головки терракотовой фигурки. Национальный музей Таджикистана; посередине - Голова терракотовой фигурки. Национальный музей Таджикистана; справа - Богиня, кормящая младенца грудью. Национальный музей Таджикистана. № КВ-15565.

Илл. 2.1.56. Слева - Женщина, держащая на руке плод. Национальный музей Таджикистана. № КВ-15896; посередине - Мужской персонаж с круглым предметом в руке. Национальный музей Таджикистана. № КВ -17155/1; справа - Богиня с зеркалом. Статуэтка и форма для ее изготовления. Национальный музей древностей Таджикистана. КВ 15753

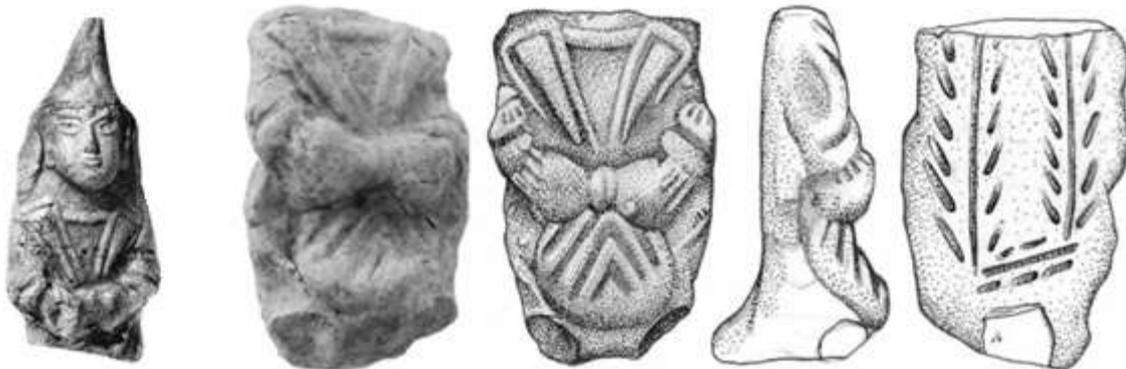
Илл. 2.2.1. Дед-Земледелец. Терракотовые образки. Пенджикент: слева – из объекта XXIII, помещение 104, золистый слой; посередине – случайная находка; 3 - из фондов НМТ

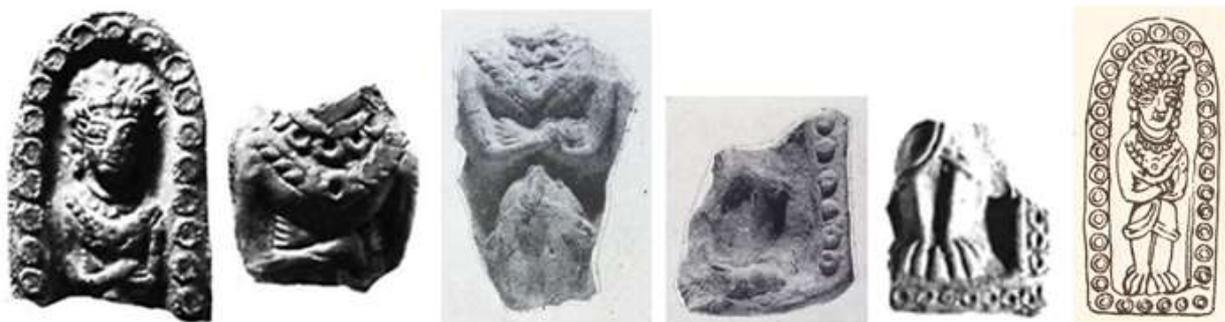
Илл. 2.2.2. Бог, восседающий на троне в виде верблюда. Пенджикент. VI в. Образец крайний справа - 6,6 x 6 см. Инв. № 59/XII-19.

Илл. 2.2.3. Бог, завязывающий пояс. Образец слева - высота 10 см. Крайний справа - 8,5 x 4,5 см. VI в. Пенджикент. Помещение XII. Инв. 59/XII-25.

Илл. 2.2.4. Барабанщик (?). Фрагменты терракотовых плакеток. V - VI вв. Пенджикент. Образец слева - из цитадели. Помещение 33. Высота - 11,4 см. Инв. № 73/Ц-5. 9,5 x 5 см; справа - из объекта VI-С, помещение 8

Илл. 2.2.5. Богиня со звериными лапами. Пенджикент. VI в. Образец третий справа - из объекта XII. 7 x 4,5 см. Инв. № 59/XII-24. Образец второй справа - из помещения XXVI. 5,8 x 4,6 см. Инв. № 71/ XXVI-6. Также инв. № XII-19

Илл. 2.2.6. Находки из Пенджикент: слева - Будда. Фрагмент матрицы. V - VI вв.; справа - Богиня, сидящая на льве. 7,6 x 8 см. VI - VII вв. Объект XXVIII. Инв. № 78/ XXVIII-6.

Илл. 2.2.7. Находки из Пенджикента: слева наверху и внизу - сидящий бог достатка. Фрагмент терракотовой плакетки. 8 x 6 см. Пенджикент VI - VII вв. Объект VI. Инв. № 51/ VI-2.; справа наверху - Богиня, сидящая на троне. VI - VIII вв. Пенджикент. Объект XII. Инв. № XII-36; справа снизу - Всадник. Терракотовая статуэтка. Высота 7 см. VII в. Пенджикент. Цитадель. Инв. № 80/Ц-1.

Илл. 2.2.8. Находки из Пенджикент: Слева и справа наверху - Божество с кифарой. V в. Пенджикент. Помещение XII. Инв. № XII-159.; слева снизу -

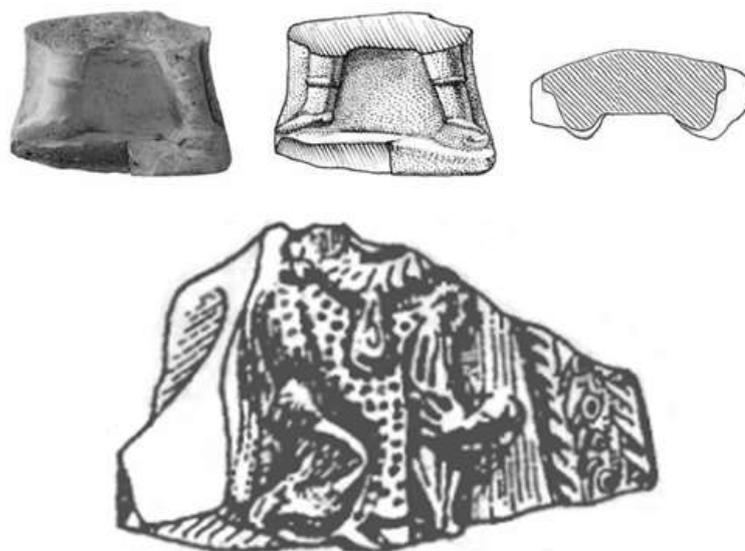
Божество с лирой. 9 x 8 см. VII - VIII вв. Пенджикент. Инв. № 63/ПМ; объект VI. Инв. № VI-12; справа внизу - Головка под аркой. VI - VII вв. Пенджикент. Объект XII. Инв. № XII-22

Илл. 2.2.9. Находки из Пенджикент: слева наверху - Богиня в короне. VI - VIII вв. Пенджикент. Объект III. Инв. № III-144; слева внизу - Женщина - воин. VI в. Пенджикент. Объект XII. Инв. № XII-26; справа наверху - Мужское божество с трезубцем. 5,7 x 5,8 см. VI - VII вв. Пенджикент. Помещение III. Инв. № 65/III-1; справа внизу - Персонаж с расставленными руками. VI - VIII вв. Пенджикент. Объект XII. Инв. № XII-24.

Илл. 2.2.10. Нижняя часть керамической матрицы для терракотовой плакетки с расставленными “в кушанскую” позу ногами. Пенджикент. Объект XXX, помещение 7

Илл. 2.2.11. Находки из Пенджикент: наверху - Фрагмент терракотовой плакетки с оттиском: ноги в «кушанской» позе. Пенджикент. Объект VI-C, помещение 7.; внизу - Плакетка с изображением Ваджрапани. Пенджикент VI - VII вв.

Илл. 2.2.12. Находки из Пенджикент: слева наверху - Сидящий мужчина в кафтане. VI в. Пенджикент. Объект XII. Инв. № XII-23; слева внизу - Пенджикент. Храм I. Статуэтка сидящего человека из необожжённой глины; справа наверху - Фрагмент терракотовой статуэтки с изображением персонажа в кафтане. Пенджикент. Цитадель. Помещение 14; справа внизу - Женщина - воин в панцирном одеянии. VI в. Пенджикент. Объект XII. Инв. № XII-30

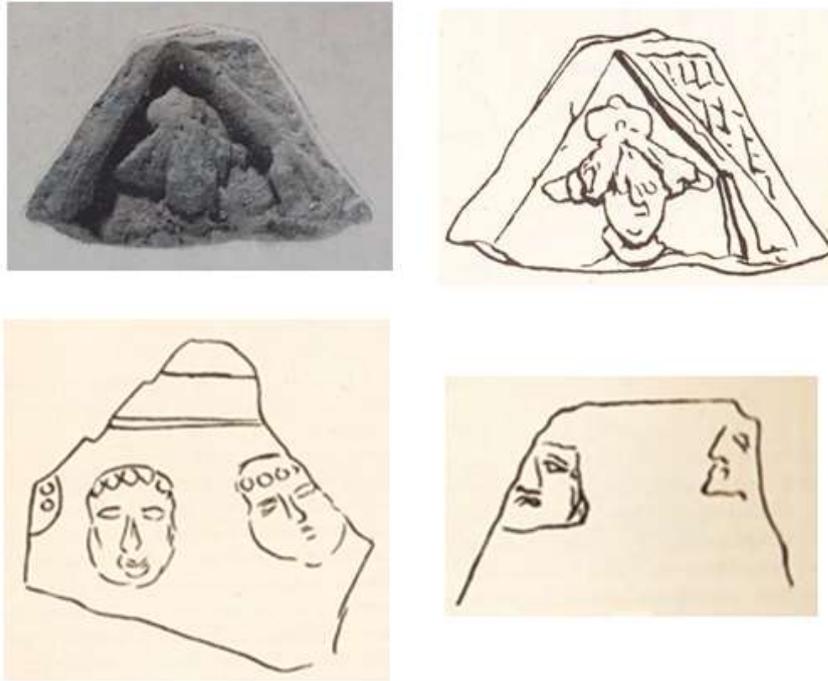
Илл. 2.2.13. Находки из Пенджикент: слева наверху - Терракотовая голова богини. Пенджикент. VII в.; слева внизу - Головка богини с пышной короной. Пенджикент. Объект XXIII, помещение 97; справа наверху - Фрагмент терракотовой плакетки с изображением внутри арки персонажа с короной. Пенджикент. Объект XXIII, помещение 97; справа внизу - Головка персонажа с пышной прической в стрельчатой арке. Пенджикент. Объект XXIII, помещение 97

Илл. 2.2.14. Слева – Головка богини с короной и пышной прической. 5 x 3 см. V - VI в. Пенджикент. Объект XII, помещение 97. Инв. № 59/ XII-40; посередине – Мужчина-буддист. Фрагмент статуэтки. V-VIII вв. Пенджикент; справа - Головка Хотанской терракоты. Пенджикент. Объект XXV, пом. 12

Илл. 2.2.15. Наверху – Фрагмент фигурки - эллинистическая головка в короне типа «Александра». Терракота. Пенджикент. Объект XI-B, помещение 19, кирпичный завал; внизу – Фрагмент плакетки божества с короной. 4,7 x 4,4 см. Пенджикент. VI в. Инв. № 60/XII-ПМ

Илл. 2.2.16. Наверху – Голова богини в шлеме Афины. 4,2 x 7 см. VI в. Пенджикент. Объект XII. Инв. № 59/XII-26; справа внизу – Мужское лицо. Оттиск штампа. Фрагмент керамического сосуда. VII - VIII вв. Пенджикент. Объекты VI и VII. Инв. №№ VI-58, VII-76; слева внизу - Мужское лицо. Оттиск штампа. Фрагменты керамических сосуда. VII - VIII вв. Пенджикент. Объект XII. Инв. № XII(в)-13

Илл. 2.2.17. Слева – Мужская головка в венке из виноградных листьев. Налеп на сосуде. VII - VIII вв. Пенджикент; посередине – Голова женщины с короной. VII - VIII вв. Пенджикент. Объекты III и VI. Инв. № III-52, VI-54; справа - Крылатая обнаженная богиня. Налеп на оссуарии. Пенджикент. VII - VIII вв.

Илл. 2.2.18. Наверху - Индивидуальная находка. Матрица для оттиска головки усатого мужчины для терракоты или оссуарии и новые оттиски с нее. Керамика. Пенджикент. Объект XXVI, помещение 61; слева внизу - Женщина в келафе. Терракотовая головка – налlep на сосуде. VII - VIII вв. Пенджикент. Объект III. Инв. № III-19; справа внизу - Женщина с прической греко-бактрийского типа. Налlep на сосуде. Пенджикент.

Илл. 2.2.19. Крылатая богиня. Налlep на стенке оссуария. Штамповка и гравировка. 11 x 16,5 см. VI - VII вв. Объект VIII. Инв. № 53/ VIII-52

Илл. 2.2.20. Наверху - Обнаженная богиня. V – VI вв. Тали Хамтуда. Помещение 5.; слева внизу - Фигура воина в кафтане. Налеп. VII - VIII вв. Пенджикент. Объект VIII, усадьба 5; справа внизу - Головка богини. Фрагмент терракотовой статуэтки. VII – XII вв. Калай Кахкаха I. Объект VII

Илл. 2.2.21. Слева наверху - Идол. Алебастр. Холикназар; слева внизу - Идольчик. Высота 5,5 x 3 см. I в. до н.э. Мугтепа. Инв. № КП 427/131; справа наверху - Идольчик. Высота 4 x 1,3 см. I в. до н.э. Мугтепа. Инв. № КП 1273/1; справа внизу - Головка идола. 10 x 5,5 см. V – VII вв. Мугтепа

**АТТРИБУТИКА
ТЕРРАКОТ В ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ – ТОХАРИСТАНА И СОГДА**

	БОГИ	АТТРИБУТИКА		БАКТРИЯ - ТАХОРИСТАН	СОГ Д
	Ахура-Мазда	образ всадника и война	Войн	7	2
	Митра	образ всадника и война	Всадник	11	2
	Сроша	завязывающего пояс			3
	Рашну	весы			
	Вэртагна	восседавший на троне в виде крылатых верблюдов; сидит на троне вместе с царицей, в руке чаша с фигуркой верблюда; едет в колеснице; царственный всадник с фигуркой птицы на короне и др.			1
	Ардвисура Анахита	образ обнаженной богини; полуобнаженный с плодом в руке, в окружении зверей, птиц, рыб; одета в длинное и широкое платье с обильными складками, на голове; зубчатая корона, из-под которой на спину спускается коса или уложенные сзади в валик волосы; показана с ребенком.		42	1
	Нана	в длинном платье, сидящей на спине льва, или стоящей у алтаря и возжигающей святой огонь.		19	5
	Ардохшо	атттрибутика цветков и жезл в руках, а также пышная корона на голове богини.			
	Аспандармад	богиня земли			
0	Арштат/Аштат	богиня честности и справедливости			
	Кушанские	изображается в кафтане с широким низом		20	2

1	правители				
2	Дед-земледелец	стоящий персонаж в диадеме с лопатой и саженцами в руках; сидящий на троне у гумна, с короной на голове.			2
3	Геракл			1	
4	Музыканты			4	5
5	Демон			1	1
6	Лакон			1	
7	Александр Македонский			1	
Буддийские персонажи					
8	Будда	сидячей позе с жестом абхайа-мудра в позе падмасана		6	1
9	бодхисатвы	на терракотах показаны в сидячей позе с жестом дхаяна-мудра на троне и в сидячей позе со скрещенными ногами, а также в стоячей позе с расставленными ногами («кушанская» поза).		2	1
0	донаторы			1	
1	адоранты				
2	природные духи якши и якшини,	на терракотах показан в виде обнаженного персонажа с украшениями и набедренной повязкой		4	
3	любовная пара (митхуна).				
4	деваты			1	
5	идолы				2